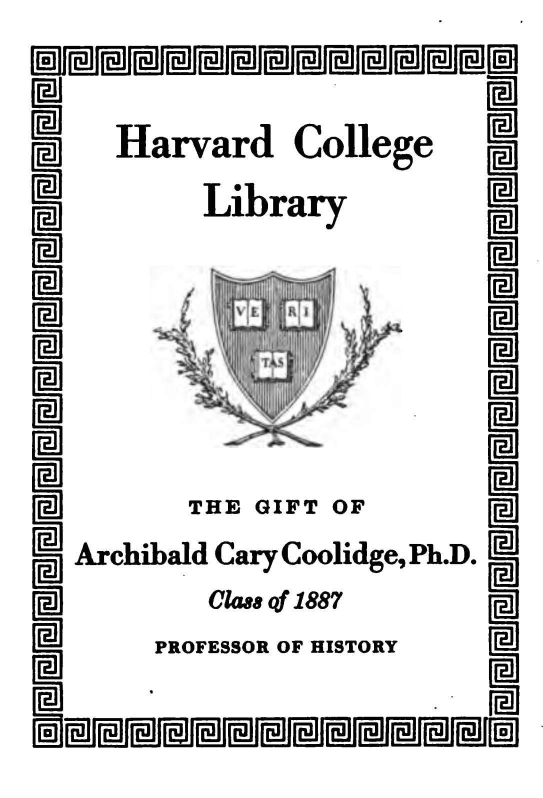
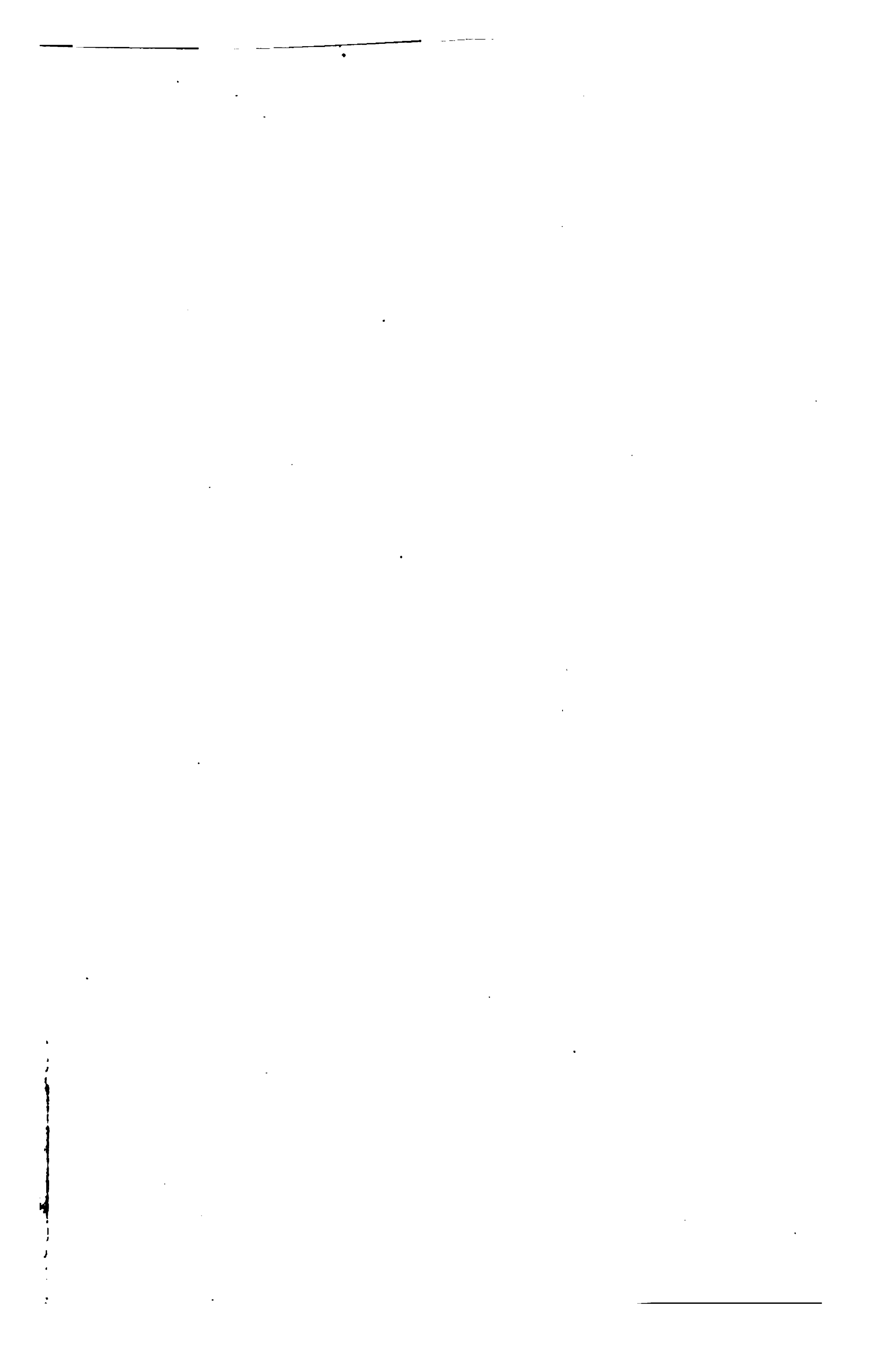

Harvard College
Library
VE RI
TAS
THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

ПОПОВЩИНЫ.

П. Мельникова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

1864.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

ПОПОВЩИНЫ.

П. Мельникова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

1864.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

ПОПОВЩИНЫ.

Also contains, complete, mss

vols 13–14 of his

Cod. Cop. (Sloane 4347.14)

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

ПОПОВЩИНЫ.

П. Мельникова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°.)

1864.

Дозволено цензурой. Москва. Апрѣля 7-го 1864 года.

Глава I.

Начало раскола старообрядства.

Въ старые годы грамотныхъ людей на Руси было очень мало, а полуграмотные переписщики церковныхъ книгъ, по невѣжеству, вносили въ нихъ самыя грубыя ошибки. Къ тексту, исполненному такого рода ошибками, предки наши постепенно привыкали. Черезъ два-три поколѣнія ошибка переписщика дѣлалась уже святынею для набожныхъ людей, строгихъ ревнителей обряда и буквы. Такая порча книгъ началась издавна: такъ называемые «худые номоканунцы» были у насъ еще въ XII вѣкѣ.

То же самое и относительно обрядовъ. Отъ недостатка книжнаго наученья не только міряне, но и духовные путались во множествѣ сложныхъ обрядовъ. Это особенно замѣчалось въ Новгородѣ и Псковѣ. Оттуда и пошли по сѣверной Руси обряды, не согласные съ древними греческими, не извѣстные въ южной, кіевской Руси, но получившіе значеніе неприкосновенной святыни въ глазахъ ревнителей старины сѣвернаго края. Таковы: сугубая аллилуія, двуперстное сложеніе, ходы посолонь

и пр. На сѣверѣ, то-есть во всей Великой Россіи, всѣ эти обряды стали сильно распространяться и утверждаться съ 1410 года, или со времени раздѣленія русской митрополіи на двѣ половины, московскую и литовскую, окончательно же они утвердились во времена первыхъ московскихъ патріарховъ [1]. Ослабленіе связей съ Константинопо-

---

[1] И. Д. Бѣляевъ такъ опредѣляетъ происхожденіе двуперстнаго сложенія, обряда, которому старообрядцы наши придаютъ особенно важное, догматическое значеніе: «Двуперстіе распространилось въ XIV вѣкѣ въ Галицкой Руси по случаю распространенія тамъ Армянъ-монофизитовъ. Отсюда, въ XV вѣкѣ, оно перенесено въ Новгородъ, и было усвоено многими, какъ оппозиція ереси Схаріи, или, такъ-называвшихся, «жидовствующихъ». Затѣмъ Ѳеодоритъ, ученикъ Св. Зосимы Соловецкаго, написалъ извѣстное *Слово Ѳеодоритово*; вошедшее въ Стоглавъ. (См. *День* 1863, №№ 9 и 10.) Двойная аллилуія, другой важный, по мнѣнію старообрядцевъ, обрядъ пошелъ, какъ извѣстно, изъ Пскова, тоже въ XV столѣтіи. Во время архіепископа новгородскаго Геннадія (1485 — 1504), и двоили и троили аллилуію, какъ видно изъ слѣдующей отписки къ нему Дмитрія Стараго (Дмитрія Толмача) изъ Рима: «Господину преосвященному архіепископу Новагорода и Пскова владыцѣ Геннадію, слуга вашъ, святительства твоего Дмитрій Старой челомъ бьетъ. Велѣлъ еси, господине, отписати къ собѣ о трегубной *алъ илъ уіа*, высмотривъ въ книгахъ. Ино, господине, того и здѣсь въ книгахъ не описано какъ говорити трегубно ли, сугубно ли. Но мнѣ ся помнитъ, что и у насъ споръ бывалъ межъ великихъ людей и они обоя однඋово осудили *алъ илъ уіа*, и въ четвертое *слава тебѣ, Боже*, является тріипостасное божество и единосущнаго, а сугубное *алъ илъ уіа* являетъ въ двѣ естествѣ едино божество. Іно,

лемъ и потомъ полная, автокеѳальная независимость московской церкви, обусловливали невмѣшательство восточныхъ патріарховъ въ великорусскія церковныя дѣла, между тѣмъ литовская половина Руси до конца XVII столѣтія зависѣла вполнѣ и непосредственно отъ цареградской патріархіи и всегда находилась въ болѣе тѣсныхъ связяхъ съ восточными православными церквами чѣмъ московская. Этимъ объясняется замѣчательное и въ наше время явленіе: въ южно-русскихъ областяхъ не было и нѣтъ испорченныхъ обрядовъ и не образовалось раскола: до сихъ поръ въ Малороссіи и западномъ краѣ расколъ чуждъ коренныхъ жителей и содержится одними выходцами изъ Великой Россіи.

Еще при Иванѣ Грозномъ искаженіе обряда и буквы въ Московскомъ государствѣ было уже такъ велико и такъ повсемѣстно, что обратило на себя вниманіе самого царя. Вѣрнѣйшимъ средствомъ отвратить дальнѣйшую порчу книгъ малограмотными переписчиками признано было книгопечатаніе. Стали печатать книги въ Москвѣ, но по тѣмъ невѣрнымъ спискамъ, которые были во всеобщемъ употребленіи. Самое же исправленіе книгъ отлагалось отъ времени до времени. Смутное время, въ на-

---

какъ глаголетъ человѣкъ, тою мыслію тако добро. *Ал ил уіа* толкуется: *ал* — пріиде, *ил* — явися, *уіа* — Богъ — пойте и хвалите живаго Бога. — Инако толкуется: *ал ил уіа* — хвалите Богу или хвалите Господа, или Сущаго хвалите, якоже и Давидъ вопіяше, глаголя: Богъ явѣ пріидетъ, Богъ нашъ не премолчитъ.»

чалѣ XVII вѣка, и послѣдствія его надолго задержали дѣло рѣшительнаго исправленія книгъ. Такъ и шло дѣло до половины XVII вѣка.

Въ это время бархатную мантію съ золотыми источниками надѣлъ Никонъ Мордвинъ, родомъ изъ села Вельдеманова [1], человѣкъ обширнаго ума и непреклонной воли, «собинный другъ» царя Алексѣя Михайловича. Онъ принялъ рѣшительное намѣреніе, во что̀ бы то ни стало, исправить книги и исправленными одновременно и повсемѣстно замѣнить порченныя, какъ печатныя, такъ и рукописныя. Въ 1654 году Никонъ издалъ *Служебникъ*. Въ немъ отмѣнялись нѣкоторые обряды, къ которымъ привыкли и попы, и міряне въ продолженіе не одного столѣтія. Ужасомъ поражены были люди набожные, строгіе ревнители старины и обряда; для ненабожныхъ было все равно. Недовольство патріархомъ обнаружилось тотчасъ же. И гдѣ же? Рядомъ съ патріархіей, въ кремлевскихъ теремахъ, на половинѣ набожной и благочестивой царицы Маріи Ильиничны.

Воспитанная въ старыхъ обрядахъ, свято чтимыхъ Милославскими и всѣми ихъ родственниками и свойственниками, набожная, но неразвитая, благочестивая, но не наученная книжной мудрости, царица съ негодованіемъ встрѣтила Никоновы «новшества». Всѣ окружавшіе ее, самые близкіе къ ней люди, недоброхотно смотрѣли на дѣло Никона. Ста-

---

[1] Нижегородской губерніи, Княгининскаго уѣзда, на горѣ Тяпкиной.

рикъ Соковнинъ, ея ближайшій совѣтникъ, завѣдывавшій ея частнымъ хозяйствомъ; сыновья его, бывшіе при царицыномъ дворѣ; его дочери — Морозова и княгиня Урусова, самыя любимыя царицею боярыни, сверстницы ея по воспитанію [1]; вся родня ея, то-есть Милославскіе, Хованскіе, были истые ревнители обряда и старины. Съ ненавистью смотрѣли они на Никона и хулили его дѣло въ царицыномъ теремѣ. Самъ духовникъ Марьи Ильиничны, благовѣщенскій протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ, прежде пріятель Никона, теперь явно ему воспротивился и много недобраго внушалъ своей духовной дочери о «новосоставленныхъ, Никономъ измышленныхъ», обрядахъ. Главные соборяне кремлевскихъ соборовъ были однихъ мыслей съ царскимъ духовникомъ. Такимъ образомъ, при самомъ началѣ церковнаго раздора, во главѣ противниковъ Никона стали царица московская съ ближними къ ней людьми и самое высшее бѣлое духовенство московскаго кремля.

Царь и бояре, кажется, принимали въ этомъ дѣлѣ мало участія. Со времени изданія *Служебника*, Алексѣй Михайловичъ безъ малаго два года почти безъ выѣзда находился въ Литвѣ, побѣдоносно воюя съ польскимъ королемъ.

Изъ кремлевскихъ теремовъ полился расколъ по московскимъ улицамъ, а изъ Москвы, изо всѣхъ

---

[1] Изъ нихъ Алексѣй Прокофьевичъ вмѣстѣ съ Циклеромъ казненъ Петромъ I, Морозова и кн. Урусова умерли въ Боровскѣ въ тюрьмѣ, гдѣ содержались за расколъ.

заставъ ея, разлился во всѣ стороны по городамъ, по селамъ и деревнямъ. По городамъ во главѣ раскола стало также высшее бѣлое духовенство. Въ числѣ первыхъ расколоучителей видимъ протопоповъ и поповъ: Никиту — въ Суздалѣ, Аввакума — въ Юрьевцѣ, Лазаря — въ Романовѣ, Даніила — въ Костромѣ, Логгина — въ Муромѣ, Никифора — въ Симбирскѣ, Андрея — въ Коломнѣ, Серапіона — въ Смоленскѣ, Варлаама — въ Псковѣ и проч. По селамъ пріобыкшіе къ старому обряду попы сначала преспокойно положили новоисправленныя книги на клиросахъ, и не заглядывая въ нихъ, пѣли службу по-старому. На первыхъ порахъ сельскій народъ и не замѣтилъ перемѣны. Но въ монастыряхъ, гдѣ иночествующая братія была относительно развитѣе и разумнѣе приходскаго духовенства, новый обрядъ былъ принятъ. Въ монастыряхъ служили по-новому, въ приходахъ по-старому. Народъ, видя такую рознь, соблазнялся. И пошли толки. Между тѣмъ монахи, патріаршіе десятильники и заказчики доносили святѣйшему, что сельскіе попы «ему ослушны: по новымъ книгамъ его исправленія службы Божіей въ приходныхъ церквахъ не поютъ.» По такимъ доносамъ начинались розыски: съ поповъ, уличенныхъ въ службѣ по Іосифовскимъ книгамъ брали денежныя пени, сажали ихъ по монастырямъ подъ началъ, упорнѣйшихъ держали въ монастырскихъ поварняхъ на цѣпяхъ. Иногда ослушниковъ воли патріаршей смиряли и батогами. Наказанія ожесточали, и попы дѣлались упорнѣе, думая что страдаютъ за правду,

за старую отеческую вѣру. Стали нѣкоторыхъ, болѣе вліятельныхъ, посылать въ ссылки. Народъ смотрѣлъ на нихъ какъ на мучениковъ за «старую вѣру», укрѣплялся въ стояніи за старину и слушать не хотѣлъ никакихъ увѣщаній о покореніи волѣ святѣйшаго Никона. А между тѣмъ изъ Москвы, изъ палатъ и хоромовъ политическихъ враговъ патріарха, бывшаго тогда почти полновластнымъ правителемъ государства, неслись по сельщинѣ и деревеньщинѣ недобрыя вѣсти: «Никонъ старую вѣру рушитъ!...» И задумались православные. Задумались и въ Москвѣ, и на Волгѣ, и на Сѣверѣ, и въ Сибири.

И встарь, какъ и теперь, русскій народъ каждое событіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ и близко касающееся его домашняго быта, его собственныхъ дѣлъ, объясняетъ по-своему. Объясненія бывали и бываютъ иногда до крайности нелѣпы, но они всегда замѣчательны, какъ выраженіе народныхъ симпатій и антипатій даннаго времени. Такъ было и при исправленіи церковнаго обряда Никономъ.

Откуда эти «новшества»? Кто возбудилъ Никона рушить старую вѣру? Чье велѣніе творитъ онъ? Такіе вопросы, двѣсти лѣтъ тому назадъ, задавали себѣ на Руси ревнители старины. Первымъ виновникомъ оказался, разумѣется, діаволъ, всегда искій кого поглотити, исконный пакостникъ роду христіанскому. А за нимъ — папа римскій, которому на этотъ разъ, разумѣется, и въ голову не приходило ничего подобнаго. Въ то время и Ве-

ликоруссы и Южноруссы были страшно озлоблены противъ Поляковъ и римскаго костела. Въ Московскомъ государствѣ у всѣхъ еще на свѣжей памяти были недавнія событія смутнаго времени и фанатическое звѣрство римскихъ католиковъ въ самыхъ стѣнахъ кремля. Люди Московскаго государства были современниками польскихъ неправдъ и неистовствъ при варварскомъ, насильственномъ, кровавомъ обращеніи Южноруссовъ и Бѣлоруссовъ въ унію. Малороссія только-что поддалась «подъ высокую руку» православнаго царя, избѣгая польско-католическаго ига. Царь въ Литвѣ побѣдоносно мстилъ обиды и многія неправды польскаго короля и пановъ рады. Уже Вильно и Гродно были наши, сама Варшава трепетала въ ожиданіи очереди сдѣлаться московскимъ пригородомъ. Москвитяне находились въ напряженномъ состояніи. Всякое зло приписывалось ненавистнымъ Полякамъ и кознямъ римскаго двора и іезуитовъ. Эта ненависть поддерживалась и усиливалась разными сочиненіями, писанными въ литовской Руси, съ цѣлію охранить православіе отъ католицизма. По тогдашнимъ московскимъ понятіямъ, злѣе, душепагубнѣе латинства во всемъ мірѣ другой ереси не было. И пустили враги Никона по народу слухъ нелѣпый, но за то быстро распространившійся отъ Днѣпра до Байкала и повсюду принятый за истину, не требующую доказательствъ. «Поляки да римскій костелъ, чрезъ врага Божія Никона, хотятъ замутить русскою землею.» И пошли по народу одни толки за другими. И пошла по людямъ мірская молва, что

по морю морская волна. И было много смятенія въ людяхъ.

«Православный государь за многія неправды польскаго короля и пановъ рады и всей рѣчи посполитой, съ помощію Божіею, и своимъ государевымъ счастіемъ отмщеніе чинитъ и храбрствомъ своимъ, доброхотствомъ же и многою службою и кровавыми ранами и потомъ христолюбиваго воинства, православныя церкви отъ прелестнаго папежскаго насилія боронитъ; — а на Москвѣ сидитъ Мордвинъ и всѣмъ царствомъ мутитъ, держа руку государевымъ злодѣямъ и послѣдуя богоотметному римскому костелу.» Такъ говорили въ Московскомъ государствѣ.

«Яко новый Іуда и святыхъ православныя вѣры догматовъ отметникъ, Исидоръ митрополитъ зломудренный, на злочинномъ флоренскомъ соборѣ латинскую ересь прія и римскому папежу любезно прилѣпися; яко бѣсовскій сынъ и страдникъ Игнатій Грекъ, во дни растригины на патріаршемъ престолѣ бывый и Божіимъ попущеніемъ, врага же человѣческаго діавола дѣйствомъ, жезлъ святителя Петра въ скверной руцѣ своей державый, пагубному костелу и зловѣрнымъ езувитамъ, тако же и папежу римскому себѣ предаде; — тако и сей многомятежный Никонъ, смутитель Россійскія земли, латинскую, Богомъ ненавидимую ересь прія, къ римскому костелу прилѣпися, повелѣнія зломудраго папежа творяй, проклятаго папы Формоза и сына погибельнаго Петра Гугниваго преданія соблюдаяй, крайнюю лесть богомерзкаго латинскаго уче-

нія... въ людяхъ Московскаго государства пропо-вѣсть, хотяй всѣхъ православныхъ христіанъ широкими путьми пространнаго житія въ кромѣшную бездну адову ко отцу своему діаволу привести.» Такъ говорили на Москвѣ, такъ говорили по городамъ, по селамъ, по деревнямъ.

«Никонъ, толковали, пріемшій латинскій (четвероконечный) крыжъ, ругаяся истинному и животворящему кресту Господню, трисоставному, осмиконечному, нашилъ его, святынѣ и Богу Всевышнему ругаяся, на своихъ башмакахъ, да скверныма своима ногама ежечасно попираетъ святое знаменіе, его же бѣси трепещутъ и еже вселенную утверди.

«Никонъ, говорили, отметнувъ святый жезлъ Петра чудотворца, повелѣ его своимъ страдникамъ въ нуждную яму вкинути, а на своемъ скверномъ жезлѣ зміи антихристови нѣмецкою хитростію устрои, и егда свою литургію богоотметную служитъ, благочестивые и христоподражательнія людіе во очію зрятъ, яко не святый омофоръ, но нѣкій мерзкій и престрашный, чермный зміи на плещахъ его виситъ, ползая и трегощуще.»

Таковы были народные толки о Никонѣ. [1] И раз-

---

[1] Все это буквально взято изъ раскольнической рукописи *Порѣченія на новоявленнаго Арія, Несторія же и Діоскора, рекше Никона патріарха.* Рукопись въ восьмушку, 152 страницы, безъ конца, новаго письма, нынѣшняго столѣтія; но она, по всему видно, списокъ съ сочиненія современнаго Никону. Рукопись, какъ видно изъ надписи, принадлежала Тарасу Колосову, старообрядцу Балахонскаго уѣзда, Нижегородской губерніи.

дался по городамъ и селамъ, по лѣсамъ и пустынямъ, тотъ самый ясакъ [1], который лѣтъ сорокъ до того «воздвигъ отъ сна уснувшихъ», по выраженію Минина [2]. Ясакъ тотъ былъ: «погибаетъ вѣра православная!» Еще живы были старики, что въ юности порадѣли дѣлу земскому, ходили съ Кузьмой Захарьевичемъ, да съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ очищать Москву «отъ польскихъ людей и отъ русскихъ воровъ». «На то ли мы боронили святоотеческую, православную церковь, говорили они теперь, — чтобы съ Никономъ отступникомъ зловѣрію послѣдовать и впадше въ смрадную яму еретичества, душами и тѣлесами погибнуть?» Противленіе патріарху до того дошло, что не только по многимъ церквамъ царствующаго града Москвы, но и въ самомъ Успенскомъ соборѣ, священники и причтъ не переставали служить по-старому, по-Іосифовски. При самомъ служеніи патріарха въ этомъ храмѣ, священникъ Иванъ Нероновъ не допускалъ чтецовъ троить аллилуію и много разъ споривалъ о томъ съ самимъ Никономъ, къ явному соблазну богомольцевъ. Нероновъ былъ въ милости при дворѣ, и Никонъ въ то время еще не рѣшился строго поступить съ нимъ [3]. «И мнози, говоритъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ раскольническихъ писателей, яко отъ священныхъ, тако и отъ мірскихъ, о того (Никона) новинахъ смущахуся, и ве-

---

[1] Кликъ.

[2] *Ельнинскій хронографъ*. См. *Отеч. Записки* 1842, № 7.

[3] Семена Денисова *Россійскій Виноградъ Повѣсть о Никонѣ патріархѣ*.

ликія молвы и мятежи въ Россійской земли совершаху [1].»

А между тѣмъ чума ходила по Россіи и были повсемѣстные неурожаи. Страшная была гибель народа. Мы, современники холеры, не можемъ вполнѣ представить всѣхъ ужасовъ, которыми сопровождалось моровое повѣтріе 1654 года. Города опустѣли; посадскіе люди и крестьяне, которые не умерли, разбрелись врознь. Хоронить было некому; трупы гнили въ домахъ: иныя деревни вымерли поголовно. [2] Поля остались не засѣянными, кустарниками поросли. Оттого голодъ пошелъ, и на все непомѣрная дороговизна. Народъ молился, женщины по ночамъ таинственно опахивали селенія, мущины по обѣту строили «обыденныя» церкви, обрѣтались чудотворныя иконы и, какъ гласятъ благочестивыя преданія, избавляли цѣлые города отъ мора. Народъ страдалъ и всю бѣду сваливалъ на того же Никона. «То — Божіе наказаніе, говорилъ онъ, за то, что многіе христіане, послѣдуя за Божіимъ врагомъ, отринули святоотеческіе завѣты и преданія.» Стояли необычайные морозы, были страшныя бури, градомъ выбивало поля, а на небесахъ то-и-дѣло видимы были знаменія: столпы кровавые ходили, солнце меркло, явилась огромная звѣзда съ метлой... «Зрите, православные, зрите знаменія гнѣва Господня, излія бо Вышній фіалъ ярости своея, грѣхъ ради нашихъ. А за то всеблагій Творецъ родъ хри-

---

[1] Тамъ же.

[2] Акты Нижегородскаго Печерскаго монастыря.

стіанскій наказуетъ, что многіе пошли по слѣдамъ врага Божія и Пречистыя Богородицы — волка Никона!»

И малая доля подобныхъ толковъ, проникая въ крестовую патріаршую палату, могла бы смутить всякаго, носившаго жемчужныхъ херувимовъ на головѣ и бархатную мантію на плечахъ, но не таковъ былъ Никонъ. Онъ, ужь по природѣ своей, никакъ не могъ своротить съ разъ избраннаго пути, никакъ не могъ сдѣлать какой-либо уступки, словомъ, ни одного шага назадъ. Препятствія лишь усиливали его энергію, и онъ писавшійся «*Божіею милостію великимъ государемъ* и патріархомъ», всѣмъ объемомъ души вѣрилъ въ свое божественное право не только учить но и повелѣвать. За отсутствіемъ царя, онъ правилъ государствомъ, и передъ нимъ, вельдемановскимъ Мордвиномъ, крестьянскимъ сыномъ, волей-неволей преклонялись гордые, заносчивые, родословные люди Московскаго государства. Боярская дума думала такъ какъ хотѣлось Никону. Во всѣхъ приказахъ творилась воля его; для непокорныхъ же — тюремъ и застѣнковъ было не занимать стать. Врачъ душевный каралъ тѣлеса и каралъ тяжко. Непокорные попы томились въ ссылкахъ или въ монастырскихъ поварняхъ и погребахъ съ цѣпями на шеѣ. Дрожали и вельможи. Сама царица не считала себя вполнѣ безопасною. Здоровье ея сильно растраивалось.

Никонъ счелъ нужнымъ строго, властію всей церкви, утвердить исправленный обрядъ. По правиламъ это возможно было лишь посредствомъ

помѣстнаго собора. Собору же быть безъ воли и личнаго присутствія государя, по тѣмъ же правиламъ и по всѣмъ бывшимъ примѣрамъ какъ въ русской такъ и въ византійской церкви, нельзя. А государь все въ Литвѣ. И невольно медлилъ Никонъ, досадуя, давая волю гнѣву, и въ то же время, постясь, молясь и нося тяжелыя вериги, умерщвлялъ плоть свою. Въ это время онъ начиналъ уже дѣятельную переписку съ восточными патріархами. Объ уступкахъ, о снисхожденіи, объ умиреніи народа патріархъ и не помышлялъ: онъ презиралъ народъ и его желанія не меньше чѣмъ въ послѣдствіи Петръ.

Какъ скоро Алексѣй Михайловичъ воротился въ Москву, Никонъ созвалъ соборъ русскихъ архіереевъ (1656), еще разъ утвердившій новоисправленный обрядъ, приравнявшій двуперстіе къ ересямъ несторіевой и армянской и проклявшій крестящихся двумя перстами. [1] Тогда же, для повсемѣстнаго прекращенія службы по - старому, Никонъ приказалъ по всѣмъ приходамъ, и городскимъ, и сельскимъ, отобрать старыя книги. Поступая такимъ образомъ, онъ, конечно, имѣлъ въ виду примѣръ патріарха Филарета, не только повсюду отобравшаго, но даже и сжегшаго *Уставъ*, напечатанный въ Москвѣ въ 1610 году. Но что удалось, царскому отцу, то не прошло благополучно при сынѣ вельдемановскаго Мордвина. Двуперстники на соборную анаѳему отвѣчали анаѳемой, а разосланнымъ для отобранія старыхъ, свято чтимыхъ

[1] *Скрижаль* I — *л.* 11, на обор.

книгъ «по многимъ городамъ и селамъ не отдавали, и служить по нимъ не переставали.» Посланные мѣстами прибѣгали къ насиліямъ; бывали драки и даже увѣчья изъ-за книгъ, а изъ нѣкоторыхъ церквей мірскіе люди тайкомъ брали старыя книги, и какъ драгоцѣнность, уносили съ собой въ лѣса, въ пустыни, въ тундры отдаленнаго сѣвера. До крайности крутая мѣра отобранія старинныхъ книгъ на всемъ пространствѣ Московскаго государства потрясла всѣхъ, а особенно людей простыхъ. «Какъ же, говорили они, — вѣдь по этимъ книгамъ столько лѣтъ божественную службу правили, вѣдь по этимъ книгамъ святыя тайны совершали и насъ освящали, а теперь эти книги не въ книги? По этимъ книгамъ святые отцы Богу угодили, а теперь онѣ негодны стали! Кто же правѣе, кто же святѣе: святые отцы и преподобные, или Никонъ?» Вразумлять такъ говорившихъ, что таинство и души человѣческія освящаются не внѣшнимъ обрядомъ, и не старыми или новыми книгами, а вѣрою и благодатію, что исправленіе обряда необходимо — было совершенно невозможно. Простые сердцемъ и не книжные люди этого не понимали, да и понять не могли. Что же вышло? Всѣ люди набожные, всѣ люди преданные церкви уклонились отъ Никона и образовали *расколъ*. Сюда принадлежало преимущественно простонародье, особенно женщины. Напротивъ люди болѣе или менѣе равнодушные приняли все введенное Никономъ. Сюда принадлежало большинство людей высшихъ классовъ тогдашняго общества. Не легко было и имъ

переучиваться креститься: по привычкѣ, усвоенной съ младенчества, правая рука все складывала для крестнаго знаменія два перста, но понемногу эти люди пріобрѣли навыкъ креститься по-новому.

Никонъ въ своихъ дѣйствіяхъ опирался на авторитетъ восточныхъ православныхъ патріарховъ и надѣялся на нихъ какъ на каменную стѣну. Но люди Московскаго государства Грековъ ставили ни во что. Въ XVII столѣтіи патріархи, митрополиты, архимандриты, монахи и купчины греческіе то и дѣло къ намъ ѣздили: привозили они четки іерусалимскіе, иконы, камешки отъ святыхъ мѣстъ Палестины, и въ замѣнъ того получали червчатые бархаты веницейскіе, дорогіе аксамиты и алтабасы, сибирскихъ соболей, кафимскій жемчугъ и золотые ефимки. Чтобы получить побольше милостыни отъ набожнаго царя и благочестивыхъ его подданныхъ, Греки возбуждали ихъ къ большей щедрости преувеличенными нерѣдко разказами о паденіи православія на Востокѣ. «Отъ тѣсноты и гоненія Агарянскаго, говорили они, померче православія свѣтъ на Востокѣ; только во единой Москвѣ, семъ третіемъ Римѣ, истинная вѣра сіяетъ яко свѣтило.» Такія рѣчи приходились русскимъ людямъ по сердцу; онѣ льстили народному самолюбію. Иные Греки говорили: «къ вамъ въ Москву надо ѣздить учиться благочестію.» Это еще болѣе радовало Русскихъ и прибавляло хорошіе лишки къ милостынѣ, подаваемой «раззореннымъ Грекамъ». Но уважать Грековъ не уважали. Слова. «суть же Греци льстивы (то-есть обманщики) до сего дня»,

со времень преподобнаго Нестора не выходили изъ сознанія русскихъ людей. Бывавшіе въ Москвѣ греческіе патріархи и митрополиты (1649—1654) [1] видя рознь московскихъ обрядовъ съ греческими, не одобряли ее и совѣтовали Никону поскорѣе приступить къ рѣшительному исправленію. Аѳонскіе старцы тоже говорили, что московскій обрядъ не хорошъ и жгли книги московской печати. Русскій народъ не слушалъ ни патріарховъ, ни аѳонскихъ монаховъ, за то послушалъ старца Арсенія Суханова, своего Русскаго, посланнаго царемъ и Никономъ на Востокъ досматривать тамошніе обряды. Сухановъ все, что видѣлъ, описалъ въ своемъ *Проскинитаріи*, и списки съ этого сочиненія быстро разошлись въ народѣ. Въ немъ русскій паломникъ описалъ всѣ несходства обряда греческаго съ нашимъ, но еще болѣе описывалъ небреженіе Грековъ къ обряду. А для русскихъ людей это больше всего значило. Равнодушіе Грековъ къ памятникамъ святыни, сообщенія ихъ съ иновѣрцами, несоблюденіе постовъ въ томъ строгомъ видѣ, въ какомъ установились они въ послѣднее время у насъ на сѣверѣ, странная для московскаго глаза одежда духовныхъ лицъ и самихъ монаховъ, ношеніе мірянами европейскаго платья — все это до глубины души возмущало Суханова, и онъ съ наивностію стариннаго паломника записалъ свои впе-

[1] Паисій, патріархъ іерусалимскій, въ 1649 г.; Гавріилъ, митрополитъ Назаретскій, въ 1652; Аѳанасій, патріархъ Константинопольскій, въ 1653; Макарій, патріархъ Антіохійскій, и Михаилъ, патріархъ Сербскій, въ 1654 г.

чатлѣнія. Особенно поразило нашихъ предковъ, когда они прочитали у Суханова о Гречанкахъ. На Москвѣ женщины были особенно набожны и приходили въ церковь не иначе какъ подъ фатой и становились особо отъ мущинъ. Гречанки же, по словамъ Суханова, «ходятъ по-франкски (то-есть по французской модѣ), рубашекъ не застегаютъ, груди всѣ голы, вся шея до сисекъ нага и держатъ шею и сиськи чисто гораздо, якобы для прелести. И тако ходятъ не токмо жены, но и дѣвицы. И женятся Греки у Франковъ и Франки у Грековъ.»[1] Это на московскіе глаза было самою страшною ересью и самымъ сильнымъ развратомъ. Никогда не пользовавшіеся добрымъ мнѣніемъ нашихъ предковъ, Греки, съ появленіемъ Сухановскаго *Проскинитарія*, упали еще ниже. Въ то же время узнали на Руси, что многіе Греки признали главенство папы римскаго, что изъ самихъ константинопольскихъ патріарховъ иные склонялись къ латинству, что въ Константинополѣ нѣкоторые Греки уклонились и въ кальвинство. Еще двадцати лѣтъ не минуло, какъ тамошній патріархъ Кириллъ Лукарисъ, явный протестантъ, былъ утопленъ Турками. И не только въ западной Руси, въ самой Москвѣ явились было кальвинисты, послѣдователи Лукариса. Хотя дѣло объ этомъ ведено было въ большомъ секретѣ, однакоже слухъ о патріархѣ-кальвинистѣ ходилъ по Москвѣ.[2]

[1] Арсеній Сухановъ *Проскинитарій*. Описаніе острова Хіо.

[2] Дѣло о послѣдствіяхъ уклоненія Лукариса въ кальвинство до сихъ поръ, кажется, запечатано, хотя и миновали уже два вѣка послѣ его производства.

«У Грековъ вѣра пестра, говорили двуперстники: по взятіи турскимъ салтаномъ Царьграда православіе у нихъ погибло, и они теперь, подъ личиною православія, содержатъ ереси: латинскую, кальвинскую и армянскую.» «А Никонъ къ намъ хочетъ вводить сію пеструю вѣру!» говорили другіе. И когда указывали имъ на восточныхъ патріарховъ, сѣдящихъ на апостольскихъ престолахъ, что и они содержатъ тѣ самые обряды, которые Никонъ теперь велѣлъ на Москвѣ исполнять, что эти патріархи вполнѣ одобрили новыя книги — слушать ничего не хотѣли двуперстники, начитавшіеся *Проскинитарія,* и отвѣчали увѣщателямъ: «знаемъ мы тѣхъ патріарховъ, знаемъ мы какъ они съ богомерзкими Турками съ одного блюда мясо ѣдятъ.» А тутъ Аввакумъ-протопопъ изъ заточенія разсылаетъ грамотки; двуперстники переписываютъ ихъ въ сотняхъ экземпляровъ. И говоритъ Аввакумъ въ слухъ всей Россіи: «мудры б—ны дѣти Греки; да съ варваромъ турскимъ съ одного блюда патріархи кушаютъ рафленыя курки, а Русачки миленькіе не такъ: въ огонь полѣзутъ, а благовѣрія не предадутъ.»[1]

Задавали себѣ русскіе люди, ревнители старины и стараго обряда, вопросъ: православны ли Греки? и всегда почти рѣшали такой вопросъ отрицательно. Вѣдь сами же Греки сказывали, что имъ надо ѣздить въ Москву учиться православію, а теперь хотятъ насъ учить.

---

[1] Аввакумъ: *Второе посланіе къ Симеону.*

«Сказываютъ, толковали на Руси и въ домахъ, и на базарахъ, и на другихъ многолюдныхъ собраніяхъ, — сказываютъ, что и крещены-то Греки не въ три погруженія, а обливаны, какъ обливаютъ въ римскомъ костелѣ. А крещеніе такое нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе. И въ черкасскихъ городѣхъ (Малороссіи) тоже обливаютъ, и въ Кіевѣ водится та же ересь, и у Бѣлорусцевъ, а все отъ того, что тамошніе люди всегда были подъ греческимъ цареградскимъ патріархомъ, а не подъ нашими, православными. Оттого святѣйшій Филаретъ, патріархъ московскій, и велѣлъ крестить Бѣлорусцевъ совершенно [1].»

---

[1] Ложный слухъ о поливательномъ крещеніи у Грековъ введенъ былъ позднѣе въ самый *Проскинитарій* Арсенія Суханова безпоповцами, что много послужило къ распространенію между русскими старообрядцами убѣжденія, будто Греки не имѣютъ правильнаго, въ три погруженія, крещенія. Старообрядецъ, авторъ написаннаго въ 1861 году сочиненія: *Сказаніе о первоначальномъ учрежденіи нынѣ существующей въ нашей древнеправославной церкви священной іерархіи и увѣреніе въ дѣйствительности оной сомнѣвающимся*, такъ говоритъ объ этомъ предметѣ: «Есть выпущенная тетрадь, въ видѣ отрывка Арсеніева въ путешествіи описанія, въ которой доказывается, что якобы Арсеній видѣлъ обливательное крещеніе у Грековъ, но это совершенная ложь; ибо оная тетрадь, какъ мы безсомнительно дознались, сочинена поморскими безпоповцами съ такою цѣлію, чтобы поддержать свою, на пескѣ основанную, секту. Что въ подлинной книгѣ Арсеніева путешествія, которую мы сами отъ перваго даже до послѣдняго листа съ великимъ прилежаніемъ изслѣдовали, отнюдь не обрѣтается; нѣтъ сего и во всѣхъ списанныхъ

«Вездѣ нарушена вѣра православная, только въ Московскомъ государствѣ до дней нашихъ стояла она твердо и сіяла яко солнце. А теперь и у насъ врагъ Божій Никонъ хочетъ ея извести....»—«Что же это значитъ? Къ чему все это идетъ?» спрашивали грамотѣевъ скорбные, упавшіе духомъ люди. Грамотѣи раскрывали свято почитаемую народомъ и опороченную Никономъ *Книгу Вѣры*, собирали вокругъ себя кружки, и возгласивъ: «внемлите православные!» такъ читали и толковали:

«По тысящи лѣтъ отъ воплощенія Божія Слова бысть развязанъ сатана, и Римъ отпаде со всѣми западными церквами отъ восточныя церкви. Въ 595 лѣто по тысящи жители въ Малой Руссіи къ римскому костелу приступили и на всей воли римскаго папы, заручную грамоту дали ему. Се второе оторваніе христіанъ отъ восточныя церкве. Егда же исполнится 1666 лѣтъ, да нѣчто бы отъ прежде бывшихъ винъ зла нѣкаковаго не пострадати и намъ.»

Роковой годъ приближался. Число 666 есть число апокалипсическаго звѣря... Не народился ли въ лицѣ Никона антихристъ? Такой вопросъ возникъ у двуперстниковъ и былъ рѣшенъ положительно.

съ оной у многихъ частныхъ лицъ находящихся книгахъ. Сверхъ того, тетрадь, доказывая время и мѣсто Арсеніева самовидѣнія, сама открываетъ подлогъ, ибо по описанію самимъ Арсеніемъ путешествія его съ означеніемъ времени и мѣста, когда и гдѣ находился, онъ въ то время тамъ вовсе не былъ.» Подлинникъ *Проскинитарія* находится въ библіотекѣ Троицко-Сергіевой лавры.

Возненавидѣли Никона всѣ отъ мала до велика и не было ему другаго имени, какъ врагъ Божій, да антихристъ. А онъ строилъ себѣ свой Воскресенскій монастырь, по подобію великой іерусалимской церкви, спорилъ съ боярами, поссорился и съ царемъ. Самовольно оставивъ престолъ святителя Петра, засѣлъ онъ въ своемъ Новомъ Іерусалимѣ и ни шагу въ Москву. Между тѣмъ расколъ церковный съ каждымъ днемъ развивался болѣе и болѣе. Государь то и дѣло изо всѣхъ концовъ царства получалъ челобитныя на Никона, съ просьбою возстановить нарушенный имъ обрядъ. Двуперстники твердо были увѣрены, что долго созываемый соборъ для суда надъ Никономъ отвергнетъ его «новшества»... Соборъ какъ нарочно собрался въ роковомъ 1666 году, Никонъ былъ осужденъ, но всѣ распоряженія его по исправленію обряда одобрены и утверждены, а ревнители старины преданы анаѳемѣ....

«Погибло православіе!» завопилъ народъ ревностно преданный старинѣ. И былъ стонъ и плачъ по селамъ и деревнямъ, въ лѣсахъ и пустыняхъ.

Стали ждать съ часу на часъ трубы архангела. «Міръ кончается, антихристъ явился, близокъ часъ страшнаго суда Христова!» говорили повсюду.

При такомъ настроеніи умовъ совершился въ русской церкви *расколъ старообрядства*.

Глава II.

Первая мысль исканія архіерейства.

На сторонѣ противниковъ Никона, ревнителей упраздненнаго въ господствующей церкви обряда, оказались не исключительно одни бѣлые священники; были и монахи, были даже архіереи. Таковы, по сказаніямъ раскольниковъ, были: Макарій новгородскій († 1663), Маркеллъ вологодскій († 1656), Александръ вятскій († 1679)—три іерарха сѣверной части Великой Россіи, гдѣ первоначально появились, дольше употреблялись и сильнѣе чѣмъ гдѣ-нибудь укрѣпились обряды, отвергнутые Никономъ и проклятые соборомъ 1667 года. Изъ названныхъ архіереевъ дожилъ до этого собора одинъ только Александръ. Онъ былъ призванъ къ соборному суду, раскаялся въ своемъ заблужденіи, былъ принятъ въ общеніе съ церковью, но черезъ семь лѣтъ опять пошелъ по старинѣ, самовольно оставилъ вятскую каѳедру и удалился въ пустыню, подлѣ Сольвычегодска. Не видно однакоже изъ письменныхъ памятниковъ того времени, какъ церковныхъ такъ и раскольничьихъ, не сохранилось и въ преданіяхъ, чтобы архіереи новгородскій, вологод-

скій и вятскій при самомъ началѣ раскола поставили для старообрядцевъ изначала желаемаго ими архіерея.

Болѣе явно, болѣе гласно воспротивился Никону епископъ Павелъ коломенскій. Онъ былъ землякъ Никону и у нихъ были старые между собою счеты. Подъ соборнымъ постановленіемъ 1654 года (при изданіи *Служебника*), Павелъ написалъ слѣдующій протестъ: «аще кто отъ обычныхъ преданій святыя каѳолическія церкви отыметъ или приложитъ, или инако развратитъ, анаѳема да будетъ.» Никонъ увлекся: осудилъ личнаго врага своего, *безъ собора,* и сослалъ его въ монастырь Палеостровскій, что на берегу Онежскаго озера.

Имѣли старообрядцы поповъ довольно, но не было у нихъ архіерея. Отдѣлясь отъ господствующей церкви не изъ-за догматовъ, не изъ-за формъ церковной администраціи, а лишь изъ-за обряда, они признавали, согласно православному ученію, что въ истинной церкви, которая, по слову Спасителя, будетъ стоять до скончанія міра, необходимо нужны три чина іерархіи: епископскій, іерейскій и діаконскій, съ преемственнымъ отъ самихъ апостоловъ рукоположеніемъ. Необходимость имѣть архіерея была для нихъ крайне чувствительна. Потому приходившіе къ Павлу въ палеостровское заточеніе, для собесѣдованія и ради благословенія, старообрядцы-двуперстники просили его о посвященіи имъ архіерея. Видно, Палеостровскій монастырь вовсе не былъ такою крѣпкою тюрьмой, какою представляютъ его нѣкоторые раскольниче-

скіе писатели, разказывая о темничномъ заточеніи страдальца Павла. Къ нему имѣли свободный доступъ. Онъ поучалъ приходящихъ, приказывалъ имъ свято хранить преданія и крѣпко держаться Іосифовскихъ книгъ и старыхъ обрядовъ, поддерживалъ въ нихъ ревность къ старинѣ, ненависть къ Никону и его «новшествамъ», но вопреки нѣкоторымъ позднѣйшимъ сказаніямъ, рѣшительно отказывался отъ посвященія не только архіерея, но даже и священника.

— Какъ же сохранимся въ благочестіи, владыко святый? говорили Павлу, слезно рыдая, ревнители стараго обряда.—Какъ же мы сохранимся въ вѣрѣ отцовъ и дѣдовъ нашихъ, понеже ни единъ архіерей подобенъ тебѣ остался? Всѣ они (архіереи) волею и неволею Никоновы книги и новые чины пріяли. Посвяти намъ епископа правовѣрнаго.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Павелъ,—не могу сего сотворити, понеже хотя безвинно осужденъ есмь, самому же ся отмстити не повелѣно. Уже праведный судія Христосъ, Богъ нашъ, будетъ насъ съ Никономъ судить.

— Но какъ же намъ быть безъ епископа, владыко святый?

— Поищите отъ епископовъ, отвѣчалъ палеостровскій заточенникъ:—хоть они и подписалися Никоновы преданія хранить, но еще благодать Божія, по нуждѣ, за преступленіе, отъ нихъ до времени, не отступила.

Много и неустанно молили Павла старообрядцы, но онъ оставался непреклоннымъ. Безъ сомнѣнія,

самъ Павелъ не воображалъ какъ далеко зайдетъ расколъ церковный въ послѣдствіи. Слѣдуя его совѣту, двуперстники искали кого-либо изъ великороссійскихъ архіереевъ, который бы пошелъ къ нимъ, или бы согласился посвятить для нихъ особаго епископа, но «сего сдѣлать, лютаго ради гоненія, не могоша.»[1] Такъ и умеръ Павелъ, не поддавшись на многія и частыя прошенія приходившихъ къ нему старообрядцевъ.

---

[1] Іона Курносый, рукопись XVIII ст. въ 8-ку.—Отсюда взятъ буквально разговоръ старообрядцевъ съ Павломъ коломенскимъ. Въ дальнѣйшемъ разказѣ разговоры заимствованы мною также буквально изъ сочиненія Іоны. Іона Курносый, раскольническій писатель поповщинскаго толка, жилъ во второй половинѣ XVIII ст. въ Комаровскомъ скиту (верстахъ въ 25 отъ города Семенова, подлѣ деревни Елфимовой), основанномъ раскольникомъ Комаромъ, пришедшимъ сюда, на Керженецъ, изъ Тверской губерніи. Въ этомъ скиту была мужская обитель, въ которой въ половинѣ прошлаго вѣка былъ настоятелемъ старецъ Ефремъ; въ его-то обители и жилъ Іона, одинъ изъ самыхъ умныхъ и начитанныхъ старообрядцевъ того времени. Въ Комаровѣ крѣпко держались правила, чтобы приходящихъ отъ великороссійской церкви поповъ и мірянъ принимать *вторымъ чиномъ* т. е. посредствомъ мνропомазанія. Хотя „діаконовщина“, требовавшая отъ приходящихъ только „исправы“ и „проклятія ересемъ“ (пріемъ *третьимъ чиномъ*), возникла здѣсь же на Керженцѣ отъ Александра-діакона, казненнаго въ мартѣ 1720 года въ Нижнемъ, однако послѣдователей этого толка мало осталось здѣсь: послѣдователи его почти всѣ ушли въ Стародубье; на Керженцѣ же оставались немногіе въ Оленевскомъ скиту, гдѣ и держались даже до 1853 года. Іона Курносый былъ ревностный приверженецъ ученія „перемазыванія“ и на

Въ 1667 году московскій соборъ предалъ непокорныхъ господствующей церкви двуперстниковъ анаѳемѣ; они на анаѳему отвѣчали анаѳемой. Дѣло зашло уже слишкомъ далеко, такъ далеко, какъ не думали и не предвидѣли первые поборники стараго

московскомъ соборѣ поповщины, бывшемъ въ 1779 году и окончательно утвердившемъ это правило, крѣпко стоялъ за него (Анд. Іоан. Журавлева *Ист. изв. о раскольникахъ*, стр. 321 и слѣд.). Онъ написалъ для этого собора *Исторію о бѣствующемъ священствѣ* и другія сочиненія. Его *Исторію о бѣствующемъ священствѣ* не должно смѣшивать съ сочиненіемъ Ивана Алексѣева подъ тѣмъ же названіемъ. *Исторія о бѣствующемъ священствѣ* Іоны Курносаго напечатана Г. В. Есиповымъ въ приложеніяхъ ко второму тому *Раскольничьихъ дѣлъ XVIII столѣтія*, гдѣ однако не означено почему-то имя автора. Рукописная исторія Іоны Курносаго та самая, что̀ напечатана г. Есиповымъ, 20 іюня 1799 года была представлена казанскимъ архіепископомъ Амвросіемъ (см. дѣло московскаго губернскаго архива старыхъ дѣлъ 1799 г. № 181171, на 29 листахъ). У г. Есипова не достаетъ конца исторіи Іоны Курносаго. Особенно важно для исторіи архіерейства у старообрядцевъ *Письмо соборнаго старца, перешедшаго во время собранія или соборованія о нужнѣйшихъ случаяхъ засѣдателя*. Оно, повидимому, писано было къ заводскимъ старообрядцамъ, т. е. къ ушедшимъ съ Керженца и поселившимся на Уралѣ, на заводахъ Демидова (Нижнетагильскомъ и др.), гдѣ нѣкоторое время жилъ Іона и едва ли не тамъ и писалъ „*Посланіе соборнаго старца*". На это посланіе мы преимущественно ссылаемся въ этомъ сочиненіи. Въ предисловіи къ посланію говорится между прочимъ: „купно согласовалъ онъ, написатель (Іона), и своему игумену, отцу Ефрему, и прочимъ старшимъ отцемъ, помудренѣе его, написателя". Іона Курносый считается у керженскихъ старообрядцевъ

обряда, толковавшіе о Никоновыхъ «новшествахъ» въ боярскихъ хоромахъ и въ теремахъ царицы Маріи Ильиничны. Примиреніе сдѣлалось невозможнымъ. Отлученные отъ церкви хорошо понимали, что имъ уже нѣтъ возврата въ ея нѣдра. Но такъ

праведнымъ, у его гробницы (въ Комаровскомъ скиту) растетъ большая ель, называемая *Іониною елью*, стволъ ея весь изгрызенъ. Набожные старообрядцы приходятъ на гробницу для поклоненія, поютъ „канонъ за единоумершаго,“ и молятся. Особенно много ходитъ сюда больныхъ зубами. Приписывая „Іониной ели“ силу чудотворенія, они грызутъ ее и, какъ увѣряютъ, исцѣляются. Послѣ Ефрема, Іона былъ настоятелемъ обители, которая съ того времени и получила названіе „Іониной“. Въ этой обители до тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія сохранялись сочиненія Іоны (см. іеросхимонаха Іоанна *Духъ мудрованія нѣкоторыхъ раскольническихъ толковъ*. Москва 1841 стр. 42). Въ 1832 году умеръ послѣдній настоятель Іониной обители Павелъ. Оно былъ *тайный православный*, оставаясь ради житейскихъ выгодъ игуменомъ раскольнической обители. По духовному завѣщанію всѣ строенія и движимое имущество обители, офиціяльно значившіяся частною его собственностью, завѣщалъ онъ въ церковь села Пафнутова и тамошнему священнику, своему тайному духовнику. Куда при этомъ дѣвались рукописи — неизвѣстно. Оставшіеся монахи и бѣльцы, въ числѣ 8 человѣкъ, послѣ смерти Павла, разошлись по сторонамъ. Старая большая деревянная часовня съ колокольнею, построенная еще Іоною, и ветхія деревянныя келіи, съ службами, оставлены были безъ всякаго призору и разваливались постепенно; въ 1850 году въ нихъ уже опасно было ходить; ихъ сломали. Было въ началѣ сороковыхъ годовъ намѣреніе устроить въ нихъ женскую единовѣрческую общину, но по недостатку денежныхъ средствъ, это не состоялось.

какъ они не отвергали ни догматовъ, ни правилъ православія, ни уставовъ церковныхъ, дѣйствовавшихъ до Никона, а только нѣкоторые обряды внѣшняго богопочтенія совершали по-старинѣ, по-Іосифовски, то естественно должны были озаботиться о полнотѣ священнаго чина въ своей церкви, которую считали единою истинною и православною. Въ священникахъ на первый разъ недостатка у нихъ не было: бѣлаго духовенства уклонившагося въ расколъ, при самомъ началѣ его, было довольно; но гдѣ же взять епископа, который бы рукополагалъ имъ новыхъ священниковъ, освящалъ мѵро и антиминсы, судилъ духовныя дѣла и правоправилъ клиромъ и церковью?

Въ первое время послѣ анаѳемы, провозглашенной въ московскомъ кремлѣ на непокорныхъ двуперстниковъ, заботы ихъ объ отысканіи архіерея не были очень сильны. Тогда, какъ сказано уже, распространилось въ народѣ всеобщее, глубокое убѣжденіе въ близкой кончинѣ міра. Повсюду слышались толки, что наступили послѣднія времена, что скоро померкнетъ солнце, звѣзды спадутъ съ неба и сгоритъ земля, а на ней и всѣ дѣла человѣческія. Были твердо и несомнѣнно убѣждены, что царство антихриста началось съ 1666 года, согласно прореченію автора *Книги Вѣры*.

По Апокалипсису же власть антихриста должна продлиться ни болѣе, ни менѣе, какъ два съ половиною года. Стало-быть, въ 1669 году кончина міра неминуемо должна послѣдовать. И вотъ, по Поволжью, гдѣ особенно силенъ былъ расколъ, а

также въ лѣсахъ и пустыняхъ отдаленнаго сѣвера, собираются люди толпами, постятся, молятся, приносятъ другъ другу покаянія въ грѣхахъ, пріобщаются старинными дарами, и простившись съ земнымъ міромъ, ожидаютъ въ страхѣ и трепетѣ трубы архангела. Одни надѣваютъ черныя рясы монашества, другіе отказываются отъ пищи и добровольно умираютъ голодною смертію, «запощеваются». Изстари было и до сихъ поръ повсемѣстно сохранилось въ русскомъ народѣ суевѣрное убѣжденіе, будто кончина міра послѣдуетъ не иначе, какъ ночью, въ самую полночь, или съ субботы на воскресенье передъ масленицей, — въ это воскресенье въ старину въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, совершался даже особый обрядъ страшнаго суда, — или въ ночь на Троицынъ день. Эти ночи въ 1669 году старообрядцы нижегородскіе, а вѣроятно и другихъ мѣстъ, безъ сна проводили въ лѣсахъ и оврагахъ. Надѣвъ чистыя рубахи и саваны, ложились они въ заранѣе приготовленные долбленые гробы и, лежа въ нихъ, пѣли заунывнымъ, протяжнымъ, за душу хватающихъ напѣвомъ:

Древянъ гробъ сосновый,
Ради мене строенъ.
Въ немъ буду лежати,
Трубна гласа ждати.
Ангели вострубятъ,
Изъ гробовъ возбудятъ.
Я, хотя и грѣшенъ,
Пойду къ Богу на̀ судъ.
Къ судьѣ двѣ дороги,
Широкія, долги;

Одна-то дорога —
Во царство небесно,
Другая дорога —
Во тьму кромѣшну.[1]

Другіе по чину церковному сами себя отпѣвали, ежеминутно ожидая, что вотъ-вотъ земля потрясется, камни распадутся, солнце и луна померкнутъ, звѣзды какъ дождь посыплются на землю, и, протекутъ рѣки огненныя, и пожрутъ тѣ рѣки всю тварь земнородную. Не только излишнимъ, но даже богоборнымъ дѣломъ считали заботы о земномъ. Еще съ осени 1668 года забросили поля, не пахали, не засѣвали, а въ 1669 обросили и домà. Голодная скотина, брошенная на произволъ судьбы, бродила безъ пастуховъ и жалобнымъ мычаніемъ вторила заунывному пѣнію лежавшихъ въ гробахъ хозяевъ. Ясачная Мордва и бортники, а вмѣстѣ съ ними и русскіе люди, не подвергшіеся вліянію нравственной эпидеміи, забирали безпризорный скотъ и расхищали дочиста покинутыя деревни.[2]

Миновали страшныя ночи, миновалъ и весь роковой годъ, а міръ стоитъ попрежнему.

Чтò же это? Какъ же не исполнилось святое, не мимо-идущее слово Апокалипсиса? Два съ половиной года прошли, а кончины міра не бывало. Не знаемъ, много ли было благоразумныхъ, отрезви-

---

[1] Это — пѣсня такъ-называвшихся въ XVIII столѣтіи «гробополагателей», которую они «пѣли во гробѣхъ». Вѣроятно, она перешла къ нимъ изъ описываемой эпохи.

[2] Акты Печерскаго монастыря.

вшихся при этомъ, но мысль о близкой кончинѣ міра долго и послѣ того не покидала старообрядцевъ. Вспомнили, что *Книга Вѣры* начинаетъ свое пророчественное лѣтосчисленіе съ года Рождества Христова, а вѣдь сатана, говорили они, былъ связанъ въ день спасительнаго воскресенія Іисуса Христа. Разчитали, поэтому, что антихристъ придетъ въ 1699 году, конецъ же міра наступитъ не ранѣе половины 1702 года, ибо тридцать три года было земной жизни Спасителя. Тогда будетъ кончина міра, тогда непремѣнно будетъ антихристъ чувственный, антихристъ во плоти пришедшій. И завладѣетъ онъ царствомъ и надѣнетъ на главу свою вѣнецъ и на мѣстѣ святѣ учинитъ мерзость запустѣнія, Даніиломъ пророкомъ прореченную, и муками и великими прещеніями истребитъ онъ поклоненіе Господу Іисусу Христу. Это вѣрованіе подготовило Григорія Талицкаго и иныхъ, огласившихъ Петра I антихристомъ и тѣмъ навлекшихъ на раскольниковъ страшныя гоненія со стороны правительства. Начались толки о пришествіи въ 1666 году антихриста не во плоти, не «чувственнаго», а пока еще «духовнаго». Начались выкладки и разчисленія апокалипсическихъ двухъ съ половиною лѣтъ и даніиловыхъ седьминъ. День страшнаго суда отсрочили, но не надолго; съ часу на часъ ждали антихриста во плоти. Глава раскола, Аввакумъ, прежде сильною и искреннею рѣчью поддерживалъ въ старообрядцахъ твердую увѣренность въ дѣйствительность совершившагося уже, въ 1666 году, пришествія «чувственнаго» антихриста. Онъ

даже прямо, какъ будто очевидецъ, писалъ прежде своимъ приверженцамъ: «Я, братія моя, видѣлъ антихриста, собаку бѣшеную; право, видѣлъ. Плоть у него вся смрадъ и зѣло дурна, огнемъ пышетъ изо рта, а изъ ноздрей и изъ ушей пламя смрадное исходитъ, по немъ царь нашъ послѣдуетъ, и власти, и множество народа [1]». Теперь онъ, пустозерскій заточенникъ, заговорилъ иное: «А о послѣднемъ днѣ и о антихристѣ не блазнитеся: еще онъ, послѣдній чортъ, не бывалъ. Нынѣшніе бояре комнатные, ближніе друзья его, еще возятся, яко бѣси, путь ему подстилаютъ и имя Христово выгоняютъ. А какъ вычистятъ вездѣ, такъ еще Илія и Енохъ, обличители, прежде придутъ, а потомъ антихристъ въ свое время [2].» Слова «изящнаго страдальца» за старую вѣру, «протосингела россійскія церкви», какъ называли раскольники Аввакума Петровича, какъ и самъ онъ называлъ себя, были въ ту пору высшимъ авторитетомъ для отлучившихся отъ общенія съ церковью. Смутное время денноощнаго ожиданія архангельской трубы прекратилось, но за то день за день ждали Илію и Еноха, а за ними и настоящаго антихриста.

Но годы шли за годами, а труба архангельская все не гремѣла и жизнь міра все попрежнему шла своею обычною чередой. Въ семействахъ старообрядцевъ младенцы возмужали, люди взрослые поста-

---

[1] Аввакумъ: *Посланіе о видѣніи антихриста* (рукопись).

[2] Онъ же: *Посланіе изящнаго страдальца, преосвященнаго Аввакума, протосингела россійскія церкви, еже посла изъ темницы своея, живыи на брезѣ океана* (рукопись).

рѣли, пожилые сошли въ могилы дряхлыми стариками, не дождавшись свѣтопреставленія. А поповъ съ каждымъ годомъ становилось у нихъ меньше да меньше, къ исходу же XVII вѣка и совсѣмъ вымерли попы, что оставили господствующую церковь при самомъ появленіи никоновскаго *Служебника*, тѣ, которые ни разу не обошли налоя противъ солнца, ни разу не перекрестились тремя перстами. Смерть брала свое.

При такомъ «оскудѣніи священства», однѣ раскольническія общины рѣшились остаться вовсе безъ поповъ. «Самъ Христосъ, говорили они, будетъ для насъ невидимымъ святителемъ, какъ непреложно есть Онъ невидимый глава церкви православной». «Сами себя освящайте, сами себѣ священники бывайте»— эти слова Златоустовскаго *Маргарита* сдѣлались теперь для нихъ основнымъ пунктомъ догматствованія. И не отвергая священства по принципу, они отвергли его по факту. «Благодать Божія взята на небо, сказали они, нѣтъ болѣе ни священства, ни освященія и не будетъ его до кончины міра, она же не закоснитъ». Такъ образовался расколъ *безпоповщины*, вскорѣ распавшійся на многіе толки. Безпоповщина рѣшительно отвергла бракъ и снисходительно отнеслась къ блудной жизни и самому разврату. Идеаломъ ея было общество монаховъ, самый суровый аскетизмъ и все-подавляющая мертвая обрядность. Послѣдователи этого толка явились первоначально въ Заонежскомъ краѣ, въ Поморьѣ, въ лѣсахъ Сѣвера и сибири, вдали отъ городовъ и большихъ селеній, среди пу-

стынной, унылой, мертвенной природы. Эта суровая, мрачная природа имѣла не малую долю вліянія на ту суровость міросозерцанія, которую истые безпоповщинскіе раскольники всецѣло удержали даже до дней нашихъ.

Не то было въ городахъ и большихъ селеніяхъ, и вообще въ мѣстахъ, гдѣ населеніе жило тѣснѣе, гдѣ было больше жизни, гдѣ изстари тѣснѣе были завязаны узы общественныя и семейныя. Тамъ образовалась такъ называемая *поповщина*. Послѣдователи ея не чуждались міра и связей семейныхъ, считали ихъ необходимыми, и необходимымъ считали правильное церковное благословеніе брачнаго сожитія, т.-е. таинство брака. Они твердо держали въ своей памяти, что бракъ, какъ и другія таинства, пріемлемыя православіемъ, должны, по слову Спасителя, существовать до скончанія міра. Поэтому считали необходимымъ священство, считали еще болѣе необходимымъ имѣть поповъ, какъ совершителей таинствъ. Но не имѣя архіерея, преемственно отъ апостоловъ получившаго власть святительскую, который бы имѣлъ право и власть рукополагать новыхъ поповъ, старообрядцы толка поповщины стали привлекать къ себѣ священниковъ отъ господствующей церкви «стараго», т.-е. до-Никоновскаго рукоположенія и «стараго», крещенія. Чрезъ немного лѣтъ вымерло поколѣніе поповъ, посвященныхъ ранѣе 1654 года, по старымъ книгамъ. Тогда поповщина «нужды ради» стала принимать къ себѣ поповъ «новаго» рукоположенія, но крещенія «стараго». Прошли еще годы и вымерло

почти все поколѣніе людей, родившихся прежде 1654 года и крещенныхъ по Іосифовскимъ книгамъ. Это почти совпало съ тѣмъ временемъ, когда южнорусскія церкви подчинены были духовной власти московскаго патріарха и вслѣдъ за тѣмъ много священниковъ, а особенно архіереевъ, родомъ изъ Малороссіи, явилось по городамъ великорусскимъ. Это были люди ученые, получившіе въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ такое образованіе, о какомъ и не снилось тогдашнимъ людямъ Московскаго государства. Но раскольники давно уже заподозрили Малороссію въ нѣкоторомъ отступленіи отъ православія, въ уклоненіи къ римскому костелу, чему особенно подавало поводъ «обливательное крещеніе», нерѣдко бывавшее въ малороссійскихъ церквахъ, да и въ Великой Россіи въ крайнихъ случаяхъ, т.-е въ случаѣ болѣзни младенца допускавшееся «Требникомъ» перваго московскаго патріарха Іова. Обливательное крещеніе, по понятіямъ раскольниковъ, есть еретическое, а крещеніе еретическое, сказано въ старыхъ книгахъ, «нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе». Потому, рѣшившись принимать бѣглыхъ поповъ отъ церквей православныхъ, послѣдователи старообрядческой поповщины поставили непремѣннымъ условіемъ принимать поповъ лишь великороссійскихъ, а отнюдь не малороссійскихъ и притомъ такихъ, которые бы получили рукоположеніе отъ архіереевъ-Великоруссовъ, крещенныхъ въ три погруженія [1].

Затѣмъ возникъ вопросъ какъ принимать поповъ

[1] Іона Курносый.

великороссійскихъ: перекрещивать ли ихъ, какъ еретиковъ, или мѵропомазывать, какъ схизматиковъ, или же ограничиться одною «исправою» (покаяніе) съ проклятіемъ ересей. Объ этомъ было много толковъ, споровъ и словопреній. Для рѣшенія этихъ вопросовъ собирались на Керженцѣ особые соборы. Первоначально поповъ, переходившихъ въ расколъ, перекрещивали, потомъ принимали ихъ только съ «исправой», затѣмъ стали принимать «вторымъ чиномъ», т.-е. посредствомъ мѵропомазанія. Такъ ведется и до сего времени, особенно съ 1779 года, когда на соборѣ, бывшемъ въ Москвѣ, окончательно было рѣшено «перемазаніе».

Но архіереевъ все не было въ поповщинѣ, хотя послѣдователи этого согласія и употребляли много трудовъ, много стараній, чтобы «снискать чинъ епископскій». Мысль, что старообрядство не есть истинная церковь, ибо не имѣетъ трехъ чиновъ духовной іерархіи, тяготила совѣсть отдѣлившихся отъ православія. Неграмотные, или мало сидѣвшіе надъ свято-чтимыми книгами, люди молодые, которымъ было все равно, относились къ этому предмету равнодушно, но пожилые грамотѣи рано или поздно дочитывались въ старыхъ книгахъ, что безъ епископа церковь не церковь, а «самочинное сборище». Они приходили въ ужасъ отъ такихъ словъ, сказанныхъ святыми отцами, и говорили набожнымъ людямъ: «у насъ нѣтъ епископа, стало-быть церковь наша не истинна, стало-быть нѣтъ въ ней спасенія; тщетны наши труды, тщетны наши страданія, напрасны лишенія и самопожертвованія»!...

Въ утѣшеніе ли себѣ, въ подкрѣпленіе ли колеблющихся, старообрядцы, еще въ послѣднихъ годахъ XVII вѣка, распустили слухъ, что хотя они и не имѣютъ въ Россіи епископа, но есть на землѣ мѣста сокровенныя, Богомъ спасаемые грады и обители, гдѣ твердо и нерушимо соблюдается «древлее благочестіе» и епископы правовѣрные сіяютъ какъ солнце. Иначе и быть не можетъ, говорили они, вѣдь должна же церковь Христова съ богопреданнымъ священствомъ и епископами стоять до скончанія міра. «Удобнѣйше есть солнцу отъ теченія своего престати, неже церкви Божіей безъ вѣсти быти»[1]. Какая же вѣсть о ней? Гдѣ она, эта святая церковь по древлему благочестію? Въ какой странѣ, въ какомъ царствѣ?

«Далеко, далеко, тамъ, на Востокѣ», говорили поборники старообрядства, но гдѣ именно на Востокѣ, точно сказать не умѣли.

И вотъ, Богъ знаетъ когда, Богъ знаетъ откуда, распространился слухъ, что не всѣ восточные патріархи отъ притѣсненія турецкаго ослабѣли въ правовѣріи и исказили вѣру Христову латинскою и кальвинскою ересями, что патріархъ антіохійскій съ подвѣдомственными ему церквами, непреложно и нерушимо хранитъ святоотеческія правила, преданія и обряды во всемъ, и твердо содержитъ «древлее благочестіе». Почему именно старообрядцы отнесли это къ антіохійскому, а не къ другому патріарху, трудно теперь сказать. Развѣ

[1] *Иріизскій Сборникъ* (рукопись), л. 147 на оборотѣ.

отъ того, что Арсеній Сухановъ, не бывъ въ Антіохіи, ничего не говорилъ о ней. Антіохійскій патріархъ, Макарій, два раза былъ въ Москвѣ и даже проѣзжалъ Волгой, жилъ нѣкоторое время въ Желтоводскомъ Макарьевѣ монастырѣ, вокругъ котораго расколъ былъ въ полномъ разгарѣ. Отлучившіеся отъ церкви своими глазами могли видѣть и видѣли, что «патріархъ Божія града Антіохіи» не соблюдаетъ ихъ обрядовъ. Но они говорили: «такъ, Макарій дѣйствительно отступилъ отъ православія, это вѣрно; но Господь не допустилъ его до «Божія града» да не внесетъ въ него разврата и еретическаго ученія: на пути онъ злою смертію издше, и благочестіе сіяетъ въ Антіохіи по прежнему.» Слухъ объ антіохійскомъ патріархѣ былъ принятъ за неоспоримую истину не только поповщиной, но и безпоповцами. Онъ держится даже до сихъ поръ. Въ XVIII столѣтіи, по всей вѣроятности во второй уже половинѣ его, распространилось по раскольническимъ обществамъ рукописное путешествіе безпоповщинскаго инока Марка изъ монастыря Топозерскаго. [1] Ходилъ этотъ старецъ въ Сибирь, добрался до Китая, перешелъ степь Гоби и дошелъ до Японіи, до «Опоньскаго царства», что стоитъ на океанѣ морѣ, называемомъ «*Бѣловодіе*», на семидесяти островахъ. Искавъ съ долгимъ терпѣніемъ древляго благочестія на востокѣ, Марко нашелъ его будто бы въ Японіи. Тамъ видѣлъ

---

[1] Топозерскій безпоповщинскій скитъ въ Архангельской губерніи, Кемскаго уѣзда, на берегу Топозера, основанный въ концѣ XVII ст. и существовавшій до 1854 г

онъ 179 церквей «асирскаго языка». Тамошніе христіане, говоритъ Марко, имѣютъ своего, православнаго, патріарха, антіохійскаго поставленія, и четырехъ митрополитовъ. А русскихъ церквей въ Японіи сорокъ, и Русскіе имѣютъ митрополита и епископовъ, которыхъ посвятилъ тотъ патріархъ «асирскаго языка». Отъ гоненія римскихъ еретиковъ много народа (греческаго?) уклонилось въ тѣ самые восточные предѣлы, а Россіяне, во время измѣненія благочестія, уклонились сюда изъ Соловецкія обители и изъ прочихъ мѣстъ: много народу отправлялось кораблями Ледовитымъ моремъ и сухопутнымъ путемъ. Богъ наполняетъ сіе мѣсто [1]. Что въ китайскихъ владѣніяхъ (въ принад-

---

[1] *Путешественникъ сирѣчь маршрутъ въ Опоньское царство писанъ дѣйствительнымъ самовидцемъ, инокомъ Маркомъ Топозерской обители, бывшимъ въ Опоньскомъ царствѣ. Его самый путешественникъ* (рукопись). Вотъ эта замѣчательная рукопись; «Маршрутъ сирѣчь путешественникъ. Отъ Москвы на Казань, отъ Казани до Екатеринбурга и на Тюмень, на Каменогорскъ, на Выбернумъ деревню, на Избенскъ, вверхъ по рѣкѣ Катуни на Красноярскъ, на деревню Устьюбу, во оной спросить страннопріимца Петра Кириллова. Около ихъ пещеръ множество тайныхъ, и мало подалѣ отъ нихъ снѣговыя горы распространяются на триста верстъ и снѣгъ никогда на оныхъ горахъ не таетъ. За оными горами деревня Умьменска (по другому списку Устьменска) и въ ней часовня; инокъ схимникъ Іосифъ. Отъ нихъ есть проходъ Китайскимъ государствомъ, 44 дни ходу, чрезъ Губань (Гоби?) потомъ въ Опоньское государство. Тамъ жители имѣютъ пребываніе въ предѣлахъ окіяна-моря называемое Бѣловодіе. Тамъ жители на островахъ семидеся-

лежащей теперь Россіи Амурской области) издавна селились бѣглые изъ Сибири раскольники, это не подлежитъ никакому сомнѣнію: объ этомъ про-

---

ти, нѣкоторые изъ нихъ-и на 500 верстъ разстояніемъ, а малыхъ острововъ изчислить невозможно. О тамошнемъ же пребываніи онаго народу извѣщено христоподражателямъ древляго благочестія святыя соборныя и апостольскія церкви. Со истиною завѣряю, понеже я самъ тамъ былъ, со двѣмя иноками, грѣшный и недостойный старецъ Марко. Въ восточныхъ странахъ съ великимъ нашимъ любопытствомъ и стараніемъ искали древляго благочестія православнаго священства, которое весьма нужно ко спасенію, съ помощію Божіею и обрѣли асирскаго языка 179 церквей, имѣютъ патріарха православнаго, антіохійскаго поставленія, и четыре митрополита. А россійскихъ до сорока церквей, тоже имѣютъ митрополита и епископовъ, асирскаго поставленія. Отъ гоненія римскихъ еретиковъ много народу уклонилось въ тѣ самыя восточныя страны, а Россіяне во время измѣненія благочестія уклонились изъ Соловецкія обители и изъ прочихъ мѣстъ. Много народу отправлялось кораблями Ледовитымъ моремъ и сухопутнымъ путемъ. Богъ наполняетъ сіе мѣсто. А кто имѣетъ сомнѣніе, то поставляю Бога во свидѣтеля нашего: имать приноситися безкровная жертва до втораго пришествія Христова. Въ томъ мѣстѣ приходящихъ изъ Россіи пріимаютъ первымъ чиномъ; крестятъ совершенно въ три погруженія, желающихъ тамо пребыть до скончанія жизни. Бывшіе со мною два инока согласились вѣчно остаться: приняли святое крещеніе. И глаголютъ они: «вы всѣ осквернились въ великихъ и разныхъ ересяхъ антихристовыхъ, писано бо есть: изыдите изъ среды сихъ нечестивыхъ человѣкъ и не прикасайтеся имъ, змія, гонящагося за женою; невозможно ему постигнути скрывшейся жены въ разсѣлины земныя.» Въ тамошнихъ мѣстахъ татьбы и воровства и прочихъ про-

изводилось нѣсколько дѣлъ. Но о старообрядцахъ въ невѣдомой Японіи говоритъ, сколько намъ извѣстно, одинъ лишь Марко Топозерскій, да еще въ

тивныхъ закону не бываетъ. Свѣтскаго суда не имѣютъ; управляютъ народы и всѣхъ людей духовныя власти. Тамо древа равны съ высочайшими древами. Во время зимы морозы бываютъ необычные съ разсѣдинами земными. И громы съ землетрясеніемъ не малымъ бываютъ. И всякіе земные плоды бываютъ: родится виноградъ и сорочинское пшено. И въ *Шведскомъ путешественникѣ* сказано, что у нихъ злата и серебра нѣсть числа, драгоцѣннаго каменія и бисера драгаго весьма много. А оные Опонцы въ землю свою никого не пущаютъ и войны ни съ кѣмъ не имѣютъ: отдаленная ихъ страна. Въ Китаѣ есть градъ удивительный, яко подобнаго ему во всей подсолнечной не обрѣтается. Перва у нихъ столица—Кабанъ.»

Шведскій путешественникъ, о которомъ упоминаетъ старецъ Марко Топозерскій, есть подобное же раскольническое сочиненіе о старообрядцахъ, живущихъ въ Финляндіи, Норвегіи и Швеціи. Въ немъ говорится о богатствѣ металлами тѣхъ странъ и затѣмъ присовокупляется, что «на восточныхъ отоцѣхъ, идѣ же отъ древнѣйшихъ временъ блюдется истинная вѣра, злата и серебра и драгоцѣннаго каменія еще множае».

Въ архивѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ есть дѣло объ японскихъ и китайскихъ раскольникахъ, производившееся въ 1807 году (по архивной описи № 1). Въ 1807 году пріѣхалъ въ Петербургъ поселянинъ Томской губерніи Бобылевъ и донесъ министерству, что на морѣ Океанѣ, въ Бѣловодьѣ, живутъ старообрядцы, русскіе подданные, ушедшіе туда во время церковныхъ раздоровъ, бывшихъ при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, во время осады Соловецкаго монастыря царскими войсками. Тамъ, говорилъ Бобылевъ, они имѣютъ *своихъ епископовъ*, священниковъ и церкви, въ кото-

1807 году поселянинъ Бобылевъ подавалъ объ нихъ правительству особую записку. Не отрицаемъ и не утверждаемъ, во всякомъ случаѣ, любопытнаго извѣстія о Русскихъ въ Японіи. Не мудрено, что сибирскіе раскольники и пробрались на Курильскіе острова, а оттуда въ Японію, но патріархъ японскій, и митрополиты, и 179 православныхъ

рыхъ служатъ по старымъ книгамъ; при крещеніи младенцевъ и при бракѣ ходятъ посолонь, молятся двуперстнымъ крестомъ, книгъ напечатанныхъ при Никонѣ патріархѣ и послѣ него не принимаютъ, за государя и за войско молятся. Когда дошелъ до нихъ слухъ, что государь Александръ Павловичъ позволилъ старообрядцамъ строить церкви по старому закону, то они изъявили желаніе служить его величеству вѣрно, нести всѣ тягости и повинности и испрашиваютъ за оставленіе отечества прощенія. Живутъ они, по увѣренію Бобылева, въ трехъ мѣстахъ; къ нимъ ѣхать надо по дорогѣ изъ Бухтарминской волости чрезъ китайскую границу: въ одномъ мѣстѣ ихъ слишкомъ тысяча душъ, въ другомъ до семи сотъ, а въ «Бѣловодьѣ» болѣе полумилліона. Дани никакому государству не платятъ. Бобылевъ вызывался отправиться къ нимъ и исполнить все что будетъ ему приказано, для того чтобы тѣ старообрядцы возвратились въ подданство русскаго императора. Правительство приняло предложеніе Бобылева. Ему дали 150 руб. и приказали явиться къ сибирскому генералъ-губернатору, отъ котораго онъ получитъ дальнѣйшія приказанія. Но Бобылевъ къ генералъ-губернатору не явился и пропалъ безъ вѣсти. Его розыскивали, но нигдѣ не нашли. Въ декабрѣ 1839 года къ семеновскому исправнику Граве представленъ былъ бродяга, взятый въ Поломскихъ лѣсахъ, гдѣ жили и, вѣроятно, доселѣ живутъ въ землянкахъ раскольническіе пустынножители, близь керженскихъ скитовъ. На вопросъ, кто

церквей, по всей вѣроятности, — плодъ изобрѣтательной способности старца Марка. Тѣмъ не менѣе извѣстіе его убѣдило русскихъ старообрядцевъ въ томъ, что у нихъ есть своя іерархія, хотя они и оторваны отъ нея дальностію разстоянія и другими обстоятельствами. Это успокоивало ихъ

онъ такой? бродяга сказался подданнымъ Японскаго государства и старообрядцемъ. Онъ увѣрялъ, что въ Японіи живетъ много русскихъ людей старообрядцевъ, что тамъ много церквей старообрядческихъ, есть и архіереи старообрядческіе и даже патріархъ. Разумѣется, все это было принято за сказку. Бродягу, какъ непомнящаго родства (онъ такъ и сказался), сослали на поселеніе въ Сибирь. Въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія многіе изъ жителей Бухтарминскаго края бѣжали въ китайскіе предѣлы для поселенія въ загадочномъ «Бѣловодьѣ». Скитаясь тамъ долгое время по степямъ и истощивъ съѣстные припасы, вмѣстѣ съ прочимъ достояніемъ, которое они взяли съ собою, искатели Опоньскаго царства въ самомъ жалкомъ состояніи возвратились въ мѣста своего жительства, не найдя того Эльдорадо, о изобиліи котораго и богатствѣ ходили между ними обольстительные слухи. Въ послѣдствіи, по случаю отлучки за границу двухъ инородцевъ Бобровыхъ, находившихся тамъ въ бѣгахъ болѣе трехъ лѣтъ, въ іюнѣ 1861 года изъ деревень Бухтарминской волости, Алтайскаго горнаго округа, начались снова отлучки крестьянъ за китайскую границу для отысканія загадочнаго «Бѣловодья». Бѣжавшіе всѣ были раскольники безпоповщинскаго толка. Вслѣдствіе возврата на родину нѣкоторыхъ изъ ходившихъ и не нашедшихъ «Бѣловодья» и Опоньскаго царства съ «патріархомъ асирскаго языка», въ 1862 году движеніе за китайскую границу и самые толки о загадочной странѣ между бухтарминскими раскольниками нѣсколько уменьшились.

совѣсть. У насъ есть епископы, стало-быть церковь наша истинна, говорили они. Толки о «патріархѣ асирскаго языка», живущемъ въ Японіи, сильнѣй и сильнѣй распространялись въ послѣдствіи, и наконецъ распространились по всему русскому старообрядству, точно также какъ въ средніе вѣка распространилось и въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій признавалось за неоспоримую истину — существованіе гдѣ-то на востокѣ пресвитера Іоанна. И дѣйствительно вся обстановка средневѣковаго пресвитера Іоанна вполнѣ сходна съ обстановкой раскольничьяго «асирскаго патріарха, что въ Опоньскомъ царствѣ.» И тотъ и другой первосвященники, и тому и другому подсудны всѣ мірскія дѣла. Тамъ свѣтскаго суда не имѣютъ, говоритъ Марко, управляютъ народы и всѣхъ людей духовныя власти, и преступленій тамъ нѣтъ. Совершенно то же что и въ царствѣ Іоанна Пресвитера. Далѣе вся обстановка таинственной земли Опоньской: эти земныя разсѣдины, эти необычайные морозы, при которыхъ однако растутъ и виноградъ и рисъ, эти землетрясенія и безпрестанные громы и молніи — все это такъ сходно, если не совсѣмъ похоже на средневѣковыя европейскія сказанія о таинственныхъ земляхъ отдаленнаго востока. Старообрядцы твердо были увѣрены въ дѣйствительности патріарха и епископовъ въ «Бѣловодьѣ», и нерѣдко бывали случаи, что люди недобросовѣстные, въ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій, пользовались увѣренностью раскольниковъ въ дѣйствительности японской іерархіи: самозванцы-

попы сказывались священниками, ходившими за посвященіемъ въ Опоньское царство, показывали какія-то ставленныя грамоты отъ небывалыхъ архіереевъ и собирали деньги за исправленіе требъ.

Увеличенію и разнообразію раскольническихъ толковъ о «сокровенныхъ епископахъ древляго благочестія» не мало помогала и народная фантазія. Пошли по народу толки о невидимыхъ городахъ и монастыряхъ, колокольный звонъ которыхъ бываетъ будто бы слышенъ въ тихія лѣтнія ночи. Пошли толки о Млевскихъ монастыряхъ [1], о невидимомъ градѣ Большомъ Китежѣ, о старцахъ горъ Архангельскихъ или Кирилловыхъ и Жигулевскихъ и т. п. [2]

---

[1] Млевскіе монастыри въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи. Это древніе земляные окопы на р. Мстѣ, близь села Млева. Разказываютъ, что тутъ были монастыри, но когда-то опустились въ землю, что до сихъ поръ въ нихъ живутъ монахи и монахини, къ которымъ можно пройдти, но съ чрезвычайными затрудненіями. Говорятъ, что по большимъ праздникамъ слышенъ бываетъ звонъ невидимыхъ млевскихъ монастырей.

[2] Большой Китежъ — невидимый городъ на берегу озера Свѣтлояра, въ нижегородскомъ Заволжьѣ (Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи, подлѣ села Владимірскаго, имѣнія князя Сибирскаго). Другой Китежъ, Малый, на Кирилловыхъ (по другимъ на Архангельскихъ) горахъ, въ селѣ Городцѣ (Балахонскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, на Волгѣ). Жигули или Жигулевскія горы— на Волгѣ же, въ Симбирской и Самарской губерніяхъ. Городъ Китежъ не упоминается въ лѣтописяхъ, но имя его встрѣчается въ народныхъ былинахъ о древнихъ богатыряхъ. (См. *Пѣсни* Кирѣевскаго т. I выпускъ 4 прим. стр. (CXVIII—CXXXII.) Кажется, въ Китежѣ было свое братство богатырей, подобное кіевскому братству при дворѣ Володи-

Ко всѣмъ этимъ и подобнымъ имъ мѣстамъ народная фантазія, подъ вліяніемъ раскола, пріурочивала и «архіереевъ древляго благочестія».

Но сказочное антіохійское старообрядческое архіерейство и разказы о Японіи, Китежѣ, Млевскихъ монастыряхъ и т. п., не могли вполнѣ удовлетворить старообрядцевъ, искавшихъ нефантастическаго архіерейства. Они съ каждымъ годомъ сильнѣй и сильнѣй чувствовали необходимость епископовъ въ своей средѣ. Вслѣдствіе того еще въ послѣднихъ го-

---

міра Красна Солнышка. Вообще Китежъ въ народныхъ преданіяхъ представляется стольнымъ городомъ суздальской, великороссійской земли, какъ Кіевъ стольнымъ городомъ кіевской, южнорусской. Въ *Китежскомъ Лѣтописцѣ* (рукопись, особенно распространенная между поволжскими раскольниками), говорится, что когда подступилъ къ Большому Китежу Батый — «градъ сдѣлался невидимымъ и будетъ онъ стоять невидимымъ до скончанія вѣка». Тамъ есть и церкви, и монастыри, и множество народа; лѣтними вечерами на Свѣтлояромъ озерѣ слышится звонъ китежскихъ колоколовъ. Въ *Китежскомъ Лѣтописцѣ* описываются эти церкви, монастыри, городскія стѣны, ихъ длина и пр. Въ большомъ ходу у раскольниковъ, даже и у православныхъ: *Посланіе къ отцу отъ сына изъ онаго сокровеннаго монастыря, дабы о немъ сокрушенія не имѣли и въ мертвы не вмѣняли, скрывшагося изъ міра. Въ лѣто 7209 (1702) іюня въ 20 день.* Приводимъ это посланіе, заимствуя его изъ рукописнаго сборника второй половины XVIII ст. Оно даетъ понятіе о томъ воззрѣніи, какое имѣлъ и имѣетъ нашъ народъ на невидимые монастыри: «Г. І Х. С. Б. п. н. а. (то-есть Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ, аминь). Родителямъ моимъ, батюшкѣ моему, имярекъ, и матушкѣ моей, имярекъ, по поклону до лица земли отъ мене, сына вашего, имярекъ.

дахъ XVII столѣтія возникло у нихъ сильное стремленіе какимъ-бы то ни было способомъ добыть себѣ архіерея. Но какъ и откуда взять его? За мѣстомъ его водворенія, за безопасностію отъ неминуемыхъ преслѣдованій со стороны правительства дѣло не стало бы. Много было укромныхъ мѣстъ и дома, а еще болѣе за границей. Но къ велико-

---

Здрави будите. Пишу вамъ азъ, родители мои, о семъ, что вы хощете меня понимать и псалтырь говорить друга моего совѣтнаго (жену) заставливаете. И вы о семъ престаньте: азъ еще живъ; егда пріидетъ смерть, тогда я вамъ вѣдомость пришлю, нынѣ же сего не творите. Азъ живу въ земномъ царствіи, съ отцы святыми, въ мѣстѣ покойнѣ. По истинѣ, родители мои, царство земное. И покой, и тишина, и веселіе, и радость духовная, а не тѣлесная. Сіи бо святіи отцы, съ ними же азъ живу; процвѣтоша, яко крини сельные, и яко финики, и яко кипарисы, и яко каменіе драгое и многоцѣнный бисеръ, и яко древа не старѣющіяся, и яко звѣзды небесныя. И отъ устъ ихъ непрестанная молитва къ Отцу небесному, яко ѳиміамъ благоуханный, и яко кадило избранное, и яко мѵро добровольное. И едва нощь пріидетъ, тогда отъ устъ ихъ молитва видима, яко столпы пламенные со искрами огненными, и яко отъ мѣсяца и звѣздъ велій не токмо мѣсту оному свѣтъ, но и всей странѣ оной свѣтъ, яко молнія. Въ то время книги чести или писати можно, безъ свѣщнаго сіянія. Иже возлюбиша Бога всѣмъ сердцемъ и всею душею и всѣмъ помышленіемъ своимъ, тѣмъ и Богъ ихъ возлюби и приклони ухо свое съ высоты святыя своея, и возлюби ихъ, яко мати любимаго си чада, и что просятъ въ молитвѣ своей отъ Бога, все подастъ. Иже возлюбиша безмолвіе и вся добродѣтели исправиша всѣмъ сердцемъ, и Богъ ихъ возлюби, и хранитъ ихъ, яко зѣницу ока, и покры ихъ невидимо дланію своею,

россійскимъ архіереямъ и подступить было нельзя съ предложеніемъ перейдти въ расколъ, къ малороссійскимъ еще болѣе, да къ тому же они всѣ поголовно заподозрѣны были въ обливанствѣ. Есть преданіе, будто бы нижегородскій митрополитъ Исаія (1699 — 1707), человѣкъ престарѣлый и набожный, приверженъ былъ къ старымъ обрядамъ и потворствовалъ раскольникамъ [1], что раскольники питали надежду на его согласіе перейдти къ нимъ. Но это преданіе требуетъ подтвержденія, тѣмъ болѣе что оно, кажется, не отличается древностію, а сложилось въ позднѣйшее время [2]. Былъ

иже достойнѣ и праведнѣ Тому припадающихъ, по словеси Господню, могутъ горы преставити съ мѣста на другое мѣсто. Но того убо не похотѣша отцы наши, но паче желаютъ житія на небесѣхъ, ниже богатство временное, но паче возлюбиша богатство на небесѣхъ, егда пріидетъ Господь судити живымъ и мертвымъ и воздастъ имъ за труды ихъ царство небесное, и покой, и радость и веселіе. Вы же, родители, чего ради возлюбили сей свѣтъ прелестный и временный, и богатство тлѣнное? Но паче поищите себѣ богатства на небесѣхъ, яже и тля не тлитъ, ни моліе поядаютъ, ни татіе крадутъ. И еще другу моему любимому (женѣ). поклонъ отъ меня отдайте. Аминь.» На озерѣ Нестіарѣ (Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи), тоже слышится звонъ невидимыхъ монастырей. Подобныя мѣста есть въ Архангельской губерніи, въ Сибири.

[1] Макарія архимандрита *Исторія Нижегородской іерархіи*. См. *Нижег. Губ. Вѣд.* 1848. № 34.

[2] Дѣло о ссорѣ митрополита Исаіи съ Ив. Алекс. Мусинымъ-Пушкинымъ и о ссылкѣ его въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь извлечено изъ архивовъ профессо-

еще въ то же время архіерей, сочувствовавшій раскольникамъ: Игнатій Тамбовскій, пріятель Григорія Талицкаго, распространявшаго около 1700

ромъ С. М. Соловьевымъ, который въ замѣткѣ своей о «*Старообрядческихъ архіереяхъ*» сказалъ въ 5 книжкѣ *Русскаго Вѣстника* 1863 г. слѣдующее. «Дѣло о ссорѣ митрополита Исаіи съ Мусинымъ-Пушкинымъ извлечено нами изъ архивовъ, и мы считаемъ своею обязанностію поспѣшить разъясненіемъ вопроса, поставленнаго г. Мельниковымъ. Дѣло состоитъ изъ двухъ донесеній: 1) Поручика Тютчева и 2) дьяка Нестерова. 1) 1707 года, мая 9, драгунскаго полка поручикъ Василій Аѳанасьевъ сынъ Тютчевъ при разспросѣ сказалъ: 707 года, въ февралѣ мѣсяцѣ, изъ монастырскаго приказа посыланъ онъ былъ въ Нижній-Новгородъ для розыску про нижегородскаго Исаія митрополита. И онъ митрополитъ, выслушавъ его слова, на него кричалъ и говорилъ ему такія слова: «Ты овца, вамъ ли овцамъ про насъ, пастырей, розыскивать. Бояринъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ напалъ на церкви Божіи, вотчины наши вѣдаетъ, а нынѣ у насъ и данныя, и вѣнечныя деньги отнимаетъ, и если тѣ сборы у меня отнимутъ, и я своей епархіи всѣ церкви затворю и архіерейство покину. Какое мое архіерейство, что мое у меня отнимаютъ? Какъ хотятъ иные архіереи, а я за свое умру, а не отдамъ, а ты по наказу своему розыскивай правдою. И такъ вы пропадаете, что черви; Шведы васъ побиваютъ, а все за наши слезы, а за ваши неправды, да и впредь, буде не отстанете отъ неправдъ, Шведы васъ побьютъ.» 2) Преображенскаго приказа дьякъ Нестеровъ былъ посланъ къ архіерею для допроса, и архіерей сказалъ: «Какъ пріѣзжалъ въ Нижній-Новгородъ боярина Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина свойственственникъ Василій Тютчевъ, и въ то время, будучи въ мірскомъ домѣ о своей присылкѣ ему сказывалъ, и онъ, Исаія митрополитъ, къ тѣмъ его словамъ, ему Василью,

года мнѣніе, что Петръ I есть антихристъ. Этого Игнатія лишили сана и сослали въ Соловецкій монастырь въ Головленкову тюрьму [1]. Но ни изъ дѣла о немъ не видно, ни преданій не сохранилось, чтобъ онъ былъ въ сношеніяхъ со всѣми раскольниками.

говорилъ разговоромъ, а не крикомъ: «Ты овца, вамъ ли овцамъ про насъ пастырей розыскивать?» говорилъ къ тому правила Свв. Апостолъ и Свв. Отецъ и изложеніе вселенскихъ патріарховъ. И бояринъ Иванъ Алексѣевичъ сыскивать объ немъ прислалъ свойственника своего, нападкою на него, митрополита, мстя недружбу, и напалъ онъ, бояринъ, не на него митрополита, на церковь Божію, потому: по исконнымъ великихъ государей указамъ опредѣлены на всякія нужды, безъ которыхъ въ церкви пробыть не мочно, безъ вина церковнаго, безъ просвиръ, и воску, и ладону, и масла, и иныхъ вещей, сборы съ церквей, данныя и вѣчныя деньги отымаетъ, и если тѣ сборы отняты будутъ, соборныя церкви его дому безъ вышеписанныхъ нуждъ онъ затворитъ, и архіерейскому дому правиться будетъ не чѣмъ, и архіерейству быть не у чего, и за неволю архіерейство будетъ покинуто, какое архіерейство, что данное въ домъ отымаютъ? Безъ именнаго государева указа онъ, Исаія митрополитъ, того сбору вѣнечныхъ и съ церквей данныхъ денегъ не отдастъ. Такъ и о томъ, чтобъ по наказу розыскивалъ онъ правдою и помнилъ бы видимое лежащее на нихъ за преумноженіе грѣхъ ихъ и неправдъ посѣщеніе, что Шведы стоятъ толикое продолжительное время противно.» Стало быть, митрополитъ Исаія былъ не поборникъ раскола, а предшественникъ Георгія Дашкова и Арсенія Мацеевича, ростовскихъ митрополитовъ, защитниковъ неприкосновенности духовныхъ имѣній.

[1] Г. В. Есипова *Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія.* I, 59 — 84.

Кажется, всего бы проще было старообрядцамъ избрать изъ своей среды вліятельнаго, уважаемаго и достойнаго человѣка, и возвести его на степень первосвятительства. Но по первому апостольскому правилу и по шестидесятому карѳагенскаго помѣстнаго собора, необходимо чтобъ епископъ былъ рукоположенъ епископами и притомъ не менѣе какъ двумя или тремя. Стало-быть старообрядцамъ надобно было просить православныхъ архіереевъ, чтобъ они посвятили имъ епископа. Иного средства не было. Но ни великороссійскіе, ни малороссійскіе архіереи ни въ какомъ случаѣ не согласились бы исполнить такую просьбу раскольниковъ. Они были довольно обезпечены, а въ случаѣ согласія на просьбу старообрядцевъ имъ предстояло бы по меньшей мѣрѣ кончить жизнь на Соловецкомъ островѣ или въ Рогервикѣ. Оставалось обратиться къ православнымъ архіереямъ заграничнымъ, которые, не зная русскаго языка и не разумѣя хорошо въ чемъ именно состоитъ образовавшійся въ русской церкви расколъ и что̀ такое значатъ слова «старый обрядъ», и «древлее благочестіе» могли посвятить старообрядцамъ архіерея. Старообрядцы и остановились на этой мысли.

Эта мысль явилась у нихъ еще въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія. Поповщинскія общины рѣшили послать на Востокъ, къ Грекамъ, хорошаго человѣка, искуснаго въ церковныхъ уставахъ, чтобъ онъ извѣдалъ, какова въ самомъ дѣлѣ у Грековъ вѣра и можно ли отъ нихъ принять епископа. Выборъ палъ на старца Леонтія. Въ концѣ 1701 года онъ поѣхалъ въ Кіевъ, а отсюда въ фев-

ралѣ 1702 года пустился въ заграничное странствіе. Черезъ польскія владѣнія и черезъ Яссы Леонтій проѣхалъ въ Галацъ и отсюда плылъ водой до Константинополя. Пробывъ здѣсь четыре мѣсяца отправился онъ въ Египетъ и Іерусалимъ и въ іюлѣ 1703 года воротился въ Россію. Вѣсти, привезенныя Леонтіемъ, были не утѣшительны для старообрядцевъ. Онъ не нашелъ нигдѣ на Востокѣ такого православія, о какомъ мечтали наши ревнители «древляго благочестія». Въ его сочиненіи: *Разгласіе Грековъ съ древнимъ святыхъ отецъ преданіемъ восточныя церкви*, гораздо сильнѣе чѣмъ въ *Проскинитаріи* Суханова представлены мнимыя отступленія отъ православія восточныхъ христіянъ. Такъ начинается это сочиненіе старообрядческаго паломника: «Греки *въ крещеніи обливаются, а не погружаютъ*; крестовъ на себѣ не носятъ; крестятся въ моленіи неистово, ни на чело, ни на плечо не доносятъ рукою, махаютъ сѣмо и овамо: въ церкви стоятъ въ шапкахъ, не скидаютъ, какъ молятся; въ церкви стоятъ въ стойлахъ [1], искривяся, гордо, а глядятъ на стѣну, а не ко образамъ святымъ; служатъ литургію на одной просфорѣ, и то на черствой; мірскіе у нихъ, не говѣвъ, пріобщаются; патріархи, митрополиты и прочій духовный чинъ табакъ піютъ и въ грѣхъ того не ставятъ; патріархи, митрополиты и попы усы себѣ подбриваютъ, и гуменцовъ не постригаютъ, но нѣкако странно — съ низу голову кругомъ подголяютъ

[1] Это такъ-называемыя «формы», находящіяся въ греческихъ церквахъ, особенно же монастырскихъ.

до полголовы, какъ обысы махаметанскіе подбриваютъ, такъ бритися у нихъ научилися; въ постъ великій всякія гадины и ползающія животныя въ морѣ и въ рѣкахъ, ѣдятъ, и въ прочіе дни также тѣ ползающія ѣдятъ; мірскіе и женскій полъ сквозѣ царскія-двери въ олтарь ходятъ, и затворяютъ двери жены, а кадятъ простолюдины по-поповски: когда попъ съ переносомъ идетъ, а мужикъ идетъ передъ попомъ задомъ, кадиломъ машетъ на святыя; Греки когда за трапезу пріидутъ, то сядутъ, «Отче нашъ» сидя говорятъ, также послѣ трапезы за «Достойно» не встаютъ, сидя говорятъ. Евангеліе въ церкви чтутъ, оборотя на западъ. Патріархъ греческій церкви на откупъ погодно отдаетъ по 100 рублевъ и по 200». А кто больше талярей дастъ въ годъ, хощь таляръ передастъ, такъ тому и церковь отдастъ. Свѣчи у нихъ воскъ съ саломъ, да съ смолою мѣшаютъ, а воскъ бѣлый, а когда въ церкви свѣчи горятъ, свѣжему человѣку зѣло тяжко, а когда свитильня на свѣщи нагоритъ, и тогда, снявъ свѣчу съ подсвѣчника, наступя ногою, да и оторветъ свѣтильню — странно зѣло! Часовъ предъ обѣднею не поютъ, развѣ обѣдни не будетъ; Греки на заутрени «Богъ Господь» никогда не поютъ, а пѣсни во псалтырѣ предъ канономъ всегда говорятъ; а церкви у нихъ, какъ простая хоромина: крестовъ на нихъ нѣтъ, ни звону нѣтъ, противъ воскресенія ходитъ пономарь по улицамъ кричитъ, чтобы шли до церкви.... а въ домахъ ихъ иконъ нѣтъ, съ Турками во всемъ смѣсилися. Греки непостоянны и обманчивы, точію христіянами

словутъ, а и слѣду благочестія въ нихъ, да и не откуду имъ благочестію и научиться, ибо книги имъ печатаютъ Латыни въ Венеціи; каковыя пришлютъ Латыни, по ихъ и служатъ и поютъ. Греки нравы и поступки внѣшніе и духовные держатъ всѣ съ турецкаго переводу; духовный чинъ у Грековъ хуже простаго народа. Крестятся странно въ церкви: рукою махаетъ, а самъ то на ту сторону, то на другую озирается, что коза; а митрополиты и въ церкви зѣло неискусны, во время пѣнія со стороны на сторону съ Греками говорятъ крикомъ и смѣются, что и пѣнія не слыхать отъ ихъ неискусства... Грекамъ жену или сына поучить и побить нельзя: скажетъ: «я по турчуся». Греки московскихъ людей зѣло не любятъ... Сами Греки сказывали Леонтію Москвитянину: ни близь де христіянства не хранятъ, въ посты, и въ великій постъ, такоже во весь годъ среду и пятокъ мясо ѣдятъ; греческія власти (архіереи) у себя въ келіи красиковъ держатъ, а Греки о семъ ихъ весьма злословятъ и поносятъ недобрымъ именемъ. Турки милостивѣе Грековъ, и Жиды нравами лучше Грекъ и т. д.»[1].

---

[1] Въ рукописномъ *Цвѣтникѣ* XVIII ст. въ 8-ку (изъ подписи видно, что принадлежалъ добрянскому мѣщанину Петру Тихонову Головневу) помѣщена вслѣдъ за сочиненіями Аввакума протопопа противъ Грековъ, большая выписка изъ *Проскинитарія* Арсенія Суханова, раскольничьей редакціи, потомъ *Тактіонъ, еже есть чиновникъ, како Греки церковный чинъ и пѣніе содержатъ*. За нимъ статья *Изъ похожденія Леонтія старца въ Іерусалимъ. Лѣта 7211*,

Такого рода «разгласій» греческихъ обычаевъ съ старорусскимъ обрядомъ было больше чѣмъ достаточно для совершеннаго убѣжденія тогдашнихъ нашихъ раскольниковъ, что ни въ Царьградѣ, ни въ Іерусалимѣ и нигдѣ на Востокѣ нѣтъ истиннаго православія. Особенно смущало ихъ то обстоятель-

---

Разгласіе Грековъ з древнимъ святыхъ отецъ преданіемъ восточныя церкви. Начало этой статьи здѣсь напечатано. За нею слѣдуетъ: «Хожденіе было Леонтіево лѣта 7210» и затѣмъ нѣчто въ родѣ поденной записки путешествія. Потомъ въ *Цвѣтникѣ* между прочимъ находится: *Житіе Марка фряческаго, Сказаніе Меѳодія Александрійскаго объ Александрѣ Македонскомъ и о послѣднихъ дняхъ, Слово на Рождество Христово обличительное противъ святочныхъ увеселеній* и пр. Въ *Русскомъ Архивѣ*, издаваемомъ на 1863 годъ при Чертковской библіотекѣ П. И. Бартеневымъ, помѣщено: *Путешествіе въ Святую Землю московскаго священника Ивана Лукьянова церкви Покрова пресвятыя Богородицы*, и ему предпослана данная ему отъ имени Петра I проѣзжая грамота отъ 15 іюня 1710 года. Оказывается, что *Разгласіе* старца Леонтія и статья изъ *Путешествія Лукьянова* названная *О несогласіи Греческомъ съ восточною церковью* (*Русск. Арх* II 154 — 155) одно и то же. Маршрутъ съ означеніемъ числъ и мѣсяцевъ хожденія Леонтія и Лукьянова совершенно сходны. Кто же ходилъ въ Палестину: старообрядческій старецъ Леонтій Москвитянинъ, или московскій попъ Лукьяновъ? Когда было хожденіе? Въ 1702 и 1703 какъ у Леонтія, или въ 1711 и 1712 году, какъ у Лукьянова? Леонтій говоритъ, что онъ выѣхалъ изъ Кіева 3 февраля 7210 то-есть, 1702 года; Лукьяновъ — 3 февраля 1711. Въ томъ же году 22 марта (и тотъ и другой показываютъ) прибыли въ Константинополь, — въ четвертокъ пятой недѣли поста, прибавляетъ Лукьяновъ. Но въ этомъ году четвертокъ пятой недѣли

ство, что Греки, по словамъ Леонтія, совершаютъ обливательное крещеніе. Это всегда смущало русскихъ старообрядцевъ и даже въ настоящее время значительную часть поповщины отвращаетъ отъ бѣлокриницкой іерархіи, главою и источникомъ которой былъ *Грекъ* (?) Амвросій, многими заподозрѣнный въ обливанствѣ.

Но нужду въ архіереѣ такъ сильно чувствовали старообрядцы, особенно на Вѣткѣ, что вскорѣ началось исканіе архіерейства — въ Молдавіи.

былъ 29 марта. Леонтій говоритъ, что изъ Іерусалима въ Константинополь онъ пріѣхалъ 1703 года, апрѣля 21, въ день преполовенія; въ этомъ году дѣйствительно преполовеніе приходилось въ это число. Кто же у кого списалъ хожденіе? попъ ли Лукьяновъ, ѣздившій въ 1711 и 1712 году, списалъ «хожденіе Леонтія», бывшее въ 1702 и 1703 году, или старообрядцы въ послѣдствіи сдѣлали выдержки изъ путешествія Лукьянова, и приписавъ его Леонтію, отнесли къ 1702 и 1703 году? Замѣтимъ однако, что въ проѣзжей грамотѣ, напечатанной въ *Русскомъ Архивѣ* № 1, и отнесенной къ 1710 году, говорится, что Лукьяновъ ѣдетъ въ «государство великаго государя Мустафы» и о турецкомъ султанѣ говорится, какъ о союзникѣ. Но Мустафа низложенъ еще 23 августа 1703 года, а въ 1710, году Россія была въ разрывѣ съ Ахмедомъ III, а въ ноябрѣ 1710, то-есть до выѣзда еще Лукьянова, Турція объявила войну Россіи. Еще: Лукьяновъ въ 1711 говоритъ, о Паліи и Паліевщинѣ, а Палій былъ убитъ въ полтавскомъ сраженіи 27 іюля 1709 года (Конисскаго *Исторія Русовъ* стр. 109).

Глава III.

Зарубежные старообрядцы. Исканіе архіерейства въ Молдавіи.

Въ началѣ XVIII столѣтія, когда старообрядцы поповщинскаго толка начали искать архіерейства, ихъ общины находились уже не только въ разныхъ мѣстахъ Россіи, но и за границей. Преслѣдованія раскола со временъ собора 1667 года, а въ особенности извѣстныя двѣнадцать статей царевны Софіи Алексѣевны 1685 года апрѣля 7,[1] были причиной переселеній раскольниковъ за границу.

---

[1] По этимъ статьямъ полагалось: а) *Жечь въ срубѣ*: тѣхъ, которые хулятъ господствующую церковь и производятъ въ народѣ мятежъ или соблазнъ и остаются упорными, а также и тѣхъ, которые у казни покорятся Св. церкви, но потомъ снова обратятся въ расколъ; тѣхъ, которые увлекали другихъ къ самосожигательству. б) *Казнить смертію*: тѣхъ, которые перекрещивали людей въ свою секту; тѣхъ, которые, перекрестившись, не соглашаются возвратиться къ церкви. в) *Бить кнутомъ и ссылать въ дальніе города*: раскольниковъ, скрывающихъ принадлежность свою къ расколу, хотя бы послѣ и раскаялись; всякаго званія людей (то-есть и не раскольниковъ) укрывавшихъ

Раскольники уходили изъ городовъ и селились по лѣсамъ, и, какъ нѣкогда казаки, отодвигались далѣе и далѣе отъ Москвы къ украинамъ государства. Вскорѣ отдаленное Поморье и южныя украины на Дону, на Волгѣ, на Яикѣ, въ Сибири наполнились старообрядцами. Казаки поступили въ расколъ почти поголовно. Московское правительство не ослабляло между тѣмъ мѣръ преслѣдованій: костры горѣли, рѣзались языки, рубились головы, удары кнута раздавались въ застѣнкахъ и на площадяхъ, тюрьмы и монастыри были полны раскольниками. Царевна Софія, или вѣрнѣе сказать, ея богомолецъ, святѣйшій патріархъ Іоакимъ, Малоруссъ, самый ужасный изъ всѣхъ гонителей раскола, въ 1689 году велѣлъ «смотрѣть накрѣпко, чтобы раскольники въ лѣсахъ и волостяхъ не жили, а гдѣ объявятся — самихъ ссылать, пристанища ихъ раззорять, имущества продавать, а деньги присылать въ Москву [1].» Преосвященный Макарій, въ своей *Исторіи раскола*, говоритъ, что «расколъ рѣшительно былъ запрещенъ въ Россіи и никто ни въ городахъ, ни въ селеніяхъ не смѣлъ открыто держаться его. Потому раскольники или таили вѣру свою; или убѣгали въ пустыни и лѣса, гдѣ заводили для себѣ пріюты. Но и тамъ ихъ отыскивали, жилища

раскольниковъ у себя въ домѣ, зная что они раскольники и не донесшихъ о нихъ начальству. Имѣніе казненыхъ и ссылаемыхъ конфисковалось на томъ основаніи, что на прогоны и на жалованье „сыщикамъ" по государству раскольниковъ, „много шло государевой казны". — См. *Полн. Собр. Зак, Росс. Имп.* т. I, и *Акты Арх. Эксп.* т. IV.

[1] *Акты Историческіе* V, № 223.

ихъ раззоряли, а самихъ приводили къ духовнымъ властямъ для убѣжденій, а въ случаѣ нераскаянности, предавали градскому суду и часто смерти»[1]. И этихъ словъ достаточно для уразумѣнія того безвыходнаго, страшнаго положенія, въ какомъ находились раскольники, особеннно во время Іоакимова патріаршества. Имъ не позволялось жить ни въ городахъ, ни въ волостяхъ, ни въ лѣсахъ, ни въ пустыняхъ. Куда же было дѣваться? Ушли они въ лѣса поморскіе, сибирскіе, печорскіе, чердынскіе, кайгородскіе, керженскіе, ушли туда, гдѣ, быть-можетъ, до того и ноги человѣкъ не накладывалъ, но сыщики и тамъ ихъ находили. Ихъ ловили, и если они объявляли себя раскольниками, но не отказывались отъ своихъ вѣрованій, не присоединялись, въ виду казни, къ господствующей церкви, готовъ былъ срубъ или костеръ. Если не сознавались въ расколѣ, готовъ былъ кнутъ, а за нимъ ссылка и конфискація имѣнія. Если же, наконецъ, они обращались въ православіе, имъ все-таки, на основаніи Софіиныхъ статей 1685 года «чинили наказаніе», послѣ чего отправляли въ домъ патріарха или епархіяльнаго архіерея «ради исправленія», на тяжкія работы, за замки и затворы, на хлѣбъ и на воду. Раскольники бѣгали по лѣсамъ съ раззоренныхъ жилищъ въ глубокія трущобы, за болота, за трясины, но усердные сыщики и здѣсь отыскивали ихъ.

Въ это тяжкое для старообрядцевъ время изъ

[1] Макарія епископа винницкаго (нынѣ архіепископа харьковскаго) *Исторія русскаго раскола*, стр. 133.

конца въ конецъ Русской земли раздался голосъ наставниковъ раскола: «за рубежемъ древлее благочестіе во ослабѣ»[1]. И громадныя толпы бросились въ Швецію, въ Пруссію, въ Польшу, въ Турцію, за Кавказъ, въ китайскія владѣнія и даже, если вѣрить Марку Топозерскому, въ Японію.

Переселеніе за рубежъ въ случаѣ какой-либо невзгоды на родинѣ одно изъ самыхъ старыхъ и самыхъ обыкновенныхъ явленій русской жизни. До XVII столѣтія оно составляло даже весьма важное и въ теченіи долгаго времени упорно отстаиваемое право аристократіи, право, для сокрушенія котораго Иванъ Грозный употреблялъ самыя энергическія мѣры, а все-таки не смогъ въ конецъ сокрушить его. Самая торная, въ продолженіи вѣковъ протоптанная русскими выходцами дорога, вела за литовскій рубежъ, въ то время не очень далекій отъ Москвы. По этой-то дорогѣ преимущественно и устремились раскольники. Особенно сильно было переселеніе ихъ по кончинѣ царя Ѳедора Алексѣевича.

Московскій попъ Кузьма, прихода Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, бывшій въ числѣ тѣхъ бѣлыхъ священниковъ города Москвы, которые съ самаго начала церковнаго раздора открыто пошли противъ Никона, поддерживалъ въ средѣ уважавшихъ его, за добрую жизнь и благочестіе, прихожанъ отвращеніе отъ «новшествъ» и ревность къ старому обряду. Прихожане по большей части были посад-

[1] То-есть за границей старообрядство свободно, не преслѣдуется.

скіе люди, занимавшіеся городскою промышленностью и мѣстною торговлей. Люди были все достаточные. Когда соборъ 1667 года провозгласилъ анаѳему, попъ Кузьма не захотѣлъ оставаться въ Москвѣ, которую теперь называлъ «Вавилономъ». Съ двѣнадцатью семействами самыхъ ревностныхъ къ старому обряду прихожанъ бѣжалъ онъ на самый рубежъ литовскій, въ Украйну Стародубскую. Здѣсь у него былъ пріятель, вѣроятно, одинъ изъ сотниковъ стародубскаго полка[1], Гаврила Ивановичъ. Снисходя къ просьбѣ попа Кузьмы, велѣлъ онъ курковскому атаману Ломакѣ поселить московскихъ выходцевъ въ мѣстечкѣ Понуровкѣ. Подлѣ этого мѣстечка на рѣкѣ Ревнѣ явилось въ 1669 году первое раскольническое поселеніе въ Стародубьѣ. Слухъ объ этомъ прошелъ между старообрядцами въ Москвѣ и въ около-московныхъ городахъ. О Кузьмѣ говорили, какъ о нѣкоемъ святителѣ, странствующемъ «ради старыя вѣры». Въ первый же годъ бѣглые изъ Россіи раскольники, стремившіеся по слѣдамъ попа Кузьмы, населили четыре слободы: Бѣлый Колодезь, Синій Колодезь, Шелому и Замѣшево. Пятнадцать лѣтъ жили они

---

[1] А не стародубскій полковникъ, какъ пишетъ Иванъ Алексѣевъ въ своей *Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ* (Н. С. Тихонравова *Лѣтописи Русской литературы и древности* т. IV, смѣсь стр. 56. Ср. преосвященнаго Макарія *Исторія русскаго раскола* стр. 293). Изъ стародубскихъ полковниковъ не было ни одного, котораго бы звали Гаврилою Ивановичемъ (Маркевича *Исторія Малороссіи*. V — 169).

спокойно въ лѣсахъ стародубскихъ. Сюда къ нимъ пришелъ и другой священникъ изъ города Бѣлева, по имени Стефанъ, и съ нимъ много старообрядцевъ изъ нынѣшнихъ Тульской и Калужской губерній. Они основали слободу Митьковку. Царевна Софія и патріархъ Іоакимъ узнали объ этихъ поселеніяхъ. Тамошнему полковнику повелѣно было примѣнить, относительно поселившихся въ Стародубьѣ, 12 статей 1685 года, и возвращать ихъ на родину. «Таковому указу разгласившуся, говоритъ одинъ раскольническій писатель, ревнители древнихъ преданій бѣгу яшася, по разнымъ мѣстамъ разсѣяшася... Гоненію же въ Великороссіи на старообрядцы належащу, мнози оставляюще своя отечества»[1] Насельники старообрядскихъ слободъ перешли рубежъ литовскій, бывшій отъ нихъ всего верстахъ въ пятнадцати. Здѣсь, у самой почти русской границы, они нашли для себя удобное мѣсто. На пустомъ островѣ р. Сожи, текущей въ Днѣпръ, недалеко отъ нынѣшняго города Гомеля, они построили первую слободу, названную по имени острова Вѣткою. Панъ Халецкій, которому принадлежалъ этотъ островъ, былъ очень радъ пришельцамъ, отвелъ имъ пустовавшую дотолѣ у него землю, и получая за нее съ старообрядцевъ хорошій чиншъ (оброкъ), защищалъ ихъ сколько могъ. Это было въ 1685 году. Послѣдователи поповщины, жившіе въ Россіи и подвергавшіеся преслѣдова-

[1] Иванъ Алексѣевъ *Исторія о бѣгствующемъ священствѣ* въ *Лѣтописяхъ русской литературы и древности*, т. IV. Смѣсь стр. 58.

ніямъ, узнавъ что за литовскимъ рубежомъ «старая вѣра во ослабѣ,» устремились изъ разныхъ мѣстъ «во оная на Вѣткѣ прославляемая мѣста, изволяюще странствованіе, оземствованія паче утѣшенія своихъ мѣстъ со отступленіемъ. И сицевыми народы пустая мѣста и звѣропаственная населяхуся, и вмѣсто древесъ людей умноженіе показася, трава и тернія растущія въ вертограды и садовія обратишася, гради вторіи показашеся населеніемъ человѣкъ, ими же населишися Косецкая, Романово, Леонтіева». [1] Всего въ самое короткое время старообрядцы населили четырнадцать большихъ слободъ.

Черезъ десять лѣтъ по основаніи Вѣтка сдѣлалась средоточіемъ всей поповщины, какъ бы ея митрополіей. Это случилось вслѣдствіе переселенія сюда изъ Керженскихъ скитовъ чернаго попа Ѳеодосія. Много странствовалъ на своемъ вѣку этотъ человѣкъ. При началѣ церковнаго раздора ушелъ онъ изъ Рыльскаго монастыря на Донецъ, но былъ пойманъ, судимъ и по лишеніи сана заточенъ въ Кириловомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ. Здѣсь сидѣлъ Ѳеодосій семь лѣтъ и обратился къ церкви, но когда его заставили читать синодикъ и дали ему нѣкоторую свободу, онъ бѣжалъ въ Поморье, а оттуда въ Керженскіе лѣса, гдѣ вмѣстѣ съ пошехонскимъ дворяниномъ, Ѳедоромъ Яковлевичемъ Токмачевымъ, поселился сначала на Белмашѣ, а потомъ

[1] Тамъ же.

въ скиту Смольяны [1], который былъ тогда центромъ всего Керженца и Чернораменья. Прежде жилъ тутъ Діонисій Шуйскій, у котораго былъ довольный запасъ мѵра и Св. даровъ, освященныхъ еще при патріархѣ Іосифѣ. Это возвысило Діонисія на степень главы старообрядчества, а жительство его, Керженецъ, сдѣлало какъ бы митрополіей

[1] Этотъ скитъ былъ основанъ Сергіемъ Салтыковымъ, Ефремомъ Потемкинымъ и другими Смольянами, пришедшими изъ Бизюкова монастыря на Керженецъ около 1656 г. Это мѣсто недалеко отъ деревни Ларіонова, что близь города Семенова. За Шарпанскимъ скитомъ, уничтоженнымъ въ 1853 году, въ густомъ лѣсу, по болоту, есть тропинка. На ней мѣстами уцѣлѣли полусгнившія сосновыя и еловыя кладки. Коннаго ѣзду, кажется, тутъ никогда и не бывало. Тропинка приводитъ пѣшехода до признаковъ стараго скита, уже поросшихъ матерымъ лѣсомъ. Замѣтны погребныя ямы, слѣды огородныхъ грядъ и кладбища. На кладбищѣ двѣнадцать могилъ, на могилахъ двѣнадцать камней. Тутъ похоронены Діонисій Шуйскій, бывшій нѣкогда главою поповщины, и другіе одиннадцать поповъ. Урочище это называется *Смольяны* или *Смольяные*. Преданіе говоритъ, что тутъ былъ большой скитъ, раззоренный еще прежде Питирима, *въ которомъ жили царскіе бояре*, не захотѣвшіе принять Никоновыхъ нововведеній. Это *«Старый Керженецъ»*, первый раскольническій скитъ, основанный еще въ 1656 году. Белмашъ, рѣчка впадающая въ Керженецъ (въ Макарьевскомъ уѣздѣ Костромской губерніи, на самой почти границѣ съ Нижегородскою). Здѣсь, на устьѣ Белмаша, въ XVII столѣтіи, старообрядцы устроили скитъ, уничтоженный Питиримомъ, который по указу Петра въ 1708 году устроилъ тутъ Троицкій Белмашскій женскій монастырь, доселѣ существующій.

всѣхъ послѣдователей поповщины. Не имѣя ни антиминсовъ, ни Одиконовъ, ни Діонисій, ни другіе попы, уклонившіеся въ расколъ, не могли служить литургій, и тотъ, у кого было болѣе старыхъ запасныхъ даровъ, дѣлался самымъ вліятельнымъ человѣкомъ. За дарами пріѣзжали на Керженецъ издалека и повсюду распространялась слава Діонисія и Керженца, въ то время еще не раздѣлившагося на секты. Ѳеодосій около 1690 года сдѣлался преемникомъ Діонисія и вмѣстѣ съ Токмачевымъ правилъ всѣмъ Керженцомъ: собиралъ соборы, распространялъ и поддерживалъ расколъ и этимъ обратилъ на себя зоркое вниманіе правительства. Начались розыски. Токмачевъ былъ арестованъ, его судили и сожгли, а другъ и собесѣдникъ его, Ѳеодосій, успѣлъ бѣжать въ Калугу. Смольяные были раззорены до тла. Это было въ 1694 году. Ѳеодосій не имѣя при себѣ ни мура, ни запасныхъ даровъ, которые, при скоромъ бѣгствѣ, оставилъ въ Смольяныхъ, чувствовалъ, что онъ лишился вліянія на старообрядцевъ, что слава его, какъ главы раскола, миновала. Въ Калугѣ представился однако ему счастливый и совершенно неожиданный случай поправить дѣла. Выше сказано было, что старообрядцы въ то время нигдѣ не служили обѣдни, и что у нихъ повсюду чувствовался крайній недостатокъ въ святыхъ дарахъ.[1] Въ Калугѣ стояла

[1] Запасные дары мѣшали съ мукой и испеченные изъ этой муки хлѣбы принимали, какъ таинство; тѣсто съ крупицами святыхъ даровъ намазывали на полотно и лоскут-

одна ветхая церковь Покрова Богородицы. Много лѣтъ уже не отправлялось въ ней, за ветхостію, церковной службы; но церковь не была нарушена: въ ней былъ и престолъ и антиминсъ, освященные еще при патріархѣ Іосифѣ, и иконостасъ временъ Ивана Грознаго. Старикъ Ѳеодосій, уже болѣе полувѣка не служившій обѣдни, изыскалъ случай, ночью, въ великій четвертокъ 1695 года, совершить въ этой запустѣлой церкви литургію и освятить запасные дары. Все сдѣлано было сообразно требованіямъ самыхъ строгихъ ревнителей стараго обряда. Въ до-Никоновской церкви, на до-Никоновскомъ антиминсѣ, до-Никоновскаго рукоположенія священникъ совершилъ литургію по старому *Служебнику*. Святость даровъ, освященныхъ Ѳеодосіемъ, была для всѣхъ несомнѣнна; даже самые безпоповцы просили у него совершенныхъ имъ даровъ. Ѳеодосій разослалъ частицы ихъ по всѣмъ сторонамъ, гдѣ жили старообрядцы и его падавшая было слава возникла въ новомъ, большемъ прежняго, блескѣ. Осталось неизвѣстнымъ, какимъ образомъ Ѳеодосій получилъ доступъ въ калужскую церковь, но полагать надобно, что тутъ дѣйствовали деньги, ибо вскорѣ послѣ того Ѳеодосій сдѣлался владѣтелемъ Іоанновскаго иконостаса, сто лѣтъ слишкомъ находившагося въ калужской церкви, въ которой удалось ему отслужить обѣдню, доставившую ему столько славы и вліянія. Въ русскихъ предѣлахъ съ та-

---

ками его пріобщались. См. Андрея Іоаннова Журавлева: *Историческое извѣстіе о раскольникахъ*, стр. 279.

кими пріобрѣтеніями Ѳеодосію оставаться было небезопасно; розыски его не кончились. За литовскимъ рубежомъ было не въ примѣръ надежнѣе и безопаснѣе. На Вѣтку усердно звали его тамошніе старообрядцы, свѣдавъ какимъ сокровищемъ онъ обладаетъ. Вѣтковскіе отцы послали искуснаго старца Нифонта и другихъ въ Калугу, съ просительными письмами къ Ѳеодосію, приглашая его къ себѣ на жительство. Ѳеодосій согласился, и въ 1695 году перешелъ литовскій рубежъ и явился на Вѣткѣ, «вси же радостными привѣтствы возблагодариша приходъ его къ нимъ, и вси радостное торжество о немъ сотворяюще, всяко мѣсто и всякъ домъ радостное возглашающе, ликующе, купно и веселящеся на вступленіе того, вси, увядшіе печалію весело хождаху.» [1]

Посмотрѣлъ Ѳеодосій: видитъ вѣтковская моленная мала, не можетъ вмѣщать всѣхъ богомольцевъ, ибо съ каждымъ днемъ населеніе тамошнихъ слободъ увеличивалось бѣгавшими за границу старообрядцами. И велѣлъ ее распространять. Обрадованные Вѣтковцы живо схватились за топоры и въ нѣсколько дней срубили изъ дубоваго лѣса большую церковь. Ѳеодосій поставилъ въ ней калужскій иконостасъ и вмѣстѣ съ двумя попами: роднымъ братомъ своимъ, Александромъ, и пріѣхавшимъ изъ Москвы Григорьемъ, освятилъ церковь во имя Покрова Богородицы, на антиминсѣ, который былъ на Вѣткѣ

[1] Иванъ Алексѣевъ: *Исторія о бѣгствующемъ священствѣ*, стр. 62.

еще до водворенія въ ней Θеодосія. Предшественнику его, вѣтковскому попу Іоасафу, привезла этотъ старинный антиминсъ, по всей вѣроятности выкраденный изъ какой-нибудь православной церкви, старица изъ города Бѣлева, по имени Меланія. Это была первая раскольническая церковь, и литургія, совершенная тремя попами въ день освященія вѣтковской церкви, была первая раскольничья обѣдня.

Вѣтка съ церковью и обѣднями стала быстро возвышаться; толпы за толпами приходили на берега Сожи. Русскіе старообрядцы вскорѣ населили здѣсь четырнадцать большихъ слободъ. Въ нихъ было до сорока тысячъ жителей. Явились монастыри, мужскіе и женскіе. Міряне занимались торговлей и управлялись выборными людьми. Θеодосій сдѣлался главою всей поповщины, онъ разсылалъ благословеніе и святые дары по всѣмъ общинамъ, принималъ бѣглыхъ отъ господствующей церкви поповъ и разсылалъ ихъ по разнымъ мѣстамъ. Нигдѣ не могли принять попа безъ благословенія настоятеля вѣтковской Покровской церкви. Самый Керженецъ преклонился передъ Вѣткой: туда, въ это бывшее дотолѣ средоточіе всей поповщины, Θеодосій посылалъ грамоты, какъ власть имѣющій. Не доставало мѵра: старое Іосифовское старообрядцы разбавляли деревяннымъ масломъ. Черезъ полвѣка и разбавленнаго такимъ образомъ было очень мало. Θеодосій сварилъ и мѵро.

Во время вторженія Карла XII и измѣны гетмана Мазепы раскольники вѣтковскіе, а также и оставшіеся въ Стародубьѣ, сами собрались и стали

противъ враговъ русской земли. Они оказали услугу Петру I, отбивая у Шведовъ обозы, нападая на малые отряды, однимъ словомъ, ведя въ это время партизанскую войну. Нѣсколько сотъ Шведовъ было убито старообрядцами, а захваченныхъ плѣнниковъ жители Стародубскихъ слободъ представили лично Петру. Государь былъ доволенъ такимъ доказательствомъ ихъ вѣрности, простилъ бѣглецовъ и утвердилъ за ними тѣ земли Стародубья, на которыхъ они поселились. Вѣтковцевъ не велѣлъ трогать. Это обстоятельство много способствовало къ возвеличенію тамошнихъ раскольническихъ общинъ. Стародубскія слободы, запустѣвшія было за двадцать передъ тѣмъ лѣтъ, вновь заселились больше прежняго. Чрезъ нѣсколько лѣтъ онѣ были сильны и вліятельны не менѣе самой Вѣтки.

Гоненія были только въ Москвѣ, на Керженцѣ и по Волгѣ. Петра вооружили противъ тамошнихъ старообрядцевъ распространяемые ими по народу толки о томъ, что Петръ Нѣмецъ, Шведъ, подметный царь, антихристъ, что не повиноваться ему, «братися съ нимъ, яко со врагомъ Господнимъ, яко съ антихристомъ», самъ Богъ повелѣваетъ. Мы уже говорили, что въ 1669 году, ошибшіеся въ разчисленіяхъ о кончинѣ міра, раскольники высчитали, что антихристъ придетъ въ 1669 году, а кончина міра послѣдуетъ въ 1702 году. Въ 34 году по Р. Х. распятъ былъ Спаситель, говорили они, и тогда же связанъ Сатана на тысячу лѣтъ, то-есть до 1034 года, когда отпала римская церковь отъ пра-

вославія. Съ этого времени до явленія антихриста долженствовало исполниться число лѣтъ, равное апокалипсическому числу въ имени антихриста, то-есть 666. Итакъ онъ долженъ явиться въ 1699 или 1700 году, а черезъ два съ половиной года, то-есть въ 1701 или 1702 году должно послѣдовать свѣтопреставленіе. Когда исполнились эти года, Петръ I воротился изъ-за границы, обритый, въ нѣмецкомъ платьѣ, и сталъ передѣлывать Русь на «нѣмецкій манеръ». Свѣдали старообрядцы, что, возвратясь въ Москву, онъ, не заѣзжая ни въ Кремль къ тамошнимъ чудотворцамъ, ни къ Иверской Божіей Матери, прямо проѣхалъ на Кокуй, въ Нѣмецкую слободу, въ домъ виноторговца Монса, гдѣ съ его дочерью и Лефортомъ прокутилъ цѣлую ночь[1]. На другой день по пріѣздѣ, когда представлялись къ нему бояре, онъ обрилъ ихъ, кромѣ только двухъ, и затѣмъ велѣлъ всѣхъ русскихъ людей бороды лишать и всѣмъ нѣмецкое платье надѣвать. Черезъ пять дней, въ день новаго года (1-го сентября), вопреки древнему, свято чтимому обычаю, Петръ не явился на кремлевской площади въ царскомъ облаченіи, и не принялъ, по древнему обыкновенію, благословенія патріарха и поздравленія отъ бояръ и отъ народа, и самъ не «здравствовалъ народъ» съ новолѣтіемъ. За то въ этотъ самый день былъ на пиру у Шеина, много пилъ и велѣлъ

[1] Устряловъ. *Исторія царствованія Петра Великаго.* III.—621. Донесеніе Гваріента императору Леопольду отъ 12 сентября 1668 года.

шутамъ рѣзать послѣднія боярскія бороды. Черезъ недѣлю по пріѣздѣ, былъ пиръ у Лефорта: на пиру бритый царь, бритые бояре, и Нѣмцы съ женами и дочерьми сильно выпили. Музыка гремѣла; царь плясалъ съ Нѣмками. Черезъ двѣнадцать дней по пріѣздѣ, не допустивъ царицу на глаза, постригъ ее и заточилъ въ Суздальскій монастырь. Отправивъ такіе пиры, принялся Петръ за кровавый пиръ — за стрѣльцовъ: черезъ три недѣли по возвращеніи его изъ чужихъ краевъ начался стрѣлецкій розыскъ. Стѣны Кремля были утыканы стрѣлецкими головами и самъ царь въ Преображенскомъ рубилъ головы стрѣльцамъ. Петръ публично ѣлъ скоромное по постамъ. Измѣнилъ исчисленіе, перенесъ новый годъ съ сентября на январь. Соблазнились и смутились русскіе люди больше, чѣмъ сто лѣтъ передъ тѣмъ смущались они во дни Гришки Отрепьева. «Да впрямь царь ли онъ? Не по-царски поступаетъ. Не новый ли это у насъ Гришка Растрига объявился»? заговорили въ народѣ. И пошли толки: «благочестивый царь Петръ Алексѣевичъ поѣхалъ въ Стеклянное государство [1] и тамъ *пропалъ безъ вѣсти*». Исключительно русское воззрѣніе! Стали спрашивать: «а кто же теперь на Москвѣ царство держитъ»? Отвѣчали: «сказываютъ, что нѣкій Жидовинъ отъ колѣна Данова [2]. Какъ скоро-де онъ на-

---

[1] Русскіе Стокгольмъ называли «Стекольно»; оттуда и Стеклянное царство.

[2] По сказаніямъ, антихристъ будетъ Еврей изъ колѣна Данова и явится на Сѣверѣ.

ѣхалъ на Москву и все сталъ творить по-жидовски: у патріарха благословенія не принялъ, въ домъ Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія, на поклоненіе ризѣ Господней, пречестной Владимірской иконѣ Богородицы, писанной Лукой евангелистомъ, и къ цѣльбоноснымъ мощамъ московскихъ чудотворцовъ не пошелъ, потому что зналъ: сила Господня не допуститъ его, окаяннаго, до святаго мѣста. Къ Архангелу не ходилъ, гробамъ прежнихъ благочестивыхъ царей не поклонился, для того что они ему чужи и весьма ненавистны. Въ кремлевскіе чертоги не вошелъ, глумяся надъ ними и сожечь ихъ замышляя... Никого изъ царскаго рода, ни царицы, ни царевича, ни царевенъ не видалъ, боясь что они обличатъ его, скажутъ ему, окаянному: «ты не нашъ, ты не царь, а Жидъ проклятый». Для того царицу и царевенъ постригъ, а маленькаго царевича, сына благочестиваго царя Петра Алексѣевича, коему бы достояло теперь пріяти великій скифетръ московскаго государства и всея Россіи, Нѣмцамъ отдалъ, а потомъ убилъ. Народу въ день новолѣтія не показался, чая себѣ обличенія, якоже и Гришкѣ Растригѣ обличеніе народное было, и во всемъ по-растригинному поступаетъ: святыхъ постовъ не содержитъ, въ церковь не ходитъ, въ банѣ каждую субботу не бываетъ, живетъ блудно, съ погаными Нѣмцами заедино, и нынѣ на Московскомъ государствѣ Нѣмецъ сталъ великъ человѣкъ. Самый ледащій Нѣмецъ теперь выше боярина и самого патріарха. Да онъ же, Жидовинъ, съ блудницами Нѣм-

ками всенародно пляшетъ... Бояръ перебрилъ и въ нѣмецкіе кафтаны обрядилъ и всѣхъ русскихъ людей велѣлъ бороды лишать и всѣмъ нѣмецкіе кафтаны носить. Пьетъ вино не во славу Божію, а нѣкако нелѣпо и безобразно, яко кабацкіе пропойцы, безобразно во пьянствѣ валяяся, и глумяся во пьянствѣ; своихъ же пьяницъ, оваго святѣйшимъ патріархомъ нарицаетъ; овыхъ же митрополитами, и архіепископы и епископы, себѣ же протодіакономъ, горло веліе имѣяй и срамоты со священными глаголы смѣшивая, велегласно вопія на потѣху своимъ нѣмецкимъ людямъ, паче же на поруганіе святыни. Самъ табакъ пьетъ и другихъ пить сіе треклятое зеліе повелѣваетъ, а при благочестивыхъ царѣхъ тѣмъ, кто табакъ пьетъ, носы рѣзали. Патріаршій чинъ упраздни, и митрополитовъ такожде упраздняя. У Бога восемь лѣтъ укралъ [1], чая да не явится въ людѣхъ прореченное о немъ тайновидцомъ Іоанномъ Богословомъ исчисленіе временъ,— да не явится антихристомъ въ міръ пришедшимъ, еже и бысть. Страдничества же того Жидовина, и всякихъ дѣлъ его нечестивыхъ всѣхъ по ряду не возможно опасати, аще бы вся богопротивныя дѣ-

[1] Въ свято чтимыхъ раскольниками старопечатныхъ книгахъ говорилось, что отъ сотв. міра до Р. Х. не 5508 а равно 5500 лѣтъ. Когда Петръ замѣнилъ старинное лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра общепринятымъ въ Европѣ счисленіемъ отъ Р. Х. и при этомъ 7.208 годъ стали считать не 1708, а 1700, отъ этого и пошелъ толкъ о томъ, что Петръ I у Бога восемь лѣтъ укралъ. Этотъ толкъ внесенъ во многія раскольническія сочиненія.

ла сего Жидовина описáти, мню сó евангелистомъ Іоанномъ, міру цѣлому нé вмѣстити пишемыхъ книгъ. Оле! раззоренія благочестія, оле! попранія святыни Господней, оле же запустѣнія на мѣстѣ святѣ, прореченнаго Даніиломъ пророкомъ [1]».

---

[1] *Сказаніе вкратцѣ о послѣднихъ губительныхъ времянахъ крайняго антихриста* — въ сборникѣ XVIII ст., въ которомъ помѣщены и другія раскольническія сочиненія. Изъ дѣлъ Преображенскаго приказа видно, что на Керженцѣ и между кержаками, переселившимися въ Пермскую губернію и Сибирь были такія рѣчи: «Петръ Шведъ обмѣнный, потому догадывайся, дѣлаетъ Богу противно: противъ солнца крестятъ и сватьбы вѣнчаютъ, и образа пишутъ съ шведскихъ персонъ, и посту не можетъ воздержать, и платье возлюбилъ шведское, и со Шведами пьетъ и ѣстъ, и изъ ихъ королевства не выходитъ, а паче того догадывайся, что онъ извелъ русскую царицу, и отъ себя сослалъ въ ссылку въ монастырь, чтобъ съ ней царевичевъ не было, и царевича Алексѣя Петровича извелъ: своими руками убилъ для того чтобъ ему, царевичу, не царствовать, и взялъ за себя Шведку, царицу Екатерину Алексѣевну, и та царица дѣтей не родитъ, и онъ (Петръ I) сдѣлалъ указъ, чтобы за предбудущаго государя крестъ цѣловать—и то крестъ цѣлуетъ за Шведа; одноконечно станетъ царствовать Шведъ, родственникъ царицы Екатерины Алексѣевны или братъ; и великій князь Петръ Алексѣевичъ (Петръ II) родился отъ Шведки—мѣрою въ аршинъ съ четвертью, съ зубами—не простъ человѣкъ: онъ антихристъ... а онъ (Петръ I) съ царицею Екатериною Алексѣевною сжился прежде вѣнца»... (Г. В. Есиповъ *Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія*, II, 41, 46, 47.) Когда царствовала Елисавета Петровна, при которой раскольниковъ преслѣдовали, они говорили, что она не прямая царица... а что настоящій законный

Подъ вліяніемъ подобныхъ толковъ образовалось въ раскольникахъ убѣжденіе, что антихристъ, ожидаемый ими въ 1699 году, ни кто другой, какъ Петръ I. Явились грамотѣи, прилежно занявшіеся составленіемъ выписокъ объ антихристѣ изъ разныхъ церковныхъ книгъ, съ примѣненіями ихъ къ личности Петра I. Тотчасъ по возвращеніи его изъза границы такими выписками, между прочими, занялся перепищикъ книгъ, Григорій Талицкій [1].

царь есть—Иванъ Антоновичъ, отрасль благочестиваго царя Ивана Алексѣевича, за котораго стрѣльцы стояли и головы свои за него сложили, по той причинѣ, что царь Иванъ Алексѣевичъ будто бы былъ старообрядецъ. За такія разглашенія трое керженскихъ келейныхъ жителей въ 1741 году биты кнутомъ съ вырваніемъ ноздрей и сосланы въ Нерчинскъ на горные заводы.

[1] Выписка изъ дѣла о Григоріи Талицкомъ, представленная въ 1750 году императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, напечатана Г. В. Есиповымъ (*Раскольническія дѣла XVIII столѣтія*, I, 59,—86). Его пытали на Красной площади передъ народомъ. Желябужскій говоритъ: «въ томъ же году (1701) мученъ разными пытками на Красной площади вѣдомый воръ Гришка Талицкой въ великомъ государственномъ дѣлѣ, и сожженъ; и многіе всякихъ чиновъ люди и отъ приходовъ изъ монастырей дьячки ловлены и пытаны; и розыски были великіе». (Сахарова: *Записки русскихъ людей. Записки Желябужскаго*, стр. 86.) Епископъ Игнатій Тамбовскій за сношенія съ Талицкимъ, по лишеніи сана, сосланъ въ Соловки; епархія тамбовская уничтожена; три попа, одинъ пономарь и одинъ иконникъ казнены вмѣстѣ съ Талицкимъ; девять человѣкъ бито кнутомъ и сослано въ Сибирь; жену Талицкаго, двухъ попадей и жену иконника сослали въ Сибирь. Талицкій намѣревался свое сочиненіе выпустить въ видѣ прокламаціи и для того иконникъ

Писанія его одобрялись не только священниками, но даже однимъ архіереемъ — тамбовскимъ Игнатіемъ. Подражателей Талицкому было много; не мало было ихъ и на Керженцѣ, и по Волгѣ. Фанатики гибли на кострахъ и плахахъ, умирали съ радостью, утѣшая себя мыслію, что гибнутъ отъ руки самого антихриста и потому несомнѣнно будутъ удостоены царства небеснаго. По мѣстамъ являлись люди, называвшіе себя кто Енохомъ, кто Иліей пророкомъ, пришедшими для обличенія антихриста. Въ 1701 году опять явились «гробополагатели» и, лежа въ саванахъ, опять отпѣвали себя, опять тоскливо пѣли:

Древянъ гробъ, сосновый,
Ради мене строенъ.
Въ немъ буду лежати,
Трубна гласа ждати....

вырѣзывалъ его на деревѣ. Кажется, Григорій Талицкій былъ родомъ изъ Талицъ, отчего и прозывался Талицкимъ. Талицы Большія и Талицы Малыя двѣ смежныя, составляющія одну населенную мѣстность деревни, Макарьевскаго уѣзда Костромской губерніи, на границѣ Семеновскаго уѣзда Нижегородской губерніи, близь рѣки Узолы и извѣстнаго по своей торговлѣ удѣльнаго села Ковернина. Населеніе Талицъ сплошь раскольническое. Верстахъ въ пятнадцати отъ Талицъ начинались керженскіе и чернораменскіе скиты. Раскольники въ Талицахъ самые закоренѣлые. Въ окрестностяхъ жители, желая сказать о комъ-нибудь, что онъ упорный раскольникъ, говорятъ: «да онъ, что твой Талицкой». Мысль, что Петръ I—антихристъ до сихъ поръ держится въ Талицахъ, и сохранилось преданіе, что кого-то изъ ихъ деревни антихристъ-Петръ мучилъ: на Москвѣ живьемъ жегъ.

По городамъ толковали и Талицкій писалъ, какъ Петръ пойдетъ на войну, начинавшуюся тогда со Шведами, то бы разосланнымъ стрѣльцамъ собраться въ Москву и посадить царевича Алексѣя Петровича на царство, а если и онъ въ жидовство пошелъ и Нѣмцемъ во всемъ учинился, то выбрать царя православнаго. Указывали даже на кандидата въ цари, на престарѣлаго и богатаго князя Михаила Алегуковича Черкасскаго, которому и Петръ не посмѣлъ обрить бороды. Петръ приказалъ Стефану Яворскому написать книгу *«О знаменіяхъ пришествія антихристова»*, чтобы народъ, читая ее, не вѣрилъ раскольническимъ разглашеніямъ, а раскольниковъ объявилъ «лютыми непріятелми, государству и государю непрестанно зло мыслящими.» Особенное вниманіе обратилъ онъ на Керженскіе лѣса, которые Св. Дмитрій Ростовскій назвалъ Брынскими.[1] Тамъ было 77 скитовъ и въ нихъ болѣе семи сотъ монаховъ и слишкомъ 1800 монахинь, деревенскій же народъ поголовно былъ въ расколѣ. Тамъ писались выписки и слагались розказни о Петрѣ-антихристѣ; тамъ бывали раскольническіе соборы; тамъ принимались бѣглые отъ церкви попы и разсылались по Россіи.

Въ 1706 году жившій самъ прежде въ кельяхъ на Керженцѣ и находившійся долгое время въ рас-

---

[1] Дѣйствительно — *Рымскіе*. Такъ называются сопредѣльные съ Керженскими лѣса въ Макарьевскомъ Уѣздѣ Костромской Губерніи по селеніямъ Большія и Малыя Рымы, на рѣкѣ Черный Лухъ, впадающей въ Унжу.

колѣ, игуменъ Переславскаго Никольскаго монастыря, Питиримъ, посланъ былъ раздраженнымъ Петромъ на Керженецъ для истребленія раскола. Этотъ Питиримъ своими «равноапостольскими»[1], по выраженію Петра, подвигами почти въ конецъ раззорилъ скиты керженскіе и чернораменскіе. Изъ раззоренныхъ имъ скитовъ старообрядцы бросились за рубежъ, на Вѣтку. Питиримъ и до Вѣтки сталъ добираться. Ровно за двадцать лѣтъ до «вѣтковской выгонки», въ 1715 году, предлагалъ онъ Петру раззорить раскольничьи селенія за рубежомъ, а особенно церковь на Вѣткѣ, говоря что «велія будетъ въ томъ польза, понеже бѣжать будетъ некуда.»[2] На раззореніе Вѣтки, находившейся въ чужихъ владѣніяхъ, Петръ, какъ видно, не рѣшился, хоть во время розысковъ надъ несчастнымъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ и посылалъ зачѣмъ-то на Вѣтку рекомендованнаго ему Питиримомъ Юрьевца Поволжскаго Успенскаго монастыря монаха Авраамія[3]. Результаты Авраамiевой

[1] Собственноручная резолюція Петра I на донесеніи отъ Питирима 8 марта 1715 года: находится вмѣстѣ съ другими письмами Петра къ Питириму въ Нижегородской духовной консисторіи.

[2] Г. В. Есипова *Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія*, II, 220.

[3] Въ Нижегородской духовной консисторіи въ книгу: *Переписка Петра I съ Питиримомъ* переплетены: а) пасъ, данный Авраамію 10 марта 1718 года въ Москвѣ за собственноручнымъ подписомъ Петра (во время розыска о царевичѣ никому не давалось паспортовъ и подорожныхъ иначе какъ съ личнаго дозволенія царя и за его подписомъ), и б) подорожная на двѣ лошади, данная Авраамію

поѣздки остались намъ неизвѣстны. Вѣтка между тѣмъ благоденствовала. Паденіе Керженца, ослабленнаго Θеодосіевою церковью, внутренними раздорами и безпощадными преслѣдованіями Питирима, придало еще болѣе блеску и значенія Вѣткѣ. У нея не стало соперника. Въ безопасности своей тамошніе жители были вполнѣ увѣрены. Они платили хорошій чиншъ пану Халецкому, и Халецкій стоялъ за нихъ горою. «У Петра рука долга, а сюда не хватитъ,» говорили самодовольные Вѣтковцы. «И наста (на Вѣткѣ) тихое житіе и лѣта изобильна».[1]

Вѣтковцы не довольствовались такимъ, сравнительно съ остававшимися въ Россіи ихъ одновѣрцами, счастливымъ положеніемъ. Они хотѣли большаго блеска, большей славы въ средѣ старообрядцевъ бóльшаго вліянія на нихъ своей Вѣтки. Они хотѣли сдѣлать ее дѣйствительною митрополіей всѣхъ ревнителей стараго обряда, гдѣ бы они ни жили. Мысль, что только та церковь истинна, въ которой сохраняются всѣ три чина духовной іерархіи, мысль, что должно имѣть самостоятельную церковь со святителями, а не «обкрадывать церковь великороссійскую», занимала почти всѣхъ вліятельныхъ людей на Вѣткѣ. Отчасти побуждала Вѣтков-

---

12 марта 1718 за подписомъ графа Ивана Мусина.-Пушкина. Въ этой подорожной сказано: «отъ Москвы до Калуги, и до Брянска, и до Стародуба, и до польскаго рубежа... Отпущенъ онъ по Его Великаго Государя имянному указу, *по желанію его,* въ Польшу.»

[1] Іона Курносый.

цевъ искать архіерея и увеличивающаяся подлѣ нихъ съ каждымъ годомъ сила Стародубья.

Съ 1715 года началось у старообрядцевъ дѣятельное *исканіе архіерея*. Дѣло, какъ сейчасъ сказано, было начато за рубежомъ. Въ Россіи не всѣ старообрядцы поповщинскаго толка были согласны на исканіе архіерейства, Въ Стародубьѣ нашлось много діаконовцевъ, сочувствовавшихъ вѣтковскому предпріятію, а также въ общинахъ Московской, Тверской, Новоторжской, Ржевской, но Керженецъ еще не павшій въ то время отъ руки Питирима, и старообрядцы, ушедшіе съ Керженца на Демидовскіе уральскіе заводы[1], а также жившіе въ Казани и по Волгѣ были несогласны на пріемъ архіерея. Не знаемъ, какъ была принята эта мысль на Дону, гдѣ все казачество находилось въ расколѣ. Такимъ образомъ, на востокѣ, вдали отъ зарубежной церкви, оказалось среди отарообрядцевъ несогласіе на исканіе епископа, но чѣмъ ближе жили старообрядцы къ литовскому рубежу, тѣмъ болѣе замѣчалось сочувствія къ этому предпріятію. Впрочемъ и здѣсь многіе блазнились, говоря: «какъ же мы отъ обливанцевъ епископа пріимемъ? Не будетъ ли сія послѣдняя вещь горше первыя? Не будетъ ли та-

---

[1] Демидовъ, получивъ отъ Петра I земли на Уралѣ сзывалъ туда посельниковъ изъ другихъ мѣстъ. Съ Керженца много пришло туда раскольниковъ. Оттого въ Пермской губерніи и до сихъ поръ всѣхъ раскольниковъ зовутъ *кержаками*, даже слова «содержать расколъ», «раскольничать» замѣняютъ словомъ «*кержачить*».

кое дѣло еретичествомъ, паче самаго никоніанства?» Вѣтковскіе старшины, предвидя, какія огромныя выгоды будетъ получать ихъ слобода, если въ ней поселится старообрядческій епископъ, сколько денегъ перевезется на Вѣтку изъ разныхъ концовъ Россіи, сначала и думать не хотѣли объ обливанствѣ, опасенія строгихъ ревнителей называя блажью. Къ тому же, живя въ Бѣлоруссіи и видя, что тамошніе православные священники не поливаютъ, а погружаютъ въ три погруженія, не очень то и довѣряли они тому, что у Грековъ содержится обливательное крещеніе. Тѣмъ не менѣе рѣшились искать архіерейства, не у Грековъ. а въ Яссахъ, у молдовлахійскаго митрополита: онъ былъ поближе, и притомъ поселившіяся въ Бессарабіи и Молдовлахіи русскіе выходцы, старообрядцы, съ клятвою увѣряли, что въ тамошнихъ мѣстахъ у православныхъ о поливательномъ крещеніи и слуху нѣтъ, а водится оно только у подвластныхъ римскому костелу уніатовъ.

По предварительному соглашенію съ Вѣткой, жившіе въ Молдавіи старообрядцы вошли въ сношеніе съ тамошнимъ митрополитомъ Антоніемъ, обѣщавъ ему за поставленіе епископа построить для него въ Яссахъ каменную церковь. Они «удобоприступна себѣ ясскаго митрополита Антонія обрѣтоша», говоритъ Иванъ Алексѣевъ въ своей *Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ,* къ нему же тамо живущіе старовѣрцы свободный входъ въ разговоръ имуще, чрезъ многа, тѣмъ и дерзновенно просиша его, да посвятитъ имъ отъ нихъ человѣка во епископа. Онъ

же на се соизволи и повелѣ подати доношеніе, кое поданное явѣ сотворено бысть господарю и совѣтникомъ его » Господарь-фанаріотъ былъ не прочь: и онъ, и Антоній едва ли хорошо знали, что такое русскій расколъ и въ чемъ состоитъ раздѣленіе русской церкви. «И вси радостно соизволяху на то», прибавляетъ Иванъ Алексѣевъ. Это было въ 1730 году.

Молдавскіе раскольники не замедлили сообщить своимъ вѣтковскимъ одновѣрцамъ объ успѣхѣ дѣла. Немедленно черный попъ Власій, игуменъ Вѣтковскаго монастыря, собралъ соборъ изъ духовныхъ и мірскихъ; на соборѣ были и выборные изъ стародубскихъ слободъ діаконовскаго толка. Избрали кандидата и вмѣстѣ съ выборными людьми, какъ вѣтковскими, такъ и стародубскими, въ 1731 году отправили его въ Яссы. Здѣсь явились они и господарю Михаилу [1] и митрополиту Антонію, тому и другому, поднесли грамоты отъ Власія и отъ всего собора. Дѣло совсѣмъ было уладилось, но, на бѣду старообрядцевъ, нежданно-негаданно пріѣхалъ въ Яссы константинопольскій патріархъ, въ зависимости котораго были и молдавская митрополія, и Западная Русь, гдѣ находилась Вѣтка. Антоній доложилъ патріарху объ искательствѣ старообрядцевъ. Патріархъ пожелалъ видѣться съ ними и лично переговорить. Старообрядцы представились патріарху;

[1] Съ 1716 по 1727 годъ былъ господаремъ Михаилъ Раковица I, а съ 1727 по 1733 Григорій Гика, оба фанаріоты. Очевидно, старообрядческіе писатели путаются въ хронологіи. Вѣроятно, ихъ попытки были ранѣе 1727 года.

подали и ему прошеніе. Фанаріотъ обошелся съ ними ласково, привѣтливо, ибо люди они были богатые, митрополиту дорогую каменную церковь вызывались построить. Много говорить съ старообрядцами патріархъ не могъ: онъ не зналъ по-русски, они по-гречески, однакожь передалъ имъ черезъ переводчика, что объ ихъ дѣлѣ онъ, по возвращеніи въ Царьградъ, посовѣтуется съ другими вселенскими патріархами и пришлетъ отвѣтъ въ Яссы. Черезъ нѣсколько времени обѣщанный отвѣтъ дѣйствителыно былъ полученъ Антоніемъ. Это были двѣнадцать пунктовъ, принятіе которыхъ кандидатомъ во епископа патріархи вселенскіе поставляли непремѣннымъ условіемъ. Тутъ произошелъ совершенно неожиданный для старообрядцевъ оборотъ дѣла, такъ хорошо было пошедшаго. Вѣтковцы съ стародубскими діаконовцами хотя и заодно пріѣхали и объ одномъ хлопотали, однакоже, не имѣя между собою общенія «ни въ ястіи, ни въ питіи, а тѣмъ паче въ рѣчей согласованіи», дѣйствовали каждая сторона особо. Когда въ Яссахъ получены были патріаршіе пункты, написанные, разумѣется, по-гречески, Вѣтковцы, отдѣльно отъ Стародублянъ, пришли къ митрополиту. Онъ показалъ имъ пункты. Вѣттовцы просили перевода ихъ на русскій языкъ, и Антоній исполнилъ ихъ просьбу. Получивъ переводъ, Вѣтковцы не сказали о томъ Стародублянамъ. Эти, въ свою очередь, пошли къ митрополиту узнать нѣтъ ли какого отвѣта изъ Царьграда. Антоній усумнился, но показалъ и имъ патріаршіе пункты. Когда же стародубскіе старооб-

рядцы также попросили перевода, митрополитъ разсердился и «возмнѣ шпирство нѣкое отъ нихъ быти, яростно ихъ отсла отъ себе.» [1] Двѣнадцать пунктовъ или статей, о которыхъ упоминаетъ Иванъ Алексѣевъ при разказѣ объ этомъ происшествіи, составляли именно то исповѣданіе вѣры, которое, по церковному уставу, всякій новопосвящаемый архіерей долженъ передъ хиротоніей прочитать въ слухъ всѣхъ предстоящихъ въ церкви, въ отвѣтъ на вопросъ старшаго изъ посвящающихъ: «како вѣруеши?»[2] Прочитать вѣтковскому кандидату символъ и правила по-своему—значило бы не получить хиротоніи; читать противное убѣжденію не дозволяла совѣсть и было зазорно отъ своихъ и отъ чужихъ. Вообще страннымъ представляется поступокъ митрополита, какъ о немъ разказываетъ Иванъ Алексѣевъ, изъ сочиненія котораго преимущественно заимствовали мы разказъ о посольствѣ старообрядцевъ въ Яссы 1731 года. Сначала соглашаются на предложеніе и господарь, и митрополитъ, и даже патріархъ, а потомъ вдругъ отказъ изъ-за самой пустой причины, изъ-за того что старообрядцы во второй разъ попросили перевода. Скорѣй можно было бы предположить, что Антоній,

---

[1] Иванъ Алексѣевъ: *Исторія о бѣгствующемъ священствѣ* въ *Лѣтоп. русск. ист. и древ.* IV, смѣсь, стр. 64.

[2] Иванъ Алексѣевъ: *Исторія о бѣгствующемъ священствѣ* стр. 64: «пункты же оные присланные 12, бяху въ таковомъ разумѣ, да хотяй ставитися, исповѣданіе дастъ новотворные догматы хранити и въ нихъ спасеніе вѣровати и прочихъ сему научати.»

узнавъ точнѣе въ чемъ состоитъ расколъ, образовавшійся въ великороссійской церкви, не захотѣлъ имѣть дѣла съ его послѣдователями и посвящать для нихъ епископа. Но въ такомъ случаѣ, какъ же онъ послѣ того хотѣлъ было посвятить Варлаама Казанскаго, зная также, что онъ раскольникъ. Не тянулъ ли онъ дѣло нарочно подольше, чтобы получить отъ пріѣхавшихъ за архіерействомъ больше денегъ, и когда получилъ ихъ достаточное количество, прогналъ отъ себя старообрядцевъ, придравшись къ ничтожному предлогу. Подобный поступокъ былъ совершенно въ нравахъ тогдашней румынской церкви и фанаріотовъ, которыхъ присылали туда изъ Царьграда на митрополичьи и епископскія каѳедры

Пока Вѣтковцы и Стародубцы хлопотали въ Яссахъ, у поморскихъ безпоповцевъ также возникло желаніе получить епископа изъ-за границы. И ихъ, видно, тяготила мысль, что церковь ихъ не организована сообразно каноническимъ правиламъ и остается безъ пастырей и святителей. Избравъ изъ своей среды благочестиваго и набожнаго старика Якова Сидорова, большаго начетчика и искуснаго въ догматствованіи, они снарядили его въ заграничное путешествіе и дали значительную сумму денегъ для полученія хиротоніи. По приговору ихъ, Сидоровъ долженъ былъ ѣхать не въ Грецію и не въ Молдавію, а къ автокеѳальному патріарху Сербіи, независимому отъ патріарха цареградскаго. Не знаемъ объ обстоятельствахъ поѣздки Сидорова, но она почему-то также не увѣнчалась успѣхомъ.

Тогда и поповщина и безпоповщина, испытавъ, каждая въ свою очередь, по неудачѣ, рѣшились дѣйствовать собща. Соглашеніе происходило въ Стародубьѣ. Послали на востокъ трехъ выборныхъ: одного изъ вѣтковской поповщины, другаго отъ стародубской дьяконовщины, третьяго отъ безпоповцевъ поморскаго согласія. Соглашеніе было истиннымъ праздникомъ для старообрядцевъ. Видя то-и-дѣло вновь возникающіе изъ-за обряда толки и разгласія, видя, что старообрядство болѣе и болѣе распадается на секты, изъ которыхъ одна ненавидитъ другую, они думали, что наконецъ-то настанетъ теперь полное согласіе между всѣми ревнителями стараго обряда, и «будетъ едино стадо и единъ пастырь.» Не терпя прежде другъ друга какъ еретиковъ, они вошли теперь въ общеніе, и въ умиленіи душевномъ пѣли за общею трапезой: «се что добро и что красно, но еже жити братіи вкупѣ.» Не понравились однако такое сближеніе и такіе замыслы безпоповцамъ ни въ Поморьѣ, ни въ Москвѣ, ни на Керженцѣ... Но кого, изъ которой партіи избрать человѣка, который бы сдѣлался у всѣхъ епископомъ и первостоятелемъ церкви? Рѣшеніе этого вопроса, каково бы оно ни было, непремѣнно перессорило бы соединившіяся секты? Отвращая это и зная притомъ уже по опыту, что трудно, даже невозможно получить за границей хиротонію для раскольника, какого бы толка онъ ни былъ, собравшіеся на соборъ въ Стародубьѣ рѣшились на то, что удалось потомкамъ ихъ лишь въ 1846 г. Они приговорили стараться склонить къ себѣ какого-либо безудѣльнаго епи-

скопа, какихъ на Востокѣ много и теперь, много было и тогда. И такого епископа, «исправивъ», признать за святителя всѣхъ старообрядцевъ. Главнымъ руководителемъ этого дѣла былъ поморецъ Михаилъ Ивановичъ Витатинъ, одинъ изъ самыхъ вліятельнѣйшихъ людей своего времени, пользовавшійся самымъ высокимъ уваженіемъ не только отъ единомысленныхъ съ нимъ поморцевъ, но и отъ старообрядцевъ прочихъ согласій. Это былъ одинъ изъ самыхъ ученѣйшихъ людей, какіе только были въ расколѣ съ самаго начала его. Много онъ странствовалъ и по Россіи и въ чужихъ краяхъ, много видѣлъ, много зналъ и обладалъ необыкновеннымъ даромъ привлекать и искренно привязывать къ себѣ людей, какихъ бы религіозныхъ убѣжденій они ни были. Но и эта попытка не удалась. Долго странствовали соединенные отъ разныхъ согласій посланцы и нигдѣ не успѣли. Витатинъ умеръ въ 1732 году, 65 лѣтъ отъ роду въ галицкомъ городѣ Кутахъ, въ небольшомъ раскольническомъ монастырѣ, не задолго передъ тѣмъ построенномъ на тогдашней польско-молдавской границѣ.[1] Спутники его воротились безъ всякаго успѣха.

---

[1] Куты или Кутъ на галицкомъ берегу рѣки Черемоша, текущаго въ Прутъ и составляющаго границу Галиціи съ Буковиной, а въ XVIII ст. границу королевства Польскаго съ Молдавіей. Противъ Кута, на буковинской сторонѣ Черемоша, городъ Вишница. Это не подалеку отъ знаменитой нынѣ Бѣлой Криницы, тогда еще не существовавшей. Въ Кутахъ остались ученики Витатина, ѣздившіе съ нимъ. Вѣтковцы и Стародубцы воротились по смерти своего предводителя домой, а поморцы такъ

Вѣтковцы послали новое посольство, не дожидаясь результатовъ поѣздки Витатина. Хотѣлось имъ какъ можно поскорѣе обзавестись архіереемъ. Инициатива новаго предпріятія принадлежала попу Василію Кондратьевичу Казанскому, незадолго передъ тѣмъ перешедшему литовскій рубежъ.[1] Это былъ чрезвычайно энергическій человѣкъ, гордый, не уживчивый, сварливый, но обладавшій большими свѣдѣніями въ писаніи и необыкновеннымъ даромъ убѣжденія. Бѣжавъ отъ великороссійской церкви, долго онъ священнодѣйствовалъ у старообрядцевъ въ Казани и былъ главою поволжскаго раскола. Оттого и прозвали его Казанскимъ. Онъ не давалъ много воли мірскимъ людямъ, которые по своему богатству и вліянію на народъ давно господствовали во всѣхъ поповщинскихъ общинахъ и управляли дѣлами секты. Василій Кондратьевичъ, по ссорѣ съ «мірскими правителями», оставилъ Казань, предавъ проклятію своихъ недоброхотовъ, и

любили Витатина, что не хотѣли разстаться съ его могилой. Въ послѣдствіи съ ними видѣлся безпоповщинскій писатель Алексѣевъ, авторъ сочиненія: *Тайна брака*. (См. *Описаніе сочиненій писанныхъ раскольниками*, сочиненіе Александра Б., изданіе Д. Е. Кожанчикова, 1, 269.) Но здѣсь г. Александръ Б. смѣшалъ двухъ Ивановъ Алексѣевыхъ: автора *Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ* и автора *Тайны брака*, принявъ два разныя лица за одно. Такая же ошибка перешла въ Энциклопедическій словарь въ статью г. Аристова: «Алексѣевъ». Павелъ Любопытный въ своемъ *Историческомъ словарѣ Старовѣрческой церкви* увѣряетъ, что Витатинъ умеръ въ Палестинѣ. См. *Чтенія Имп. Моск. Общ. Ист. и Древ.* 1863 № 1 стр. 157.

[1] Онъ былъ рукоположенъ Астраханскимъ архіереемъ.

ушелъ на Керженецъ. Онъ былъ еще не старый человѣкъ, и на Керженцѣ о немъ сомнѣвались, не посвященъ ли онъ епископомъ малороссійскимъ, обливанцемъ, хотя въ дѣйствительности рукоположенъ онъ былъ митрополитомъ казанскимъ, Тихономъ, уроженцемъ Нижняго Новгорода, стало-быть ни въ какомъ случаѣ не обливанцемъ.[1] Разссорясь съ жителями Керженца и Чернораменья, Василій Казанскій уѣхалъ на Демидовскіе заводы, на Уралъ, но и тутъ, по тѣснымъ, постояннымъ связямъ тамошнихъ жителей съ Керженцомъ, былъ заподозрѣнъ въ полученіи своего сана отъ архіерея-обливанца. Тогда проклявъ и керженскихъ, и заводскихъ старообрядцевъ, поѣхалъ онъ за литовскій рубежъ. На Вѣткѣ, какъ уже замѣчено, не очень вѣрили обливанству, по крайней мѣрѣ была тамъ сильная партія, не вѣрившая въ обливанство Малороссіянъ и Бѣлоруссовъ. Василій Казанскій сошелся съ ними и очаровалъ ихъ своимъ умомъ, званіемъ Св. писанія и учительскими дарованіями. Въ то время сама Москва, въ которой еще и въ заводѣ не было Рогожскаго кладбища, когда на мѣстѣ его еще хоронили тѣла запытанныхъ въ Преображенскомъ раскольниковъ, сама Москва (то-есть московскіе старообрядцы) просила Вѣтку прислать въ нее священника, мужа учительнаго и истиннаго пастыря душъ человѣческихъ. Вѣтка послала Василья. Онъ былъ въ Москвѣ, ѣздилъ и по другимъ городамъ и волостямъ «дондеже наполни чпагъ

[1] По другимъ, онъ посвященъ астраханскимъ архіереемъ, Лаврентіемъ Горкой, Малороссіяниномъ.

серебромъ и златомъ». [1] Возвратясь на Вѣтку съ большими деньгами, попъ Василій Казанскій постригся въ монахи и былъ нареченъ Варлаамомъ. Возвратился онъ на Вѣтку въ то самое время, когда тамъ кипѣло дѣло объ исканіи архіерейства. Василій Казанскій, или теперь уже Варлаамъ, присталъ къ сторонѣ нетерпѣливо желавшей имѣть, какъ можно скорѣе, архіерея. Такъ учительно и такъ красно говорилъ онъ о необходимости имѣть епископскій чинъ, такія выказалъ при этомъ способности на соборѣ вѣтковскомъ, что всѣ, даже и не согласные до тѣхъ поръ на новое посольство въ восточныя страны, не дождавшись результатовъ поѣздки Витатина, убѣдились словами Варлаама. Единогласно рѣшили Вѣтковцы послать въ Яссы къ митрополиту Антонію кого-либо изъ своихъ, чтобы посвятилъ его въ епископы. Зашла рѣчь о томъ, кого послать, кого епископомъ имѣть. «Ты, отецъ Варлаамъ, поѣзжай,» заговорили всѣ въ одинъ голосъ. А онъ тому и радъ: давно желалъ архіерейства.

Варлаамъ поѣхалъ въ Яссы съ своими собственными и вѣтковскими деньгами. Видно, на деньги онъ уже очень надѣялся; не хотѣлъ смирить своего нрава и передъ митрополитомъ, говорилъ съ нимъ свысока, пускался въ многоглаголаніе, желая учить его, вообще велъ себя «съ бойствомъ и велерѣчіемъ,» какъ выражается Іона Курносый. Митрополитъ принялъ однако прошеніе Варлаама, принялъ и «подарунки,» то-есть подарки, конечно

[1] Іона Курносый.

не дешевые, былъ привѣтливъ и любезенъ съ грубымъ, высокомѣрнымъ, но щедрымъ и богатымъ просителемъ, и сказалъ ему: «Будь готовъ къ посвященію.» Варлаамъ сталъ готовиться. Осуществлялось давнишнее, усердное желаніе старообрядцевъ, исполнялось горячее желаніе властолюбиваго Варлаама. День хиротоніи былъ назначенъ. Наканунѣ призываетъ его митрополитъ и бесѣдуетъ съ нимъ наединѣ.

— Знаю, что ты изъ раскольниковъ, говоритъ Антоній. — Но когда я посвящу тебя во епископы, какъ ты будешь меня разумѣть? Благочестивъ я, или нѣтъ?

Варлаамъ помолчалъ и уклончиво отвѣчалъ митрополиту:

— Твое благочестіе съ тобой пребудетъ, а я въ чемъ стою, то со мной.

Антоній понялъ въ чемъ дѣло, и оскорбился. Слово за слово, и закричалъ раздражительный Грекъ:

— Такъ ты меня благочестивымъ не хочешь не только разумѣть, но даже назвать! Фельдшера сюда!

Фельдшеръ явился по зову, и митрополитъ, указывая на Варлаама, сказалъ:

— Обрѣй этому раскольнику и еретику бороду и волосы. А потомъ въ рудники его, въ шахты, въ оковы, пусть, скованный, руду копаетъ.

И обрилъ фельдшеръ въ митрополичьихъ покояхъ честну́ю браду Варлаама Казанскаго, и попалъ будущій вѣтковскій архіерей въ тюрьму. Посланные съ нимъ изъ Вѣтки, видя такой неожиданный оборотъ дѣла, перетрусили и не знали что

дѣлать и какъ быть. А надо же чѣмъ-нибудь пособить обритому кандидату во епископы. Стали ходить съ подарками къ ясскимъ властямъ, стали ихъ улещать и просить, чтобы заступились за Варлаама, походатайствовали бы за него у грознаго митрополита. И едва умоленъ былъ Антоній: не послалъ Варлаама въ рудники. Избавившись отъ бѣды, онъ съ товарищами и съ пустымъ чпагомъ наскоро ускакалъ изъ Молдавіи, пожилъ гдѣ-то въ укромномъ мѣстѣ, и когда отросла борода, пріѣхалъ въ Вѣтку. Тамъ, передъ соборомъ духовныхъ и мірскихъ, Варлаамъ и съ нимъ бывшіе разказали все, что̀ происходило въ Яссахъ. И не похвалили Вѣтковцы Варлаама за то, что такъ отвѣчалъ митрополиту: «Ты все дѣло испортилъ,» сказали они. [1]

Выбрали другаго кандидата и послáли въ Яссы. Видя однако по двумъ непріятнымъ опытамъ, что дѣлу ихъ отъ того больше успѣха нѣтъ, что ясскій митрополитъ затрудняется посвятить раскольника, Вѣтковцы повелѣли вновь посланному исполнять всѣ обряды, не принятые старообрядцами, и называть себя принадлежащимъ къ великороссійской церкви, только бы получить желаемое архіерейство.

«Послѣ исправу примешь и проклянешь ереси,» говорили они на соборѣ смутившемуся кандидату.

Онъ затруднялся: человѣкъ былъ совѣстливый, какъ и оба его предшественника.

«Хоть присягу прими, говорили ему Вѣтковцы, —

[1] Іона Курносый. Слова Антонія и Варлаама приведены буквально.

а не дѣлай такъ, какъ Варлаамъ: грѣхъ твой на всю церковь беремъ.

И отправились въ Яссы.

Но въ это самое время по старообрядческимъ общинамъ вдругъ усилились толки о поливательномъ крещеніи у Грековъ и вообще въ заграничныхъ православныхъ церквахъ. Причиною того была изданная Θеофаномъ Прокоповичемъ книга: *Истинное оправданіе правовѣрныхъ христіянъ крещеніемъ поливательнымъ во Христа крещаемыхъ*. Она возбудила сильные толки. Стало-быть справедливо, заговорили старообрядцы, даже и на Вѣткѣ, что въ Малороссіи и въ Грекахъ есть поливательное крещеніе, когда Θеофанъ, самъ сущій поливанецъ, защищаетъ и похваляетъ таковое, святыми отцами не преданное, крещеніе. Много было отъ этой книги Прокоповича соблазна для православныхъ, еще болѣе для раскольниковъ. Посланный Вѣтковцами новый кандидатъ въ епископы, прибывъ на мѣсто, сталъ прежде всего розыскивать какъ крестятъ въ Молдавіи, у Грековъ: въ три погруженія или поливательно? откуда родомъ Антоній и какъ онъ крещенъ? Вѣрно или не вѣрно, сказали ему, что ясскій митрополитъ крещенъ поливательно. Не желая получить хиротоніи отъ обливанца, посланный воротился на Вѣтку и сказалъ отчего онъ много не хлопоталъ о хиротоніи. Не понравилось и это на Вѣткѣ, гдѣ всѣмъ, и мірскимъ и духовнымъ, очень хотѣлось хоть какого-нибудь да своего архіерея. «Они слышавши; прискорбни бѣша», говоритъ Іона Курносый.

Глава IV.

Епископъ Епифаній.

Пока Стародубье и Вѣтка, не жалѣя ни денегъ, ни трудовъ, хлопотали въ Яссахъ объ епископѣ, великороссійскіе старообрядцы нашли себѣ архіерея въ самой Москвѣ.

Въ концѣ 1731 года между московскими старообрядцами разнесся неясный, въ началѣ, слухъ, что при синодальной конторѣ содержится подъ арестомъ одинъ колодникъ, привезенный изъ Кіева, что хотятъ его послать куда-то далеко въ заточеніе и что этотъ загадочный колодникъ — чуть ли не архіерей. Въ то время подобный слухъ не могъ показаться невѣроятнымъ: по вліянію Прокоповича, не задолго до того, одинъ епископъ (Левъ Воронежскій) сѣченъ былъ кнутомъ, а четверо (Игнатій Коломенскій, Георгій Ростовскій, Варлаамъ Кіевскій, Сильвестръ Казанскій) были лишены сана. Стали старообрядцы разузнавать, какой это архіерей, и за что онъ посаженъ. Начали они ходить въ синодальную контору и покупать у сторожей свиданія съ таинственнымъ лицомъ. Видятъ: сидитъ

старецъ въ оковахъ, небольшаго роста, приземистый, толстый; съ блѣднымъ, широкимъ лицомъ, съ сѣрыми глазами, съ большою черною бородой и съ черными, съ просѣдью, волосами.[1]

— Кто ты такой? спрашивали старообрядцы у колодника.

— Смиренный епископъ Епифаній, отвѣчалъ онъ.

— За что же тебя посадили за приставы?

— За то, что въ Яссахъ, въ чужомъ государствѣ, посвящался.

— Какъ твое дѣло?

— Ссылаютъ въ Соловецкій монастырь подъ смиреніе.[2]

Это дѣйствительно былъ епископъ Епифаній, посвященный предмѣстникомъ уже извѣстнаго намъ Антонія, ясскимъ митрополитомъ Георгіемъ. Вотъ похожденія этого человѣка, чрезвычайно замѣчательнаго по превратности судьбы. Онъ былъ Малороссіянинъ, родился въ Кіевѣ около 1685 года, учился въ школѣ при кіевскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, поступилъ въ число монашествующей братіи Кіево-Печерской лавры и былъ нареченъ Епифаніемъ. По отцѣ звали его Яковлевичъ. Черезъ нѣсколько времени Епифаній былъ посвященъ въ іеромонахи. Кіевскій архіепископъ Варлаамъ Ванатовичъ былъ къ нему благосклоненъ,

---

[1] Такъ примѣты его описаны въ указѣ Св. Синода 30 марта 1733 года.

[2] Іона Курносый. Разговоръ здѣсь какъ и въ другихъ мѣстахъ удержанъ буквально.

приблизилъ къ себѣ и сдѣлалъ экономомъ своего архіерейскаго дома. [1] Будучи знатокомъ въ приказныхъ дѣлахъ, Епифаній завѣдывалъ въ то же время у Ванатовича и его канцеляріей. Были у него въ Кіевѣ близкіе родственники, все люди бѣдные, постоянно нуждавшіеся въ средствахъ къ жизни; онъ ихъ очень любилъ и почти все, что ни добывалъ, отдавалъ имъ. Къ тому же, хотя и монахъ, а грѣшный человѣкъ — охотникъ былъ до молоденькихъ женщинъ и притомъ любилъ выпить. На все это нужны были деньги и притомъ не малыя. И, вотъ, однажды послалъ архіепископъ Варлаамъ своего любимаго эконома въ Козельскій монастырь [2] по какимъ-то хозяйственнымъ дѣламъ. Тамъ Епифаній положилъ въ свой карманъ 240 р. монастырской казны, сумма довольно значительная по тому времени. Эти деньги отдалъ онъ роднѣ. Въ то же время обличенъ былъ въ растлѣніи од-

[1] Преосв. Макарій (*Исторія русскаго раскола*, стр. 301) говоритъ, что Епифаній былъ простой монахъ Козельскаго монастыря, но изъ дѣла о немъ производившагося, изъ *Посланія керженскихъ отцовъ* (раскольн. рукопись) и изъ Іоны Курносаго видно, что Епифаній былъ іеромонахомъ и экономомъ кіевскаго архіерейскаго дома. Н. И. Надеждинъ въ своемъ сочиненіи: *О заграничныхъ раскольникахъ* называетъ Епифанія монахомъ Кіевопечерской лавры.

[2] Козельскій Георгіевскій монастырь въ четырехъ верстахъ отъ гор. Козельска, Черниговской губерніи, и въ 70 вер. отъ Кіева, на берегу р. Остра, основанъ въ 1654 году.

ной дѣвушки.[1] Какъ ни любилъ Епифанія Варлаамъ, однако дѣлъ его замять никакъ не могъ; очень ужь они огласились по Кіеву и произвели большой соблазнъ какъ въ Софійскомъ домѣ, такъ и въ Лаврѣ. Началось слѣдствіе, но пока домашнее. Предвидя неизбѣжно дурной исходъ дѣла, Епифаній рѣшился лучше бѣжать куда-нибудь, чѣмъ быть разстриженнымъ или сидѣть въ лаврской тюрьмѣ. Должность эконома Софійскаго дома была весьма почетная; онъ имѣлъ большое вліяніе на духовенство всей обширной Кіевской епархіи — и вдругъ отъ такого мѣста, да въ тюрьму. Но куда бѣжать? Сыщутъ вездѣ. И рѣшился онъ направить стопы своя за границу. Изъ находившихся въ его вѣдѣніи дѣлъ Кіевской митрополіи отрѣзалъ онъ на всякій случай отъ какой-то грамоты Львовскаго (что въ Галиціи) православнаго епископа вислую печать, вырѣзалъ поддѣльную печать кіевскаго митрополита и съ ними отправился въ кіевскую губернскую канцелярію выправлять себѣ заграничный паспортъ, будто бы для осмотра зарубежныхъ домовыхъ вотчинъ митрополичьяго дома, бывшихъ неподалеку отъ

---

[1] Въ *Дѣлѣ объ Епифаніи* сказано: «обличенъ въ блудодѣяніи», а у Іоны Курносаго: «за непорядки, пьянство, и за растлѣніе насильно чистыя дѣвы изъ священства и экономства своими обливанцами извержена бывша, и по изверженіи, по сердцу сказующа на своихъ важное дѣло, изловленъ и сидѣвъ долго, приговоренъ къ розыску, и поспѣшившу милостивому указу отъ розыску и сѣденія свобожденъ.»

Триполя. [1] Какъ софійскому эконому, часто ѣздившему для осмотра зарубежныхъ вотчинъ, губернская канцелярія выдала ему паспортъ безпрепятственно. Перебравшись благополучно за границу, Епифаній не зналъ, что затѣмъ ему дѣлать: зазорно и не безопасно было ему воротиться въ Кіевъ; горько было также лишиться выгоднаго экономскаго мѣста и притомъ удалиться, быть-можетъ, навсегда, отъ роднаго мѣста и любимыхъ родственниковъ. Въ этомъ раздумьѣ пришла ему мысль: сдѣлаться *бродячимъ архіереемъ.* Въ то время, при полномъ господствѣ уніи въ южнорусскихъ и западнорусскихъ областяхъ, бывшихъ подъ польскимъ владычествомъ, нерѣдко встрѣчались безудѣльные православные епископы, которые, иногда, съ разрѣшенія даже епархіальныхъ уніатскихъ архіереевъ, бродили по православнымъ приходамъ для отправленія богослуженія. Особенно такихъ епископовъ довольно встрѣчалось въ Подоліи, на Волыни и въ Галиціи, гдѣ населеніе было тогда почти сплошь православное, за исключеніемъ помѣщиковъ и шляхты. Уніаты и уніатскіе епископы съ пренебреженіемъ обращались съ этими «бискупами хлопской вѣры,» но въ крестьянскихъ (хлоп-

[1] Мѣстечко Триполь въ Кіевскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу Днѣпра, на устьѣ рѣки Красной, извѣстно еще съ 1093 г. Самый Триполь принадлежалъ Россіи съ 1681 года, но митрополичьи маетности, близь него находившіяся, были въ тогдашнихъ польскихъ еще владѣніяхъ. Теперь Триполь замѣчателенъ только живописнымъ видомъ, если подъѣзжать къ нему изъ Кіева.

скихъ) хатахъ для такихъ пастырей всегда былъ готовъ искренній, радушный пріемъ. Для полученія епископскаго сана Епифаній отправился въ Яссы, къ тамошнему митрополиту Георгію. Въ Бессарабскомъ городѣ Сорокахъ написалъ онъ подложную грамоту отъ имени Львовскаго православнаго епископа къ этому Георгію и привѣсилъ къ ней выкраденную въ Кіевѣ Львовскую епископальную печать. Написалъ такія же подложныя грамоты будто бы отъ Варлаама Ванатовича къ ясскому митрополиту и молдавскому господарю и привѣсилъ къ нимъ подложныя, имъ вырѣзанныя еще въ Кіевѣ, печати. Представившись обоимъ въ Яссахъ, онъ показывалъ тому и другому тоже подложный, составленный будто бы жителями Чигирина, приговоръ о желаніи имѣть Епифанія у себя епископомъ. Въ подложной грамотѣ, писанной отъ имени Варлаама, Епифаній выражалъ то недовольство Кіевлянъ, которое затаенно дѣйствительно существовало въ нихъ со времени отчисленія Кіева и Малороссіи изъ вѣдѣнія константинопольскаго патріарха. Учрежденіе святѣйшаго синода и изданіе «Духовнаго регламента», въ которомъ находится немало антиканоническаго, еще болѣе усилило недовольство мѣстнаго духовенства. Прежде кіевскіе митрополиты были «экзархами патріаршаго ѳрону» и малымъ чѣмъ рознились отъ автокеѳальныхъ первостоятелей церквей. Теперь они были поставлены на ряду съ прочими архіереями и даже изъ митрополитовъ низведены на степень архіепископскую. Упразднивъ санъ патріарха, Петръ I уничтожалъ постепенно

и митрополичьи каѳедры, такъ что къ апрѣлю 1724 года, по смерти Тихона Казанскаго, во всей Россіи не было ни одного митрополита. Оставался въ живыхъ Сильвестръ Смоленскій; и его перевели въ Тверь епископомъ. Оскорбительно это было и вообще для русскаго духовенства, а для Кіева, гдѣ рядъ митрополитовъ восходилъ до дней самого Св. Владиміра, это было больше чѣмъ оскорбленіе. Прежде въ Кіевѣ митрополитъ правилъ церковью самостоятельно, а теперь по указу его императорскаго величества изъ святѣйшаго правительствующаго синода. Прежде въ Кіевъ съѣзжались къ митрополиту южнорусскіе православные епископы, теперь кіевскій владыка самъ долженъ былъ ѣздить не на соборъ, а на чреду священнослуженія въ далекій и новый Петербургъ. Членами святѣйшаго синода были не только архіереи, но и архимандриты, даже протопопы и іеромонахи; [1] между тѣмъ какъ архіереи первенствовавшей со дней Св Владиміра каѳедры не были синодальными членами и находились въ зависимости не только отъ великорусскихъ архіереевъ, но и отъ петербургскихъ протопоповъ. Все

[1] Напримѣръ: Иванъ, протопопъ Троицкой церкви въ Петербургѣ по 1723 годъ; Петръ, протопопъ Петропавловской крѣпости по 1726; іеромонахъ Варлаамъ Овсянниковъ, въ послѣдствіи лишенный сана, іеромонахъ Ѳеофилъ Кроликъ, іеромонахъ Анастасій Кондоиди, Грекъ выѣхавшій изъ Молдавіи съ княземъ Кантеміромъ до 1728 года; протопопъ Иванъ московскаго Успенскаго собора съ 1730 по 1733 годъ, протопопы московскаго Благовѣщенскаго собора Иванъ (1730—1737), Петръ (1738—1747).

это въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ расписалъ Епифаній въ подложномъ письмѣ отъ Ванатовича. «Избраніе во епископа, по правиламъ апостольскимъ и Свв. вселенскихъ соборовъ, писалъ онъ, должно происходить въ присутствіи *митрополита*, какъ 19 правило святаго Антіохійскаго помѣстнаго собора повелѣваетъ. По 4 правилу перваго вселенскаго собора утверждати епископа довлѣетъ *митрополиту* и тогда лишь совершается рукоположеніе. Поставленный же *безъ соизволенія митрополита* не долженъ быть епископомъ по 6 правилу перваго вселенскаго, что въ Никеи, собора. А у насъ нѣтъ митрополита нигдѣ, во всей Великой и Малой Россіи, и азъ смиренный, владыка и пастырь святыя, славныя и великія церкви кіевскія и всея Малой Россіи — точію *архіепископъ* власти епископы поставлять, по божественному писанію, не имѣю.» Въ заключеніе присоединена была просьба *архіепископа* Ванатовича къ *митрополиту* Георгію совершить епископомъ Епифанія, мужа благоговѣйна, съ давняго времени испытанна въ словѣ вѣры и въ житіи, сообразномъ правому слову, какъ подобаетъ по 12 правилу Лаодикійскаго помѣстнаго собора, безбраннаго же и прошедшаго низшія степени служенія благоговѣйно и не зазорно. Цѣль посвященія Епифанія въ епископы объяснялась тѣмъ, чтобъ онъ могъ рукополагать во священники и діаконы для зарубежныхъ приходовъ кіевской митрополіи, о которыхъ и знать не хотѣли ни петербургскій синодъ, ни великороссійскія власти.

Посланіе, въ такомъ духѣ написанное, не могло не польстить самолюбію молдовлахійскаго митрополита. Подкрѣплено оно было «великими подарунками», которые, по свидѣтельству Ивана Алексѣева, поднесъ Епифаній и митрополиту и господарю.[1] Кіевскій экономъ достигъ желаемаго: въ Ясскомъ каѳедральномъ соборѣ 22-го іюля 1724 года Георгій возложилъ на него омофоръ. Получивъ епископскій санъ, Епифаній писалъ къ львовскому и владимірскому (на Волыни) уніатскимъ епископамъ, прося ихъ позволенія жить въ ихъ епархіяхъ и посвящать въ попы и затѣмъ отправился въ Украйну. Здѣсь онъ познакомился съ раскольниками, которые, нуждаясь въ священникахъ, просили Епифанія посвятить избранныхъ ими лицъ. Епифаній согласился, разумѣется, не даромъ, и въ продолженіе какого-нибудь мѣсяца поставилъ имъ 14 поповъ и дьяконовъ. Въ сентябрѣ того же 1724 года онъ былъ схваченъ людьми прежняго своего благодѣтеля Ванатовича и посаженъ подъ арестъ въ Кіевѣ.

Кіевскій архіепископъ донесъ объ Епифаніи святѣйшему синоду. Синодъ потребовалъ его въ Петербургъ. Весной 1725 года, Епифаній былъ привезенъ въ столицу; но не до него тогда было святѣйшему синоду: вступленіе на престолъ Екатерины I и процессъ новгородскаго митрополита Ѳеодосія, на нѣкоторое время отдалили рѣшеніе

---

[1] *Исторія о бывствующемъ священствѣ* въ *Лѣтописяхъ русск. ист. и древн.* т. IV, смѣсь, стр. 65.

его дѣла. Сентября 3-го наконецъ синодъ лишилъ Епифанія священства и монашества и какъ міряннина предалъ гражданскому суду въ юстицъ-коллегіи. И здѣсь дѣло продолжалось не малое время: лишь въ іюнѣ слѣдующаго 1726 года послѣдовалъ о немъ приговоръ «высокаго сената», по которому «велѣно онаго Епифанія для поминовенія блаженныя и вѣчнодостойныя памяти императорскаго величества (Петра I [1]), по мнѣнію юстицъ-коллегіи, отъ розыска и наказанія учинить свободна; только за оныя его важныя вины на волю его не освобождать, но сослать въ Соловецкій монастырь и держать тамо до смерти неисходно и употреблять въ работу въ какую будетъ удобенъ.» [2] Изъ юстицъ-

[1] А не Екатерины I (ум. 1727) какъ сказано у преосвященнаго Макарія въ *Исторіи русскаго раскола*, стр. 302.

[2] Изслѣдованіе поступковъ Епифанія производилось въ святѣйшемъ синодѣ и перечень ихъ отосланъ въ сентябрѣ 1725 г. въ юстицъ-коллегію. Вотъ онъ: «1) Будучи въ Кіевской епархіи, въ Козельскомъ монастырѣ забралъ монастырской казны 240 рублей и родственникамъ своимъ роздалъ монастырское имущество. 2) Обличенъ въ блудодѣяніи. 3) Взялъ изъ кіевской канцеляріи паспортъ о пропускѣ его на заставѣ черезъ караулъ, будто до Триполя для смотрѣнія домовой вотчины, и проѣхавъ караулъ, бѣжалъ за границу лодкой. 4) За Днѣпромъ, будучи въ городѣ Сорокѣ, написалъ своеручно письмо отъ лица кіевскаго архіерея къ ясскому митрополиту, чтобы тотъ посвятилъ его во епископа, и именемъ его подъ тѣмъ письмомъ подписался и печать софійскую нарисовалъ, и вырѣзалъ и то письмо самъ воровски запечаталъ. Также другія фальшивыя письма писалъ же, будто люди города

коллегіи препроводили Епифанія въ синодъ, и черезъ семнадцать дней послѣ сенатскаго приговора, синодъ, или вѣрнѣе Ѳеофанъ Прокоповичъ, еще разъ помиловалъ земляка своего; для того же поми-

---

Чигирина желаютъ и просятъ его къ себѣ во епископа. 5) Въ томъ же письмѣ написалъ онъ ложныя на св. синодъ клеветы, а именно: все де духовенство на Украйнѣ желаетъ попрежнему митрополита, а св. синодъ, невѣдомо чего ради, убавилъ чести митрополіи Кіевской и учинилъ архіепископство, запретили де во всей Россіи за патріарховъ молитися и почитати имъ, а наипаче де отъ синода установлено — кіевскому архіерею ѣздить къ Москвѣ на годовую священно-служенія чреду; а въ Кіевѣ де для поставленія поповъ быть некому. 6) Пріѣхавъ въ Яссы подалъ вышеписанному митрополиту оное письмо своеручно, имъ самимъ писанное и тѣмъ митрополитомъ по тому письму во епископа на Украйну, въ Чигиринъ въ 1724 году, іюля 22-го дня посвященъ. 7) Отъѣхавъ отъ того митрополита изъ Яссъ, посвятилъ на Украйнѣ въ іеродіаконовъ и поповъ больше четырнадцати человѣкъ раскольниковъ. 8) Онъ же, будучи въ Волосской землѣ, писалъ ко львовскому и володимірскому епископамъ письма, — а оные епископы уніаты, — рекомендуя себя подъ ихъ протекцію и прося о позволеніи житія въ ихъ епархіяхъ, для посвященія въ попы.» Все это составлено на основаніи сношеній съ ясскимъ митрополитомъ кіевскаго архіепископа, которому синодъ велѣлъ войдти въ эти сношенія. Въ архивѣ Св. синода дѣла объ Епифаніи нѣтъ, оно находится въ сенатскомъ архивѣ. Выдержки изъ него напечатаны у Андрея Іоаннова Журавлева (*Историческое извѣстіе о раскольникахъ*, стр. 228—243), но Андрей Іоанновъ, повидимому, заимствовалъ его изъ кіевскаго консисторскаго архива.

новенія Петра I, велѣно возвратить было ему клобукъ и камилавку и быть попрежнему монахомъ.

Въ Соловкахъ прожилъ Епифаній почти три года, въ числѣ монастырской братіи. Не сидѣлось пылкому чернецу на уединенномъ островѣ Бѣлаго моря. Исполнилось пять лѣтъ, какъ онъ все сидѣлъ да сидѣлъ въ заточеніи то въ Кіевской лаврѣ, то въ Петербургской крѣпости, то на Соловецкомъ островѣ, гдѣ хотя и пользовался свободой, но ни подъ какимъ предлогомъ не могъ съѣзжать на материкъ. Тянуло чернеца на волю, туда, на далекій югъ, на берега днѣпровскіе, въ Кіевъ, гдѣ бы можно было повидаться съ горячо любимыми родственниками, въ Заднѣпровскую Украйну, гдѣ бы можно было снова архіерействовать. Каждое лѣто, какъ извѣстно, на Соловецкій островъ стекается множество богомольцевъ на поклоненіе Свв. Зосимѣ и Савватію. Толпами приплываютъ они въ монастырь въ кербасахъ, толпами и отплываютъ на матерую землю. Какъ-то, улучивъ удобное время, Епифаній, въ іюлѣ 1729 года, вмѣшался въ толпу отъѣзжавшихъ богомольцевъ и благополучно переправился на материкъ. Въ Соловкахъ его хватились; началась тревога, послали погоню, но Епифанія и слѣдъ простылъ. Много труда и всякихъ лишеній принялъ онъ, странствуя по Архангельскимъ пустынямъ, бродя окольными путями, для избѣжанія поисковъ, наконецъ присталъ къ богомольцамъ, которые, помолясь въ Соловкахъ, шли на другой конецъ Россіи поклониться святой Кіе-

вопечерской лаврѣ, и Кіевскимъ Печерскимъ угодникамъ. Къ Кіевѣ Епифаній былъ тайно принятъ своими родными, съ которыми такъ давно не видался, о которыхъ изболѣло его сердце и въ Петропавловской крѣпости, и на Соловецкомъ островѣ. Долго оставаться въ Кіевѣ ему было опасно, и опять пошелъ онъ знакомыми дорогами за рубежъ; а одѣтъ былъ въ монашеское платье, и сказывался іеромонахомъ Софійскаго дома, Антоніемъ. Пришелъ онъ на заставу и уже получилъ-было дозволеніе на пропускъ, но дѣло вдругъ приняло неожиданный оборотъ. Въ то время какъ Епифаній говорилъ съ заставнымъ офицеромъ, въ заставномъ домѣ прилучился одинъ монахъ Красногорскаго Зазуловскаго монастыря[1], который, на бѣду нашего странника, лично зналъ и Антонія, и самого Епифанія. Зазуловскій монахъ сказалъ тихонько офицеру, что прохожій его обмануть хочетъ, что онъ вовсе не Антоній, а извѣстный Епифаній, что онъ взятъ былъ въ Петербургъ, и по суду заточенъ въ Соловки. Епифанія задержали на форпостѣ и отправили подъ крѣпкимъ карауломъ въ Кіевъ. Здѣсь началось о бѣглецѣ новое дѣло. Почему-то не сочли нужнымъ или возможнымъ держать его подъ стражей въ Кіевѣ; отправили въ Переяславль и посадили въ тамошнемъ Михайловскомъ мона-

---

[1] Красногорскій Зазуловскій монастырь находился въ подгородной города Золотоноши (Полтавской губерніи) слободѣ, Зазуловкѣ. Упраздненъ въ 1786 году.

стырѣ [1]. Здѣсь монастырская братія была вся знакома бывшему кіевскому отцу-эконому: все друзья да пріятели, помнившіе хлѣбъ-соль Епифанія, когда онъ былъ во времени. Надзоръ за нимъ былъ слабъ, больше все кутили смиренные иноки, поминаючи прежнее житье-бытье Епифанія, ублажая своего «братчика» и браня на чемъ свѣтъ стоитъ правительство за то, что оно унижаетъ духовенство и вздумало еще вмѣшиваться въ управленіе монастырскими вотчинами, во что не только что гетманы, да и сами короли польскіе, за ихъ панованье въ Кіевѣ, не вмѣшивались. Съ вѣдома ли, безъ вѣдома ли добрыхъ своихъ пріятелей, Епифаній изъ монастыря «утікъ». Выбравшись благополучно изъ Переяславля, благополучно перешелъ онъ и рубежъ, спустившись по Днѣпру на лодкѣ. Въ Заднѣпровской Украйнѣ, въ вотчинахъ Пустынно-Николаевскаго монастыря [2], началъ онъ было ужь

---

[1] Михайловскій монастырь былъ въ городѣ Переяславлѣ (Полтавской губерніи). Основанъ въ 1069 году и былъ въ XI и XII ст. престольною митрополіей кіевскою, ибо кіевскіе митрополиты тогда жили болѣе въ Переяславлѣ, да и монастырь Михайловскій былъ въ то время гораздо лучше Кіевопечерской лавры. Потомъ онъ былъ каѳедральнымъ монастыремъ епископовъ переяславскихъ — теперь же городской соборъ уѣзднаго города.

[2] Пустынно-Николаевскій монастырь находился въ Кіевѣ, на берегу Днѣпра. Онъ основанъ Св. Владиміромъ тотчасъ по принятіи христіянства. Во время отъема монастырскихъ имуществъ оставленъ первокласнымъ, а въ 1831 году императоромъ Николаемъ I переданъ въ вѣ-

и обѣдни по архіерейски служить, но отслужилъ ихъ не очень много. Его схватили и опять привезли въ Кіевъ. Дѣло его, по обыкновенію, тянулось, и не ранѣе 1731 года Епифаній, по требованію святѣйшаго синода, отправленъ былъ въ Москву, гдѣ и посаженъ подъ арестъ въ синодальной конторѣ, въ арестантской, по тогдашнему названію въ «бѣдности». Въ этой «бѣдности» содержался чигиринскій епископъ цѣлые полтора года: съ ноября 1731 до половины февраля 1733 г. Въ это время и познакомились съ нимъ московскіе старообрядцы.

— Хочешь ли ты къ намъ? спрашивали они Епифанія

— Куда?

— У насъ есть монастырь въ Польшѣ. Слыхалъ ли? На Вѣткѣ.

— Да вѣдь вы раскольники?

— Мы только по старопечатнымъ книгамъ послѣдуемъ.

И пошли толки, и совѣщанія, и соглашенія. Все, какъ водится.

Задумался Епифаній. Какъ ни противны были ему церковные отщепенцы, но впереди ему были двѣ дороги: въ Соловецкую тюрьму, изъ которой ужь въ вѣкъ не убѣжать, и архіерейство, богатство и — что для него важнѣе всего — возможность

дѣніе кіевскаго коменданта съ переименованіемъ сей древней обители въ *военный* соборъ. Братія при этой перемѣнѣ переведена въ Кіево-Слупскій монастырь.

помогать своимъ бѣднымъ кіевскимъ родственникамъ. Для нихъ онъ готовъ былъ на все.

Приходили къ нему старообрядцы не разъ и не два, и все соблазняли на переходъ въ расколъ. Епифаній, не любившій раскольниковъ, долго колебался.

— Хорошо бы такъ, какъ говорите вы, сказалъ онъ наконецъ. — Но какъ же тому быть? Вѣдь я подъ судомъ и подъ неволею.

— Ты только дай намъ слово, что хочешь къ намъ, отвѣчали ему, — только согласись быть нашимъ епископомъ, а ужь на волѣ будешь. Это дѣло наше.[1]

Епифаній согласился и далъ слово. И стали ходить къ нему въ «бѣдность» каждый день московскіе старообрядцы и благословенія отъ него просили. «Онъ же приходящихъ къ нему всякаго чина людей благословлялъ и отправлялъ въ епитрахили часы по чину священническому.»[2] Старообрядцы учили непривычнаго Кіевлянина своимъ старымъ обрядамъ, чтобы послѣ, когда будетъ священнодѣйствовать на Вѣткѣ, не произвелъ онъ какого-нибудь соблазна никоніанскимъ своимъ служеніемъ.

Вмѣстѣ съ Епифаніемъ содержался въ Московской синодальной «бѣдности» архимандритъ Спасо-Преображенскаго, что въ Казанскомъ кремлѣ, мо-

---

[1] Разговоръ изъ Іоны Курносаго.

[2] Дѣло юстицъ коллегіи въ сенатскомъ архивѣ.

настыря, отецъ Питиримъ [1]. Онъ видѣлъ и слы-

[1] Питиримъ былъ келейникъ митрополита казанскаго Сильвестра, бывшаго изъ роду Волынскихъ, осмидесятилѣтняго старика, враждовавшаго съ казанскимъ губернаторомъ, едва ли не родственникомъ своимъ, извѣстнымъ Артеміемъ Петровичемъ Волынскимъ. Сильвестръ былъ подчиненъ вліянію Питирима. Членъ святѣйшаго синода (1725 — 1726) архимандритъ Спасо-Преображенскаго въ Казани монастыря Іона (потомъ разстрига Іоасафъ Сальникѣевъ) былъ обличенъ Сильвестромъ въ расхищеніи монастырскаго имущества. Питиримъ во время производства надъ Іоною слѣдствія, по словамъ Арт. Петр. Волынскаго, который называлъ его плутомъ, «неправыя выписки сочинялъ, и подъячихъ архіерейскаго приказа справливать неволею и страхомъ принудилъ.» Сильвестръ этого любимца своего назначилъ на мѣсто Іоны Сальникѣева архимандритомъ Спасо-Преображенскаго монастыря. Вражда двухъ Волынскихъ, казанскаго губернатора и митрополита, происходила въ 1730 году. Въ это время въ синодѣ производилось дѣло о воронежскомъ епископѣ Львѣ Юрловѣ. По проискамъ всемощнаго тогда Прокоповича къ этому дѣлу былъ привлеченъ членъ синода, коломенскій митрополитъ Игнатій (Смола), который «за медленіе дѣла о Львѣ Юрловѣ», по лишеніи сана, былъ сосланъ въ Свіяжскій монастырь Казанской епархіи. Здѣсь Сильвестръ митрополитъ и наперсникъ его Питиримъ обращались съ Игнатіемъ, не какъ съ разстригою, а какъ съ архіереемъ, причемъ однажды Сильвестръ, порицая дѣйствія Анны Іоанновны, низложившей при самомъ началѣ царствованія четырехъ архіереевъ (Льва Воронежскаго, Игнатія Коломенскаго, Георгія Ростовскаго, Варлаама Кіевскаго), выразился рѣзко. За это онъ отправленъ былъ въ Петербургъ, гдѣ 31-го декабря 1731 г. низложенъ и заточенъ въ Александроневской лаврѣ, гдѣ и умеръ. Его несчастію много содѣйствовалъ врагъ его, тогда сильный, Артемій

шалъ все и *репортовалъ* обо всемъ по начальству. Это было 26 іюня 1732 года. Епифанія съ тѣхъ поръ стали держать строже, но деньги старообрядцевъ были видно сильнѣе доносовъ Питиримовыхъ и по прежнему доставляли богатымъ старообрядцамъ доступъ въ «бѣдности» къ будущему ихъ архипастырю.

8 января 1733 года, состоялось въ Москвѣ рѣшеніе по дѣлу Епифанія. Вотъ оно: «Монаха Епифана Яковлева, учиня ему жестокое наказаніе плетьми, отослать въ Соловецкій монастырь *на его коштѣ* и тамо содержать его всегда скована, не выпуская отнюдь изъ монастыря, и о томъ изъ святѣйшаго правительствующаго синода конторы въ С.-Петербургъ святѣйшему правительствующему синоду вѣдѣніе того же января 9 дня сообщено.»

Въ Петербургѣ взглянули на дѣло Епифанія гораздо строже. «Февраля 22, святѣйшій правительствующій синодъ, разсуждавъ онаго Епифанія вины, и что уже за показанными къ нему, какъ бы святѣйшаго правительствующаго синода милосердіями, дерзнулъ изъ онаго Соловецкаго монастыря уйдти, и съ немалымъ трудомъ пойманъ, и чтобы потому жь и нынѣ обыкновенной утечки учинить

Волынскій. Питиримъ же, наперсникъ Сильвестра, былъ отправленъ въ Москву, гдѣ и содержался при конторѣ синода одновременно съ Епифаніемъ. (См. *Дѣло святѣйшаго синода о воронежскомъ епископѣ Львѣ*. Ср. *Чтенія Императорскаго Москов. Общ. Исторіи и Древностей* 1861 года, IV, смѣсь, стр. 125 и 126.)

не могъ, *приказали:* синодальное января 8 дня объ ономъ монахѣ Епифаніи опредѣленіе отмѣнить, и его Епифанія паки въ Москву, въ канцелярію святѣйшаго синода возвратить: и по возвращеніи, за продерзости его, монашескаго чина лишить, и съ прописаніемъ всѣхъ винъ его отослать въ свѣтскій судъ, для ссылки на сибирскіе горные заводы въ вѣчную работу, при указѣ, безъ продолженія времени.» Вѣдѣніе изъ синода послано въ Москву, 26 февраля: получено 5 марта. Но Епифаній въ это время скакалъ уже на перемѣнныхъ подставныхъ лошадяхъ въ зарубежную Вѣтку.

Московскіе старообрядцы снеслись съ Вѣтковцами о согласіи Епифанія перейдти въ расколъ, сдѣлаться архипастыремъ всего старообрядства. Вѣтковскій игуменъ Власій и все тамошнее общество духовныхъ и мірскихъ было очень радо, тѣмъ болѣе что водвореніе у нихъ Епифанія, какъ они надѣялись, скрѣпило бы тѣснѣе московскихъ старообрядцевъ съ вѣтковскими, въ то время, по причинѣ нѣкоторыхъ обрядовыхъ споровъ, замѣтно поколебавшееся. Московскіе употребили всѣ зависѣвшія отъ нихъ средства и не малыя деньги, чтобы приговоръ надъ Епифаніемъ былъ немедленно исполненъ. Епифанія высѣкли плетьми и послали въ Соловки, не дожидаясь отвѣта изъ Петербурга. Это было 14 февраля.

Замѣчательно, что Епифанія, высѣченнаго плетьми, везутъ въ Соловки на его счетъ, не по пересылкѣ, какъ обыкновенно отправляли подобныхъ людей, а на почтовыхъ лошадяхъ (ямскихъ подво-

дахъ). Правда, его везли скованнаго, подъ караудомъ двухъ солдатъ (Николая Лапандина и Семена Честнова), но везли на *двухъ* подводахъ; на одной сидѣлъ Епифаній съ солдатомъ, на другой его имущество съ другимъ караульнымъ. Не такъ возили въ то время другихъ посылаемыхъ въ ссылку людей. Вѣроятно, все было предусмотрѣно и предупреждено старообрядцами.

Повезли Епифанія на Ярославль. Нѣсколько старообрядцевъ, у которыхъ за атамана былъ нѣкто Артемій Андреевъ, на вольныхъ лошадяхъ, запряженныхъ въ кибитки парами, выѣзжали изъ Москвы одновременно съ пересыльнымъ Епифаніемъ. Дорогой они сказывались купцами и такъ пригоняли время, чтобы каждый разъ останавливаться на ночлегъ на одномъ постояломъ дворѣ съ колодникомъ. Тогда этаповъ еще не было: по селамъ и деревнямъ, да и въ самыхъ городахъ, пересылаемыхъ колодниковъ обыкновенно помѣщали въ частныхъ домахъ, большею частію на тѣхъ же постоялыхъ дворахъ, на которыхъ останавливались и проѣзжавшие по своимъ надобностямъ. Такимъ образомъ и доѣхали старообрядцы до Ярославля, гдѣ и ночевали вмѣстѣ съ Епифаніемъ съ 16 на 17 февраля. Чѣмъ свѣтъ поднялись они и выѣхали изъ Ярославля часами тремя раньше Епифанія. Не доѣзжая первой станціи по вологодскому тракту, Вокшерскаго Яму, они своротили въ сторону, въ Коломинскій лѣсъ [1], верстахъ въ 25 отъ Ярославля, и за-

[1] Деревня Вокшерскій Ямъ, подлѣ села Сандырева, находится въ Романовскомъ уѣздѣ въ 30-ти верстахъ отъ

сѣли вблизи дороги. Одна пара съ мнимыми купцами осталась въ Ярославлѣ и выѣхала изъ города вмѣстѣ съ Епифаніемъ. Ѣхала она впереди. Зима тогда была снѣжная, вьюжная, въ февралѣ нанесло большіе сугробы; дорога изъ Ярославля въ Вологду была узенькая: ѣздили по ней гуськомъ. Когда доѣхали до условленнаго мѣста засады, — а это было на разсвѣтѣ, — передняя пара остановилась, старообрядцы поставили свою кибитку поперекъ дороги и вывернули оглоблю. Наѣзжаютъ повозки съ Епифаніемъ и солдатами. Ни разъѣхаться, ни объѣхать нельзя. Ямщикъ Дмитрій Ивановъ, везшій Епифанія, закричалъ «прочь съ дороги! что̀ сталъ?» Начались обычныя перебранки. Вдругъ, заслышавъ крикъ Дмитрія Иванова, высыпали старообрядцы изъ-за лѣса, кто съ дубиной, кто съ кольями. А атаманъ мнимыхъ разбойниковъ Артемій Андреевъ былъ впереди и кричалъ:

— Коли ихъ! Руби завертки! Руби гужи! Вяжи солдатъ!

Окружили повозку; солдаты не защищались. Дмитрій Ивановъ и другой ямщикъ, Иванъ Ивановъ, стояли у лошадей, понуривъ головы. Дѣлать было нечего: разбойниковъ много.

Ярославля. Коломинскій (а не Коломенскій, какъ у преосв. Макарія въ *Исторіи русскаго раскола*, стр. 302) лѣсъ и волокъ начинаются верстахъ въ 18 отъ Ярославля. Деревня Коломино, по имени которой лѣсъ этотъ называется, вправо отъ большой ярославско-вологодской дороги, на границѣ Ярославскаго и Романовскаго уѣздовъ. На специяльно̀й картѣ Шуберта она есть.

— Эй ты, голоусый! крикнулъ Артемій Андреевъ, солдату. — Кто у васъ тутъ сидитъ?

Солдатъ не отвѣчалъ; Артемій хватилъ дубиной по кибиткѣ и крикнулъ ясакъ:

«Лшипьи, шамуйте!» [1]

---

[1] Это на такъ-называемомъ тарабарскомъ языкѣ, который въ извѣстныхъ случаяхъ, а также и въ перепискѣ, до сихъ поръ употребляется раскольниками. Это тотъ же русскій языкъ, но согласныя буквы въ каждомъ словѣ замѣняются однѣ другими, гласныя остаются тѣ же. Вотъ ключъ тарабарскаго языка:

б,	в,	г,	д,	ж,	з,	к.	л,	м,	н,
щ,	ш,	ч,	ц,	х,	ф,	т,	с.	р,	п.

Надобно брать *б* вмѣсто *щ*, *щ*, вмѣсто *б*, *в* вмѣсто *ш* и т. д. Есть люди бѣгло говорящіе на этомъ языкѣ. Тарабарскій языкъ давно у насъ въ употребленіи: есть памятникъ его, относящійся даже къ XV вѣку (см. Востокова *Описаніе Румянцовскаго Музея* стр. 255). *Лшипьи! шамуйте! свиньи! воруйте!* Нынѣ раскольники для секретной переписки, а иные и устно, употребляютъ три тайные языка: *тарабарскій*, *офеньскій* и *иносказательный*. Офеньскій — это языкъ ходебщиковъ, тряпичниковъ, вязниковцевъ, которые съ тесемочками, пуговками и всякимъ другимъ мелочнымъ товаромъ кустарной промышленности ходятъ по Россіи отъ Кяхты до Варшавы. Языкъ этотъ образовался болѣе 150 лѣтъ и раздѣляется на нѣсколько вѣтвей: собственно *офеньскій* (во Владимірской губерніи), *галиванскій* (въ Галичѣ Костромской губерніи) и *матрайскій* (въ Нижегородской и Рязанской губерніяхъ). Языкъ этотъ, подобно языку петербургскихъ мазуриковъ, приволжскихъ праховъ и т. п. искусственный: слова придуманы (напримѣръ *Стосъ* — Богъ, *грутецъ* — отецъ, *возгранъ* — городъ), а грамматика русская. Въ иносказательномъ языкѣ каждое слово имѣетъ не прямое, а другое

Мнимые разбойники мигомъ выбрали изъ повозки имущество Епифанія. Вытащили и его самого.

«Заколоть его!» крикнулъ Артемій Андреевъ. На Епифанія бросились. «Постой, постой!» крикнулъ атаманъ. Здѣсь на дорогѣ нельзя: кровь на снѣгу замѣтятъ.»

И, бросивъ въ сани колодника, умчали его въ лѣсъ. Остались на дорогѣ два солдата, да два ямщика и сначала придумать не могли, чтò это за разбойники, что у нихъ колодника отбили, а рѣзать въ лѣсъ утащили [1].

На другой день, т. е. 18 февраля, и солдаты и ямщики явились въ ярославскую провинціяльную

условное значеніе. Нерѣдко соединяютъ иносказательный языкъ съ тарабарскимъ. Для разговора на такомъ языкѣ нужно необыкновенно быстрое соображеніе. Вотъ примѣръ двойнаго тайнаго языка раскольниковъ: *«ры туниси лось ца лымую, нмолувиси па мочохтажѣ и алынаси шѣ лулѣтѣ.»* По переводу съ тарабарскаго языка это будетъ: »мы купили соль, да сырую, просушили на рогожкахъ и ссыпали въ сусѣкъ.« На иносказательномъ языкѣ *соль* значитъ священникъ (вы есте соль земли), *сырая* — неисправленный, великороссійскій, *сушить* — исправить, совершить пріемъ бѣглаго попа, *рогожка* — Рогожское кладбище въ Москвѣ, *ссыпать* — помѣстить, водворить, *сусѣкъ* часовня, моленная. Такимъ образомъ приведенная фраза означаетъ «мы достали попа, но не исправленнаго, исправили его въ Москвѣ на Рогожскомъ кладбищѣ и помѣстили при часовнѣ.» Иногда, но это уже только въ письмѣ, употребляется тройное тайнописаніе, т. е. и тарабарское и иносказательное и офеньское.

[1] Іона Курносый. Разговоры и крики удержаны буквально.

канцелярію. Оба солдата и ямщикъ Иванъ Ивановъ показали, что у нихъ Епифанія воровскіе люди отбили, а ихъ, солдатъ, били и увѣчили. Другой же ямщикъ, Дмитрій Ивановъ, на допросѣ показалъ и на очныхъ ставкахъ уличалъ солдатъ и своего товарища, что они Епифанія отпустили своею волею, а воровскіе люди того колодника не отбивали и воровскихъ людей они не видали. Изъ этого можно заключить, что Честновъ, и Лапандинъ были подкуплены старообрядцами а также и ямщикъ Иванъ Ивановъ. Солдатъ отправили въ Петербургъ въ синодъ «для подлиннаго слѣдствія»; затѣмъ виновные были преданы военному суду, наказаны шпицрутенами и сосланы въ «сибирскіе варнизоны».

Между тѣмъ какъ изъ синода по всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ и по всѣмъ ставропигіальнымъ монастырямъ разсылались циркулярные указы (30 марта) «о крѣпкомъ колодника старца Епифанія во всѣхъ мѣстахъ взысканіи, о поимкѣ и о присылкѣ его въ св. синодъ, въ Москву, подъ опаснымъ и добрымъ конвоемъ», — Епифаній былъ уже за рубежомъ. Везли его однако не торопясь: больше трехъ мѣсяцевъ. Отбили его 18 февраля, а доставили вѣтковскимъ отцамъ 28 мая. Вѣроятно, опасаясь розысковъ по горячимъ слѣдамъ, держали Епифанія гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ, въ самой ли Москвѣ, или въ ея окрестностяхъ, а когда опасность поимки на дорогѣ миновалась, повезли свою добычу за рубежъ. На Вѣткѣ были рады дорогому гостю. Игуменъ Власій и Варлаамъ Казанскій, уже отростившій бороду въ прежнюю мѣру, думали: «ну,

теперь онъ насъ во епископы поставитъ». Монахи вѣтковскіе тому были рады, что теперь, при архіереѣ, монастырь ихъ еще больше процвѣтетъ, прославится и разбогатѣетъ отъ подаяній, какъ изъ Россіи, такъ и отъ зарубежныхъ старообрядцевъ. Рады были и причетники и бѣльцы: «поставитъ, говорили, насъ владыка святый въ попы, и жены наши матушки попадьи будутъ». Но тогда же среди мірянъ и другія рѣчи слышались. *Епифанъ* родомъ изъ Кіева, говорили они, мнится, не обливанецъ ли онъ, не опоганить бы намъ души свои его архіерействомъ. Вообще водвореніе епископа на Вѣткѣ было, повидимому, дѣломъ одного старообрядческаго духовенства — монаховъ, поповъ и причетниковъ. Міряне, кажется, были въ сторонѣ. Поэтому-то вѣтковскіе отцы и не держали пока Епифанія въ самой Вѣткѣ, а помѣстили его въ какой-то пустынькѣ, бывшей не подалеку. Пришлось старцу, уже девять лѣтъ переходившему изъ тюрьмы въ тюрьму, и здѣсь жить болѣе года почти какъ въ темничномъ заключеніи. Скучно было ему; не такой жизни онъ ожидалъ. До того была ему тяжела такая жизнь, что онъ, просидѣвъ цѣлый годъ въ пустынькѣ, писалъ въ Кіевъ письма, прося взять его отъ раскольниковъ и предавая себя въ руки правительства. Письма эти, посланныя лѣтомъ 1734 года, разумѣется, секретно и отъ мірянъ и отъ вѣтковскихъ отцовъ, имѣли, какъ увидимъ, весьма важныя послѣдствія; но не получая на нихъ долго отвѣта и даже не зная навѣрное, дошли ли они по назначенію, Епифаній покорился своей участи....

Между тѣмъ міряне, провѣдавъ, что сидитъ въ пустынькѣ архіерей, привезенный московскими старообрядцами изъ Ярославля, стали ходить къ нему и допытываться кто онъ такой, откуда, какого града былъ епископъ, и слыша его малороссійское произношеніе, тотчасъ же спрашивали: «А тебя какъ крестили? Обливали или погружали въ три погруженія»?

А Епифаній дѣйствительно, какъ кажется, былъ крещенъ обливательнымъ крещеніемъ; и такъ какъ былъ онъ человѣкъ простодушный, безхитростный, и могъ, пожалуй, наговорить приходящимъ и такого, отъ чего по людямъ пошла бы большая молва и крамола, то главные затѣйщики дѣла, московскіе старообрядцы, что отбивали его въ Коломинскомъ лѣсу и привезли за рубежъ, учили его какъ отвѣчать любопытнымъ и что говорить въ ѳеодосіевой, вѣтковской церкви, когда будутъ его принимать и исправлять. «Когда будутъ тебя вопрошать: како крещенъ, обливанъ ли или погруженъ, то скажи: «погруженъ»; а вопросятъ: ты какъ вѣдаешь? скажи: малыя дѣти, на улицѣ играя, «утопленникомъ» дразнили, и отецъ и мать дразнили сызмаленька «утопленникомъ». [1]

Былъ созванъ соборъ на Вѣткѣ въ тамошнемъ монастырѣ. Игуменъ Власій предсѣдательствовалъ, засѣдали священноиноки: Іовъ, Варлаамъ Казанскій, Варсонофій, Исаія, Савва, казначей Павелъ и рядовые старцы. Было на соборѣ не мало и мірскихъ людей. Совѣщались о томъ, какъ и какимъ чиномъ принять Епифанія. Единогласно рѣшили: принявъ

---

[1] Іона Курносый.

Епифанія, по исправѣ и проклятіи имъ всѣхъ ересей, требовать, чтобъ онъ рукоположилъ другаго епископа «да корень епископства возрастетъ». Затѣмъ, не приступая пока къ пріему, послали вѣрныхъ людей въ Петербургъ, въ Москву, въ Кіевъ, въ Яссы, чтобы подкупами и просьбами добыть вѣрныя справки изъ дѣлъ о личности Епифанія. Справки собирались довольно долго—болѣе года, а Епифаній все сидѣлъ, да сидѣлъ, какъ въ затворѣ какомъ, въ пустынькѣ, скучалъ, томился неволею, бранился съ старообрядцами. «Ужь лучше бы было мнѣ въ Соловкахъ сидѣть чѣмъ у васъ въ этой раскольнической темницѣ», говорилъ онъ имъ. «Потерпи, владыко святый, отвѣчали ему — скоро такого дѣла сдѣлать не можно.» И прежде любилъ Епифаній выпить, теперь же въ горѣлкѣ отказу не было: только постное ѣшь, а пей водку сколько душѣ угодно. И сталъ Епифаній съ горя да съ печали пить темную, и допился до водянки. Очень сталъ хворать, а все пилъ.

Между тѣмъ справки объ немъ вѣрными людьми были собраны. До того, что Епифаній обокралъ Козельскій монастырь, составлялъ подложныя письма и растлилъ какую-то дѣвочку, старообрядцамъ дѣла не было. Обокралъ и обманулъ онъ «враговъ Божіихъ, никоніанъ», разсуждали они, это не грѣхъ; дѣвчонка — и это не грѣхъ, а только паденіе; изъ писанія видно, что многіе святые отцы впадали въ блудъ, да угодили Богу покаяніемъ. Извѣстный выводъ старообрядцевъ всѣхъ толковъ!.. Важно было для Вѣтковцевъ то, что Епифаній, по справкамъ,

оказался не самозванцемъ, что онъ дѣйствительно былъ хиротонисанъ митрополитомъ Георгіемъ. Одного не могли дознаться никакими справками: обливанъ Епифаній, или въ три погруженія крещенъ. А это было всего важнѣе для старообрядцевъ: если онъ обливанъ, то его слѣдуетъ крестить вновь. А по правиламъ вселенскихъ соборовъ, кто крестится вновь, тотъ хиротоніи не сохраняетъ.

Въ то, довольно продолжительное, время, которое употреблено было вѣтковскими отцами на собраніе справокъ о личности пріобрѣтеннаго ими епископа, они сдѣлали и другое дѣло. Желая, чтобъ отысканный послѣ столь долгихъ и тщетныхъ ожиданій епископъ былъ принятъ всѣми старообрядцами поповщинскаго толка единодушно, чтобы не произошло между ними изъ-за него какого-либо раздора или раздѣленія, вѣтковскіе отцы «да будетъ то дѣло общимъ дѣломъ всего христіанства древляго благочестія,» писали въ Москву и къ старшимъ отцамъ на Керженецъ; а также по городамъ— въ Тверь, въ Торжокъ, въ Казань, въ Тулу и другіе. Все происходило въ глубочайшей тайнѣ. Съ Стародублянами сносились не только письменно, но лѣсами неоднократно ходили къ нимъ за рубежъ для совѣта. Съ Керженца былъ полученъ рѣшительный отказъ признать Епифанія за епископа. Тамошніе отцы писали вѣтковскимъ, что они «къ совѣту ихъ пристати, яко Богу неугодну, не токмо не спасительну, но и народодушепагубну отказашась не соизволивше.» [1] Въ Ста-

[1] Іона Курносый.

родубьѣ одни были согласны на пріемъ Епифанія, другіе нѣтъ; такое же разногласіе было и въ Москвѣ и Торжкѣ. Но Тверь и Тула согласились; Казань, едва ли не по вліянію керженскихъ жителей, отказалась. Всѣ эти переговоры и ссылки Вѣтки съ разными старообрядческими общинами продолжались годъ и два съ половиной мѣсяца. Много было дорогъ изъѣзжено, много денегъ на поѣздки и всякія хлопоты истрачено. Наконецъ 6 августа, въ день Преображенія Господня, 1734 года, Епифаній былъ привезенъ изъ пустыньки на Вѣтку и торжественно принятъ въ старообрядство [1]. Черный попъ Іовъ [2], старшее духовное лицо на

---

[1] Иванъ Алексѣевъ, *Исторія о бѣгствующемъ священствѣ* въ *Лѣтописяхъ русской исторіи и древности,* т. IV. смѣсь, стр. 65. Онъ говоритъ, что Епифаній, «въ нѣкіихъ пустынькахъ», до пріема пробылъ десять недѣль, значитъ, съ конца мая по 6 августа. Но онъ ошибается ровно на одинъ годъ, полагая, что Епифаній отбитъ въ Коломинскомъ лѣсу, въ февралѣ 1734 г., между тѣмъ какъ изъ дѣла объ Епифаніи видно, что это было въ 1733 г.

[2] Попъ Иванъ, въ постриженіи Іовъ. Онъ былъ взятъ при «первой выгонкѣ» раскольниковъ и раззореніи Вѣтки въ 1735 году. Іовъ былъ однимъ изъ самыхъ главныхъ учителей и проповѣдниковъ старообрядства на Вѣткѣ, По опредѣленію св. синода 21 декабря 1736 года, онъ, закованный въ кандалы, былъ отправленъ въ Николаевскій (въ Переславлѣ Залѣсскомъ) монастырь «для достодолжнаго о его суевѣріи разглагольствія и увѣщанія къ соединенію святѣй, правовѣрной церкви, понеже того монастыря настоятель то съ нимъ разглагольствіе имѣть можетъ.» Въ этомъ монастырѣ Іовъ долженъ былъ содержаться въ цѣпяхъ. Но такъ какъ онъ, «по довольномъ

Вѣткѣ (игуменъ Власій не имѣлъ священства) привелъ Епифанія къ исправѣ. Принимаемый епископъ торжественно, при всемъ духовенствѣ и огромномъ стеченіи народа, проклялъ ереси [1] и за-

---

увѣщаніи отъ раскольническаго своего заблужденія ко обращенію ко святой церкви явился непокоривъ и состоялъ въ раскольнической своей ереси не превратенъ,» то по опредѣленію св. синода 11 февраля 1737 года сосланъ въ Валдайскій Иверскій монастырь для неисходнаго въ кельѣ заключенія подъ крѣпкимъ карауломъ и съ пресѣченіемъ всякихъ сношеній съ другими лицами. Здѣсь Іовъ и умеръ, но когда, неизвѣстно.

[1] Вотъ формула исправы, которую въ XVIII ст. читали принимаемые въ расколъ попы и Епифаній въ 1734.

«Предстоятель кладетъ *начало* (семь поклоновъ), и потомъ приходящій такожде семь поклоновъ. Предстоятель начинаетъ, глаголя: *За молитвъ святыхъ, Царю небесный, Трисвятое* и по *Отче нашъ,—Пріидите поклонимся* трижды, псаломъ 50: *Помилуй мя Боже*. И поставляетъ его передъ церковію, откровенну главу имуща. И повелитъ ему исповѣдатися явѣ и отрицатися, и укоряти, и проклинати богомерзкую вѣру, въ ней же былъ и вся законы ихъ, и обычаи, въ нихъ же совратишася и осквернишася. И начинаетъ проклинати ереси отъ яковитовъ, сице глаголя:» Азъ, имярекъ, отъ гнусныя яконитовъ и ханъцыцарскія ереси, и отъ мудрствующихъ съ латины и пріобщающихся отчасти еретическому и папежскому ученію—днесь прихожду ко истинному, православному христіянскія вѣры закону, преданному отъ Св. апостолъ и утвержденному богоносными отцы святыхъ вселенскихъ седьми соборовъ. Прихожду же не отъ нужды, или бѣды, или тѣсноты, или страха, или налога, или нѣкоей вещи, на мя подвизаемѣй, или чести ради мірскія, и бла-

тѣмъ былъ введенъ въ алтарь Покровской церкви игуменомъ Власіемъ и Варлаамомъ Казанскимъ. Не

годарованій нѣкихъ обѣщаемыхъ, или лѣностію или лицемѣріемъ, но отъ всея души и сердца и чиста неблазненна, Христа любяще и того истинныя вѣры животнаго закона желая получити. Прежде отрицаюся мудрствующихъ и сообщающихся отчасти еретическому ученію. Проклинаю отрекшихся Іесуса и почитающихъ его равноухимъ, вѣрующихъ во Іисуса и святую аллилуію тройственну четверящихъ: да будутъ прокляти. Проклинаю творящихъ развратно святое крещеніе, аще и во имя Отца и Сына и Святаго Духа глаголютъ, но обаче крещаютъ водою во едино погруженіе, а трижды не погружаютъ, иніи же только обливаютъ водою; и почитающихъ всякое омываніе крещеніемъ, а въ трехпогрузительномъ нужды нѣсть: да будутъ прокляти. Аще кто ся не креститъ въ два перста, яко же и Христосъ, да будутъ прокляти. И творимое нѣкое благословеніе, пятію персты, а Христомъ преданное двуперстное почитающихъ отъ нѣкоего черта изданнымъ:—да будутъ прокляти. Проклинаю богоненавидимую и блуднаго образа прелесть, еже остризати браду, но и всегда поощряющихъ остригати брады своя, и усы притинати постригалы и бритвами. Проклинаю вся враги крестъ Христовъ нарицающихъ «брынскимъ», а кланяющихся латинскому крыжу; иже не исповѣдуютъ безкровныя жертвы суща тѣлеси Господа нашего Іісуса Христа. Иже аще ястъ млеко и яйца въ великій постъ въ субботу и недѣлю; съ ними же и иную всякую ересь проклинаю, явную и неявную, и иже прежде соборовъ, или послѣжде на церковь благочестивую возсташа и люди Господни отсѣкати и отторгати начинающе, вси еретицы сопротивно мысляще святымъ всея вселенныя седьми соборовъ: да будутъ прокляти.»

«И вопрошаетъ предстоятель: «обѣщаешелися Христу?» И отвѣщаетъ имярекъ: «обѣщаваюся Христу.» И глаго-

выходя изъ церкви, онъ соборнѣ отслужилъ обѣдню по старопечатнымъ книгамъ. Затѣмъ, служа довольно часто, онъ посвятилъ 12 поповъ и 6 дьяконовъ, и сварилъ мѵро [1].

летъ: *вѣрую во единаго Бога Отца* весь до конца, трижды, *Господи помилуй* сто; и паки глаголетъ: «И тако вѣрую и исповѣдую святую единосущную Троицу истинною любовію, всею душею моей, и всѣмъ сердцемъ моимъ, и всѣмъ помышленіемъ моимъ, не имѣя въ себѣ никоего лукавства. И тако покоряюся, и прилагаюся благочестивому преданію святыхъ отецъ право исправльшихъ слово истинны, иже на всѣхъ седми соборѣхъ вселенскихъ и помѣстныхъ. И тако причитаются святѣй и апостольстѣй церкви, единомудренно со всѣми правовѣрными, душевное тщаніе имѣя, требую совершенно святымъ, истиннымъ покаяніемъ очищенія отъ всѣхъ еретическихъ совращеній и оскверненій, всякихъ прегрѣшеній плотскихъ и душевныхъ. Еще же желаю, со страхомъ и трепетомъ и радостію сердечною, причастникъ быти святыхъ и животворящихъ таинъ тѣла и крове Христа Бога нашего, яко да будетъ ми во освященіе души и тѣлу моему, и до кончины живота моего въ наслѣдіе живота вѣчнаго царствія небеснаго, молитвами Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и присно дѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ, иже отъ вѣка Богу угодившихъ. Аминь.» (Рукописный сборникъ конца XVIII столѣтія, писанный на Иргизѣ.) Въ XIX или въ концѣ XVIII ст. эта формула нѣсколько измѣнена. Она будетъ приведена въ своемъ мѣстѣ.

[1] Іона Курносый: «во время пріятія Епифаніева и посвященія имъ поповъ и діаконовъ и *священія мѵра* и масла.» Стало-быть Епифаній варилъ мѵро не въ великій четвертокъ, какъ слѣдуетъ по уставу. Онъ былъ принятъ 6 августа 1734 года, а великій четвертокъ 1735 г. былъ 3 апрѣля, Вѣтка же была занята Сытинымъ и Епифаній взятъ 1 апрѣля; то-есть во вторникъ на страстной недѣлѣ.

Великая была радость на Вѣткѣ. Всѣ духовныя лица ликовали и много гордились тѣмъ, что наконецъ добыли епископа, имѣютъ наконецъ святителя и архипастыря. «Нельзя теперь про насъ сказать, что церковь наша хрома: всѣ три чина имѣемъ:—и честное діаконство и боголюбивыхъ іереовъ и самого преосвященнаго епископа,» говорили они. Поповъ рукоположенныхъ Епифаніемъ немедленно разослали по городамъ и волостямъ,—разумѣется, за хорошія деньги, данныя за то общинами старообрядцевъ, — и крѣпко надѣялись все старообрядство такимъ средствомъ подчинить своему вліянію и власти. Одного попа повезъ въ Москву самъ Варлаамъ Казанскій, имѣвшій большой вѣсъ у тамошнихъ старообрядцевъ. Игуменъ Власій со всѣмъ соборомъ вѣтковскимъ приговорили, чтобы Варлаамъ утвердилъ всѣхъ московскихъ старообрядцевъ въ правильности архіерейства Епифаніева и подчинивъ такимъ образомъ усиливавшуюся московскую общину Вѣткѣ, пріѣзжалъ какъ можно скорѣй домой, гдѣ Епифаній долженъ былъ хиротонисать его въ епископа. Таково было желаніе и мірянъ Вѣтки, изложенное въ особомъ приговорѣ, зарученномъ многочисленными подписями.

Скучно было Епифанію у старообрядцевъ. Десять лѣтъ онъ уже архіереемъ и почти всѣ десять лѣтъ провелъ въ тюрьмахъ кіевскихъ, московскихъ, въ

Да притомъ еще ранѣе новаго январьскаго 1735 года у Епифанія были уже большіе нелады съ Вѣтковцами и онъ ужъ не служилъ въ Покровской церкви.

петербургской крѣпости, въ Соловкахъ, а потомъ еще годъ и два съ половиной мѣсяца въ пустынькѣ, гдѣ его тоже держали почти какъ колодника. Не лучше ему пришлось и въ самой Вѣткѣ. Онъ былъ совершенно чуждъ раскольниковъ, не только не раздѣлялъ ихъ убѣжденій, но и ставъ во главѣ ихъ, кажется, довольно смутно понималъ изъ-за чего они отдѣлились отъ церкви. Все разъединяло его съ новою его паствой: и образъ жизни, и привычки. Сердце его лежало къ Кіеву, а тутъ долженъ былъ онъ выстаивать длинныя церковныя службы, къ которымъ не привыкъ въ Кіевѣ, вести строгую жизнь и ни подъ какимъ видомъ не давать воли своему веселому, пылкому характеру. Тоска по родственникамъ мучила его; и хотя вѣтковскія дѣвицы, по отзыву самихъ старообрядцевъ, не отличались цѣломудріемъ, а Епифаній былъ охотникъ до женщинъ, но за епископомъ зорко слѣдили сотни глазъ и ему рѣшительно было невозможно завести съ какою-либо вѣтковскою красавицей нѣжныхъ отношеній. А больше всего противны были Епифанію обряды Вѣтковцевъ. Уже былъ онъ принятъ ими въ общеніе, уже служилъ обѣдни и рукополагалъ поповъ, какъ два уніата, жившіе по сосѣдству съ Вѣткой, перешли въ расколъ, и, какъ обливанцы, на основаніи заповѣди Филарета патріарха, перекрещены старообрядческимъ попомъ въ три погруженія. Противно на это было смотрѣть Епифанію. Когда новокрещенные выходили изъ церкви, позвалъ онъ ихъ къ себѣ въ келію и принялся кричать, понося ихъ непотребными словами: «Благочестивое креще-

ніе, говорилъ онъ имъ, отложили, раскольничьимъ крестились во второе. А первое-то вамъ развѣ не крещеніе было?»[1]

И былъ большой соблазнъ отъ того на Вѣткѣ. Пошли объ этомъ слухи и на сторону. «Какой же же это епископъ, говорили міряне, — это не пастырь, а волкъ.» Много журили вѣтковскіе отцы своего епископа за такую выходку. Епифаній отмалчивался. Отъ того-то и хотѣлось вѣтковскимъ отцамъ, чтобы онъ поскорѣй посвятилъ имъ Варлаама. Тогда бы Богъ съ нимъ, съ Епифаніемъ, дали бы ему денегъ и пустили бы на всѣ четыре стороны: иди куда знаешь, — и зажили бы съ своимъ епископомъ, отъ всей души и всего сердца преданнымъ старому обряду.

Не понравился Епифаній иноку Аѳанасію, древнему старцу, жившему въ Вѣткѣ съ первыхъ годовъ ея существованія. При самомъ заведеніи Вѣтки былъ онъ уставщикомъ, и когда попъ Ѳеодосій освящалъ Покровскую церковь, онъ надписывалъ антиминсъ старицы Меланіи. Больше сорока лѣтъ былъ Аѳанасій уставщикомъ, зналъ правила и уставы лучше всѣхъ, строго наблюдалъ за совершеніемъ «уставной службы» въ вѣтковской церкви и теперь, на старости лѣтъ, увидя какъ старые уставы нарушаются завезеннымъ на Вѣтку епископомъ, много спорилъ, много ссорился съ игуменомъ и отцами и, не стерпя больше «злочинія церковнаго», ушелъ изъ Вѣтки въ Россію. Аѳа-

[1] Іона Курносый.

насій пробрался въ Москву, гдѣ Варлаамъ Казанскій утверждалъ тогда старообрядцевъ въ правильности Епифаніева епископства. И въ Москвѣ, и въ Гуслицахъ[1] ходилъ старецъ Аѳанасій изъ дома и въ домъ и разказывалъ старообрядцамъ что̀ дѣется на Вѣткѣ съ того дня, какъ владыкою тамошнимъ учинился Епифаній. Онъ утвердительно называлъ его «вѣдомымъ обливанцемъ»; много говорилъ и противъ Варлаама Казанскаго, главнаго поборника Епифаніева, ходившаго съ попомъ его поставленія. «Блюдитеся, говорилъ старецъ, блюдитеся опасно ихъ, яко не сущимъ попамъ имъ, но волкамъ.» А Варлаама знали и почитали въ Москвѣ очень многіе, знали его и по городамъ околомосковнымъ и по волостямъ. Вездѣ у него было много духовныхъ дѣтей и его очень уважали за строгую, подвижническую жизнь, за горячую преданность старымъ обрядамъ и «древлему благочестію,» за его слово учительное, «преизящно философіею и мудростію христіанскою украшенное.» Ходя съ Епифаніевымъ попомъ изъ дома въ домъ, ночуя то тамъ, то тутъ, онъ каждое утро, возставъ отъ сна, и каждый вечеръ, ложась спать, по молитвѣ, сначала самъ благословлялъ своего спутника, а потомъ отъ него принималъ благословеніе. И дѣлалъ это всегда такъ, чтобы всѣ ви-

---

[1] Гуслицы или Гуслицкая волость, въ Богородскомъ уѣздѣ Московской губерніи, почти сплошь населенная раскольниками поповщинскаго толка.

дѣли и не сомнѣвались бы о попѣ Епифаніева рукоположенія: такой же де онъ, какъ и я, попъ. Служа всенощныя и молебны по домамъ старообрядцевъ, Варлаамъ всегда на ектеніяхъ поминалъ епископа Епифанія, и если кто изъ его духовныхъ дѣтей изъявлялъ хоть малѣйшее сомнѣніе въ правильности Епифаніева архіерейства, тому онъ съ яростію говаривалъ: «проклятъ тотъ буди, кто изъ сыновъ моихъ духовныхъ и дщерей къ Епифаніевымъ ставленнымъ попамъ не пойдетъ подъ руку и на духъ! Богъ благословитъ! Мы рачимъ и стараемся, чтобы священство умножить и благочестіе расплодить, а вы мятежъ чините!» Но какъ ни великъ былъ авторитетъ Варлаама, а много въ Москвѣ и въ Гуслицахъ явилось сомнѣвающихся въ Епифаніи. Стали толковать ужь и о томъ: «да ужь сохранилось ли древлее благочестіе на Вѣткѣ, не пошли ли старообрядцы за рубежомъ широкимъ путемъ никоніанства?» А это все уставщикъ Аѳанасій разсѣевалъ сомнѣнія. Не мало употребили московскіе и гуслицкіе старообрядцы денегъ на то, чтобы собрать подъ секретомъ самыя точныя справки объ Епифаніи въ синодальной конторѣ и списать копіи со всѣхъ дѣлъ о немъ производившихся. Нашли, что дѣйствительно онъ посвященъ ясскимъ митрополитомъ въ епископы, а обливанъ онъ или крещенъ въ три погруженія, того доискаться не могли, а между тѣмъ молва, что Епифаній обливанецъ, росла болѣе и болѣе. А распускалъ ее все-таки тотъ же Аѳанасій.

Разъ въ Гуслицахъ призвалъ Варлаамъ Аѳанасія къ себѣ на квартиру, Аѳанасій не ухоронился, пришелъ.

— Какъ ты смѣешь, закричалъ Варлаамъ, — учить моихъ дѣтей духовныхъ, чтобы не ходили они къ попамъ Епифаніевымъ? Какъ ты смѣешь ихъ волками нарицать?

— Волки они и есть, смиренно, но рѣшительно отвѣчалъ Аѳанасій.

Пылкій Варлаамъ не вытерпѣлъ, схватилъ палку и началъ колотить сѣдаго, дряхлаго старика. И билъ его сколько хотѣлось. Аѳанасій, по иноческому смиренію, не защищался отъ ударовъ, но какъ ни горячился, лютуя надъ нимъ Варлаамъ, Аѳанасій кротко, но громко, одно говорилъ:

— Волки они, а не пастыри стада Христова, и Епифаній-обливанецъ такой же волкъ!

Были свидѣтели этого происшествія. Слухъ о побояхъ, претерпѣнныхъ престарѣлымъ вѣтковскимъ уставщикомъ отъ дюжей руки Варлаама Казанскаго, распространился по Москвѣ и во всей Гуслицкой волости. Пали вѣсти о томъ и на Вѣтку. Нигдѣ не хвалили Варлаама, и еще сильнѣе пошло сомнѣніе въ правильности Епифаніева архіерейства. На Вѣткѣ также произошелъ большой раздоръ изъ-за него. Мы уже сказали, что пріемъ Епифанія былъ дѣломъ поповъ и монаховъ; міряне мало принимали въ немъ участія. Теперь, когда пошли слухи объ его обливанствѣ, о томъ что онъ не настоящій архіерей, не такой какой имъ требуется, міряне заволновались. Поступокъ Епифанія съ уніатами (быть можетъ и дѣйствительно Епифаній на

тотъ разъ выпилъ лишнюю чарку горѣлки, какъ старались оправдать его отцы предъ мірянами) увеличилъ ропотъ волненія и раздоры. Во главѣ враговъ Епифанія сталъ нѣкто Заверткинъ, крѣпкій ревнитель «древляго благочестія», бѣжавшій за рубежъ съ Уральскихъ заводовъ, куда пришелъ съ Керженца, другъ и почитатель Аѳанасія уставщика. Онъ всенародно порицалъ Епифанія, называя самый пріемъ его великимъ соблазномъ для всей старообрядческой церкви и браня вѣтковскихъ отцовъ, еще державшихъ сторону своего епископа. Онъ и другіе міряне укоряли Власія и соборныхъ старцевъ за то, что они такого волка пустили въ стадо Христово, твердо пребывавшее дотолѣ въ «древлемъ благочестіи». Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе народа стало чуждаться Епифанія, а рукоположенныхъ отъ него поповъ и діаконовъ не пускали близко и къ домамъ своимъ, и стали отбирать у нихъ, даже силою, данныя имъ отъ Епифанія ставленныя грамоты. Были и такіе міряне, которые преданы были Епифанію. «И бысть, говоритъ Іона Курносый, мятежъ и молва на Вѣткѣ не мала: сталось раздѣленіе между собою у нихъ даже до драки.» Сойдутся бывало противники на улицѣ; одни станутъ похвалять Епифанія и хвастаться тѣмъ, сколь великую славу получило мѣсто ихъ, богоспасаемая Вѣтка, отъ водворенія въ ней епископа, а принадлежавшіе къ совѣту Заверткина пойдутъ спорить и укорять ихъ, говоря, что Епифаній обливанецъ и сущій еретикъ, не пастырь добрый, а евангельскій волкъ въ овчей шкурѣ. Пойдутъ споры, книги изъ домовъ вытащатъ, отъ

писанія доказательства каждый свои читаетъ, а толпа увеличивается, и словопреніе обыкновенно оканчивалось тѣмъ, что спорщики примутся въ кулаки да за дубины и пойдетъ свалка и бой. Бывали и тяжкія увѣчья, даже смертоубійства изъ-за Епифанія. И день за день таково было на Вѣткѣ. Епифаній пересталъ служить, ибо Заверткинъ и его сообщники громко кричали на улицахъ: «за волосы его, пса, вытащу изъ святаго алтаря, убью до смерти, только смѣй онъ служить.»

Нѣкоторые изъ братіи, особенно же казначей Павелъ, сами стали сомнѣваться въ искренности перехода въ старую вѣру Епифанія и въ томъ, что онъ крещенъ правильнымъ крещеніемъ, и стали сознавать вины свои, говоря, что не дѣло сдѣлали, съ такими хлопотами, съ такими издержками добывъ себѣ не хорошаго епископа. Епифаній сидѣлъ въ своей кельѣ, какъ заточенникъ, пилъ и перебранивался, но всегда съ обычнымъ своимъ добродушіемъ.

По старообрядческимъ общинамъ въ Великой Россіи тоже не мало было споровъ и толковъ, по поводу Епифаніева архіерейства. Керженецъ, Казань, Поволжье, Демидовскіе заводы еще болѣе утвердились «въ своемъ противленіи новопреданному архіерейству».. Въ Москвѣ и въ Гуслицахъ произошло большое раздѣленіе, и съ каждымъ днемъ рѣдѣли ряды людей, бывшихъ сначала за Епифанія. Варлаамъ, побивъ Аѳанасія, много потерялъ авторитета. Тверь, Торжокъ и Ржевъ были совер-

шенно равнодушны къ дѣлу. Стародубье почти поголовно отступилось отъ Епифанія.

Вѣтковскіе отцы лучше другихъ, отдаленныхъ отъ нихъ, одновѣрцевъ, знали поведеніе своего епископа. Но чтобы не погрѣшить, рѣшились они предварительно искусить своего архипастыря« Главное, хотѣлось имъ вывѣдать отъ него: обливанъ онъ или въ три погруженія крещенъ; еще хотѣлось имъ узнать, искренно ли онъ принялъ старообрядство и не держится ли въ тайнѣ никоніанства, исполняетъ ли установленные посты, келейное правило и другіе уставы Хотя они, послѣ соблазнительнаго поступка Епифанія съ уніатами, послѣ ропота міранъ и укоровъ Заверткина съ товарищами, значительно охладѣли къ Епифанію, но совершенно отступиться отъ него и торжественно, передъ всѣмъ народомъ, сознаться въ винѣ своей, въ той опрометчивости, съ которою они приняли его къ себѣ за архипастыря, рѣшились не прежде, какъ по совершенномъ увѣреніи въ томъ, что онъ дѣйствительно обливанецъ, или что не исполняетъ положенныхъ правилъ принятаго имъ старообрядчества. Призвалъ къ себѣ казначей Павелъ Епифаніева келейника и говоритъ ему.

— Искуси ты его не пожелаетъ ли курочки ясти.

Келейникъ, истый Вѣтковецъ, принялся за искушеніе. Говоритъ однажды онъ сидѣвшему какъ въ темницѣ, воли и власти не имѣющему, епископу, и крѣпко разболѣвшемуся:

— Неможешь ты, святый владыко, все хвораешь, худо кушаешь. Не желаешь ли курочки жареной?

— Свѣдаютъ ваши, грустно отвѣчалъ Епифаній, — крамолить будутъ. Вѣдь у васъ епископы не вкушаютъ....

— Я не монахъ, а бѣлецъ, отвѣчалъ келейникъ; мнѣ можно ѣсть курочку. Повели, владыко святый, я, пожалуй, припасу, какъ бы про себя, а ты и покушай.

Лакомый епископъ охотно согласился на предложеніе келейника. Давно не ѣдалъ онъ вкусной пищи. Келейникъ такъ и сдѣлалъ, какъ говорилъ. Ожаривши монастырскую курочку, подалъ на столъ епископу; но въ то самое время когда Епифаній занялся запретнымъ блюдомъ, по знаку, не примѣтно для него, данному искусителемъ-келейникомъ, вошли одинъ за однимъ казначей Павелъ съ другими старцами. Вошли, посмотрѣли, и слова не сказавъ, пошли вонъ изъ кельи, будто за надобностію какою приходили, да не во время. А Епифаній, какъ скоро они ушли, пеняетъ келейнику.

— Чтобы тебѣ дверь-то запереть, а ты не заперъ.

А келейникъ его, какъ малаго ребенка, уговариваетъ:

— Ничего, владыко святый. Ты, вѣдь, больше ихъ—они тебѣ не указъ.

Епифаній согласился съ келейникомъ.

Казначей Павелъ съ прочими свидѣтелями соблазнительной трапезы вѣтковскаго епископа не пустили дѣла въ огласку. Имъ нужнѣе всего было то, чтобы навѣрное узнать, обливанъ Епифаній или погруженъ, и дѣйствительно ли онъ привер-

женъ къ старообрядству. Дали келейнику, которому добродушный епископъ совершенно ввѣрился, новое наставленіе.

Однажды Епифаній, здоровье котораго таяло какъ свѣчка, сидѣлъ грустный, задумчивый. Подошелъ къ нему келейникъ.

— А что, владыко святый, спрашиваетъ, — есть ли у тебя родственники въ Кіевѣ?

Этотъ вопросъ за живое тронулъ Епифанія. У него вся душа была въ родныхъ. Сердце у него было доброе и довѣрчивое, и пустился онъ въ откровенные разговоры съ келейникомъ.

— Есть же, кажю, отвѣчалъ онъ со вздохомъ, — есть племянники и внучата есть...

На то келейникъ ему:

— Худое тебѣ житье здѣсь владыко. Не взлюбили тебя и попы и старцы.

— И самъ я вижу, что не взлюбили, отвѣчалъ Епифаній, — и что дѣлать право не знаю и не придумаю.

— Да напиши ты къ своимъ письма, сказалъ келейникъ, — увѣдомь о себѣ, что живъ. Они о тебѣ обрадуются и попекутся о тебѣ.

Простъ онъ былъ человѣкъ, замѣчаетъ, передавая этотъ разговоръ, Іона Курносый; повѣрилъ келейнику. Сейчасъ же сѣлъ за столъ и сталъ писать письмо. Написавъ, говоритъ:

— Я, кажю, написалъ, да съ кѣмъ же пошлю?

— Повѣрь мнѣ, владыко, письмо твое, сказалъ келейникъ, — я добрыхъ людей отыщу.

Довѣрчивый, простодушный Епифаній отдалъ письмо, а келейникъ прямо его къ казначею Павлу.

Читаютъ вѣтковскіе отцы письмо Епифанія. Пишетъ онъ, «какъ раскольники его обольстили, и какъ разбоемъ на пути отнятъ, и какъ въ Польшу его препроводили, и привезли до своихъ *еретическихъ вертеповъ*, гдѣ церковь ихъ и раскольническій монастырь и слобода жителей раскольниковъ. Учинили меня раскольники епископомъ, и поставилъ имъ по ихъ просьбѣ двѣнадцать поповъ и шесть дьяконовъ, чего душа моя раскольниковъ изъ младенчества ненавидѣла. Они же меня и возненавидѣли и держатъ подъ карауломъ. И не иное что помышляю себѣ отъ нихъ токмо какъ смерти.»[1]

Тогда на Вѣткѣ и послѣдніе оставшіеся у Епифанія сторонники отступились отъ него. Но нашлись благопріятели въ иномъ мѣстѣ.

Неподалеку отъ Вѣтки было мѣстечко (нынѣ уѣздный городъ) Гомель, населенное тоже русскими выходцами, раскольниками. Гомельскіе старообрядцы и числительностію, и богатствомъ, и связями превосходили вѣтковскихъ, но Вѣтка все-таки была какъ бы столицей всего старообрядства, ибо въ ней въ одной была церковь, въ ней одной служилась обѣдня. Пребываніе при ней архіерея еще болѣе возвысило эту слободу, и Гомелю, при всемъ богатствѣ, невозможно было съ нею соперничать. Завидуя Вѣткѣ и не будучи очевидцами соблазновъ, которые тамъ производилъ Епифаній, но

[1] Іона Курносый.

узнавъ объ охлажденіи къ нему Вѣтковцевъ, міряне Гомеля предложили ему переселиться къ нимъ. Епифаній съ радостью согласился. Построили они деревянную церковь, во всемъ подобную вѣтковской; Епифаніевы попы освятили ее во имя Преображенія Господня; а Епифаній, еще до размолвки съ вѣтковскими отцами освятившій нѣсколько антиминсовъ, послалъ одинъ для гомельской церкви[1]. Когда вѣтковскіе міряне стали чуждаться поповъ и дьяконовъ Епифаніева рукоположенія, гомельскіе жители приняли ихъ всѣхъ и рѣшились во что бы то ни стало сдѣлать свою Преображенскую церковь каѳедральнымъ соборомъ старооб-

[1] Іона Курносый. Онъ въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія говоритъ, что самъ Епифаній святилъ эту церковь, а въ другомъ, что Епифанію некогда было освятить ее, а святили Варлаамъ Казанскій съ попами Епифаніева поставленія. Послѣднее извѣстіе болѣе сообразно съ ходомъ дѣла. Послѣ первой выгонки зарубежныхъ раскольниковъ гомельская церковь (1735) была перевезена въ Стародубьѣ, но не потонула, какъ вѣтковская, ибо стрóена была не изъ дуба. Объ этомъ Іона Курносый такъ разказываетъ: «Ону церковь сломаше, по совѣту неправильныхъ поповъ своихъ (то-есть Епифаніемъ рукоположенныхъ), Іоакима и священно-инока Матвѣя, склавше плотами, по той же рѣцѣ (Сожу) приплавивше къ слободѣ, поставиша, какъ и на мѣстѣ стояла. И приспѣвшу времени священія, Іоакимъ попъ повелѣ священи сыну своему духовному Матвѣю. Онъ собравъ соборъ отъ обливанцевъ Епифаніева согласія, какъ и онъ Матвѣй, и съ ними оную церковь освятилъ и сталъ въ ней служить и пречистыя тайны совершать.» Поставлена была эта церковь въ двухъ верстахъ отъ слободы Клинцовъ.

рядческаго епископа. И усиленнѣе прежняго звали Епифанія къ себѣ. Но Вѣтка не давала его, ибо не дешево ей стоилъ Епифаній. Гомельскіе жители хотѣли купить у Вѣтковцевъ архіерея и денегъ не жалѣли, но Вѣтковцы не брали никакихъ тысячъ за Епифанія, предвидя, что въ случаѣ пріобрѣтенія Гомельцами епископа, много убавится блеска вѣтковской церкви.

— Да отдайте же намъ епископа Епифанія, когда онъ вамъ не надобенъ, говорили гомельскіе старообрядцы.

— Не отдадимъ. Онъ ваши души опоганитъ, потому что онъ обливанецъ. Погибните вы душами вашими, когда его возьмете, отвѣчали Вѣтковцы.

— Не ваше дѣло; коли грѣхъ, такъ тотъ грѣхъ на насъ будетъ. Отдайте Епифанія и берите что хотите.

— Не надо намъ никакихъ тысячъ, стояли на своемъ Вѣтковцы,—а Епифанія-обливанца не отдадимъ, грѣха на себя не примемъ: соблазна въ васъ не усилимъ, сказано бо въ Св. писаніе: «горе тому человѣку, имъ же соблазнъ въ міръ придетъ; унѣе тому человѣку да обѣсится камень жерновый о выю его и ввերзится въ море.» И подъ такою клятвою самого Господа нашего Іисуса Христа быть мы не хотимъ и обливанца еретика вамъ въ пастыри не отдадимъ.

И много было ссоры, много было раздора и крамолы между вѣтковскими и гомельскими старообрядцами; нерѣдко бывали между ними и драки. Священнодѣйствовавшіе въ гомельской Преображенской церкви попы, особенно же бѣлый Іоакимъ и

черный Матвѣй, оба рукоположенные Епифаніемъ, стали во главѣ Гомельцевъ. Пріѣхавъ изъ Москвы, Варлаамъ Казанскій много уговаривалъ Вѣтковцевъ отдать Епифанія Гомельцамъ, когда имъ не угоденъ. Вѣтковцы и слушать не хотѣли. Тогда гомельскіе слобожане, желая чтобы въ наступающій великій четвертокъ (3 апрѣля) Епифаній сварилъ въ ихъ церкви муро, собрались въ вербное воскресенье (30 марта) и пошли къ Вѣткѣ—вооруженною рукою добывать муроварителя.

Но дѣло вдругъ приняло неожиданный оборотъ. Апрѣля 1 1735 не стало ни Вѣтки, ни Гомеля, ни епископа Епифанія....

Мы уже сказали, что лѣтомъ 1734 года, когда непринятый еще въ старообрядчество, Епифаній проживалъ въ пустынькѣ, онъ, стосковавшись по горячо любимымъ племянникамъ и внучатамъ, писалъ къ нимъ въ Кіевъ письмо. Въ это письмо вложилъ онъ другія два: одно къ старинному своему пріятелю, духовнику софійской каѳедры, Іакову, другое къ самому Рафаилу, тогдашнему архіепископу кіевскому. Епифаній, кажется, не сознавалъ вполнѣ своей виновности ни передъ церковью, ни передъ правительствомъ, и писалъ эти письма, прося взять его отъ раскольниковъ и поставляя условіемъ, чтобъ ему «при софійской каѳедрѣ житіе имѣть свободное, попрежнему» (то-есть какъ было до перваго побѣга его въ 1724 году)... Съ кѣмъ и какъ отправилъ онъ эти письма, мы не знаемъ, но, не получая на нихъ долго отвѣта, онъ, наконецъ, въ августѣ принялъ старообрядство, ставилъ по-

повъ, святилъ мvро и антиминсы и, разумѣется, не сказывалъ никому про посланныя письма. А дѣло по поводу ихъ въ Кіевѣ и въ Петербургѣ шло своимъ обычнымъ чередомъ. «Невѣдомый человѣкъ», то-есть по всей вѣроятности, племянникъ или внукъ Епифанія, подалъ письма духовнику Іакову, а духовникъ архіепископу, 12 іюля 1734 года. Черезъ два мѣсяца, 18 сентября, Рафаилъ донесъ объ этомъ синоду, и потомъ, вслѣдствіе синодскаго указа, писалъ къ Епифанію письмо и звалъ къ себѣ въ Кіевъ. Это было уже въ началѣ 1735 года. Черезъ кого кіевскій архіепископъ пересылался съ старообрядческимъ вѣтковскимъ епископомъ, и получилъ ли даже послѣдній письмо отъ Рафаила, не знаемъ; но извѣстно, что Епифанію никакъ не удавалось, по приказу Рафаила, секретно уйдти отъ старообрядцевъ. Въ это время изъ-за него разгорѣлась вражда между Вѣткой и Гомелемъ, и Вѣтковцы держали несчастнаго Епифанія въ кельѣ, какъ въ тюрьмѣ, уже совсѣмъ безвыходно. Хотя и не знали они, что Епифаній хочетъ бѣжать въ Кіевъ, но крѣпко боялись, чтобъ онъ не ушелъ въ Гомель.

Когда въ Петербургѣ узнали о пребываніи Епифанія на Вѣткѣ, правительство Анны Ивановны озаботилось не столько о «колодникѣ Епифаніи, скраденномъ воровскими людьми въ Коломинскомъ лѣсу,» не столько о томъ, что у старообрядцевъ явился наконецъ давно желанный ими архіерей, сколько о зарубежныхъ раскольническихъ поселеніяхъ. Уже нѣсколько лѣтъ знали въ Петербургѣ, что въ однихъ слободахъ Вѣтковскихъ живетъ бо-

лѣе 40.000 бѣглыхъ русскихъ людей, и сверхъ того заселены такими же бѣглыми старообрядцами слободы въ Кіевскомъ воеводствѣ по рѣкѣ Припети [1], на Волыни въ окрестностяхъ Житоміра и Новгорода Волынскаго, [2] въ Подоліи по берегамъ рѣкъ Буга [3] и Днѣстра [4] и даже въ Бессарабіи и Молдавіи. Не столько политическія, сколько экономическія соображенія побудили русское правительство внимательнѣе заняться этимъ дѣломъ. Еще въ 1733 году именемъ императрицы Анны Ивановны было объявлено зарубежнымъ раскольникамъ, чтобъ они возвращались въ Россію безбоязненно, что государыня вины ихъ имъ отдаетъ и ихъ совершенно прощаетъ. Но ни одинъ изъ зарубежныхъ старообрядцевъ не воспользовался этимъ приглашеніемъ; напротивъ, многіе изъ старообрядцевъ, жившихъ въ Россіи, избѣгая тяжелыхъ податей и частыхъ рекрутскихъ наборовъ, значительными толпами устремились за границу. Въ 1734 году приглашеніе было повторено, но также безуспѣшно. Тогда рѣшено было принять самыя энергическія мѣры относительно вѣтковскихъ слободъ и, во чтò бы то не стало, возвратить бѣжавшихъ туда на родину.

---

[1] Черноболь, Замоштье, Красиловка.

[2] Роговка, Ягоденка, Желѣзняки, Пилипы, Коровницы.

[3] Слобода Борская, Курникъ, Краснянка, Ефимовка, Перепеличье, Чернятинъ, Жуковцы, Петроши, Женишковцы, Людовка, Матвѣйковская, Пеньковка, Бушинка, Сорокодубье, Шуры.

[4] Ставучаны, Хребтовка или Хребтѣева, Хилипоны, Кулишовка, Грубное, Вѣтрянка, Чобурчи.

Польша въ это время давно уже отжила красные дни свои и быстро клонилась къ паденію, раздираемая внутренними междуусобіями. Политическія обстоятельства благопріятствовали правительству Анны Ивановны: въ 1733 году умеръ польскій король Августъ II и начались обычные шляхетскіе рокоши и усобицы въ Рѣчи Посполитой, по случаю избранія новаго короля. Для поддержанія кандидатства саксонскаго курфирста Августа противъ Станислава Лещинскаго, поддерживаемаго Франціей, императрица послала въ Польшу русскія войска подъ командою фельдмаршала Ласси. Русскіе заняли самую Варшаву, наше войско стояло и въ Литвѣ, и въ Польшѣ, и русское правительство распоряжалось за литовскимъ рубежомъ какъ у себя дома. Не считали нужнымъ и входить въ какія-либо дипломатическія сношенія: просто велѣли полковнику Якову Григорьевичу Сытину, стоявшему съ своимъ драгунскимъ полкомъ въ Стародубьѣ, — «очистить Вѣтку», для чего и дали ему подъ команду отрядъ, состоящій изъ пяти полковъ.[1] Съ ними, въ февралѣ 1735 года, Сытинъ перешелъ границу. Это никого не удивило: ни коренныхъ жителей Бѣлорусскаго края, ни раскольниковъ.

Московскіе старообрядцы предостерегали Вѣтковцевъ. Но на Вѣткѣ не всѣ послушались этихъ предостереженій. Впрочемъ, многіе ушли далѣе: на Волынь, въ Подолію и даже въ Молдовлахію. Фев-

---

[1] Драгунскій, два казацкихъ и два тысячныхъ: Стародубскій и Черниговскій.

раль и мартъ полки Сытина переходили вокругъ Вѣтковскихъ слободъ изъ селенія въ селеніе, а въ этихъ слободахъ никто и не догадывался, что опасность дѣйсгвительно близка и неизбѣжна. Полки окружаютъ наконецъ слободы со всѣхъ сторонъ, а между Вѣткой и Гомелемъ идутъ ссоры и драки изъ-за Епифанія, а самъ виновникъ этихъ ссоръ, больной, измученный душевною пыткой, сидитъ взаперти и ждетъ не дождется какъ бы убраться куда-нибудь изъ Вѣтки.

Марта 30-го, гомельскіе жители, какъ уже сказано, пошли на Вѣтку отбивать вооруженною рукой для своей церкви святителя Епифанія. Но дорогой видятъ они на другой день, что полки Сытина со всѣхъ окружныхъ мѣстъ двинулись и идутъ на Вѣтку и на другія слободы. Спрашиваетъ гомельская рать у солдатъ: куда они идутъ? — «Походъ сказанъ, въ Бѣлую Церковь,» отвѣчаютъ солдаты. Походъ, въ Бѣлую Церковь, дѣйствительно былъ, нарочно невѣрно, объявленъ солдатамъ, чтобъ они не разболтали настоящей цѣли похода. А Сытину надо было отвлечь вниманіе раскольниковъ, и затѣмъ внезапно и разомъ окружить слободы, чтобы въ расплохъ захватить всѣхъ слобожанъ безъ изъятія. Гомельцы, однако, видно, догадались къ чему идетъ дѣло и воротились домой. Рано утромъ 1 апрѣля Вѣтка была окружена войсками. Къ Покровской церкви и къ монастырю приставили караулы, отцовъ привели къ Сытину. Епифаній былъ въ числѣ ихъ.

— Гдѣ вашъ епископъ? строго спросилъ командиръ у отцовъ вѣтковскихъ.

Они указали на Епифанія. А этотъ стоитъ ни живъ ни мертвъ, не понимая что̀ вокругъ него дѣлается. Сытинъ подошелъ къ Епифанію подъ благословеніе и сказалъ:

— Ты не бойся, преосвященный, государыня послала насъ тебя выручить.

Епифаній ожилъ. Радостью загорѣлись его живые, черные глаза. Перекрестился онъ и сказалъ, съ низкимъ поклономъ Сытину:

— Слава Богу! Благодарю нашу всемилостивѣйшую государыню и въ вѣкъ долженъ за нее Бога молить.

Отцовъ разсадили по кельямъ подъ караулъ, а Епифанію дали нѣкоторую свободу и обращались съ нимъ почтительно, какъ съ дѣйствительнымъ архіереемъ.

Когда разсвѣло, вошелъ Сытинъ въ Покровскую церковь и велѣлъ выносить книги и записывать число ихъ, а также образа, ризы, сосуды, снялъ съ колокольни колокола и запечаталъ церковь [1]. Всего въ слободахъ захватилъ онъ сорокъ тысячъ народа Такимъ образомъ совершилась *первая вѣтковская выгонка.*

Епифаній былъ крѣпко нездоровъ. У него, какъ ужь было сказано, развилась водяная болѣзнь. Съ конвоемъ, состоявшимъ изъ драгунъ, подъ командой поручика, отправили его въ Кіевъ, но имущество осталось на Вѣткѣ: 250 рублей денегъ, одежда раз-

[1] Іона Курносый.

ная, серебра на 300 рублей, саккосъ, омофоръ, митра. Дорогой обращались съ нимъ хорошо, поручикъ и солдаты называли его не иначе какъ преосвященнымъ; вообще были внимательны къ нему, предупредительны. Поручикъ былъ особенно почтителенъ къ Епифанію; по всей вѣроятности, онъ и не зналъ, что сопровождаетъ лишеннаго сана іеромонаха и считалъ его за дѣйствительнаго архіерея. Добродушный Епифаній искренно полюбилъ поручика, и дорогой, откровенно разговаривая съ нимъ о своемъ житьѣ-бытьѣ у раскольниковъ, со слезами благодарилъ императрицу за то, что приказала она его выручить, по его выраженію изъ того вертепа, въ которомъ былъ онъ два года, яко Даніилъ во рвѣ львиномъ. Бѣднякъ былъ и въ самомъ дѣлѣ увѣренъ, что войска приходили въ Вѣтковскія слободы единственно для его выручки. Въ первыхъ числахъ мая привезъ его поручикъ въ Кіевъ. Здѣсь Епифанія посадили въ крѣпость. Тутъ только увидалъ онъ, что не жить ему свободно при софійской каѳедрѣ, на что онъ такъ сильно надѣялся. Такое разочарованіе до того потрясло больнаго старика, что онъ слегъ въ постель и уже не вставалъ. Мая 31-го написалъ онъ письмо къ архіепископу Рафаилу. Говоря что чувствуетъ приближеніе смертнаго часа, Епифаній просилъ прислать къ нему духовника. Его исповѣдали, пріобщили и на другой день онъ умеръ. Такъ кончилась многомятежная жизнь Епифанія, исходившаго русскую землю отъ Дуная до Бѣлаго моря и пересидѣвшаго въ десяти тюрьмахъ, не считая пустыньки и Вѣтки.

Умирая, онъ все просилъ, чтобы взять оставшееся у него на Вѣткѣ имущество и отдать его племянникамъ и внукамъ. Добрый старикъ не позабылъ и приласкавшаго его дорогой поручика. У него ничего не было въ крѣпости, кромѣ пуховыхъ подушекъ. Онъ завѣщалъ ихъ офицеру [1].

Епифанія схоронили возлѣ церкви Св. Θеодосія въ Кіевопечерской крѣпости. Отпѣвали какъ мірскаго человѣка.

Варлаамъ Казанскій, самый горячій, самый ревностный защитникъ Епифанія, остался вѣренъ ему и по смерти. Будучи высланъ въ Россію, онъ поселился съ попами Епифаніева поставленія и съ большею частію гомельскихъ приверженцевъ покойнаго въ слободѣ Клинцахъ. [2] Сюда перевезли они гомельскую Преображенскую церковь и въ двухъ верстахъ отъ слободы, рядомъ съ нею, поставили другую во имя Николая Чудотворца. При этихъ церквахъ устроили старообрядческій Николо-Пустынскій монастырь, существовавшій до пятидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Варлаамъ клятвенно всѣхъ увѣрялъ, что Епифаній старообрядство принялъ искренно и въ немъ умеръ, не принявъ передъ смертію православнаго священника [3]. То же проповѣдывали и попы Епифаніева поставленія, Іоакимъ и Матвѣй. Послѣдній былъ настоятелемъ Николо-Пустынскаго

---

[1] Іона Курносый и указъ синода къ Рафаилу 21 Іюля 1735 года.

[2] Нынѣ Клинцовскій посадъ Черниговской губерніи

[3] Іона Курносый.

монастыря. Они пѣвали по Епифаніи паннихиды, какъ по епископѣ «древляго благочестія», и даже распускали молву, будто онъ принялъ кончину мученическую, крѣпко стоя за старую вѣру Скоро огласили его святымъ и начали ходить въ Кіевъ на поклоненіе его могилѣ. Варлаамъ жилъ не болѣе года въ Стародубьѣ. Когда узнали о его прошломъ и о томъ какое значеніе имѣетъ онъ у раскольниковъ, его арестовали и по опредѣленію синода, 11 Февраля 1737 года, отправили въ заточеніе въ Нижегородскій Печерскій монастырь, гдѣ онъ и умеръ.

Попы Іоакимъ, Матвѣй и другіе, поставленные Епифаніемъ, продолжали священнодѣйствовать въ Клинцахъ. Въ этомъ посадѣ число принимавшихъ правильность Епифаніева архіерейства до того было значительно, что въ 1789 году они выстроили въ посадѣ еще церковь Михаила Архангела, которую и освятилъ, 10 февраля, бѣглый отъ великороссійской церкви попъ Данило Воскобойниковъ [1]. Попъ Епифаніева поставленія, Іаковъ, дожилъ въ Клинцахъ до 1790 года. Онъ былъ послѣднимъ.

Почитавшіе за свято память Епифанія и принимавшіе поповъ его рукоположенія въ XVIII столѣтіи были извѣстны подъ именемъ *епифановщины* [2],

---

[1] Андрея Іоаннова Журавлева ***Историческое извѣстіе о раскольникахъ***, стр. 337.

[2]. Монастырь епифановщины, Николо-Пустынскій, существовалъ до послѣдняго времени, но уже находился въ самомъ жалкомъ состояніи. Вотъ что писалъ о немъ извѣстный ученый статистикъ нашъ К. И. Арсеньевъ, въ 1850 году обозрѣвавшій стародубскіе старообрядческіе

гдѣ образовалось ихъ средоточіе. Не мало ихъ было въ возобновленной Вѣткѣ и другихъ зарубежныхъ мѣстахъ, были въ Москвѣ и въ Гуслицахъ. Явились они даже и на Керженцѣ, гдѣ при жизни Епифанія и слышать о немъ не хотѣли. Въ Никаноріной обители Оленевскаго скита (Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи), уничтоженной въ 1853 году, до послѣдняго дня существованія этой обители, свято сохранялась память Епифанія, и его имя было записано въ синодикахъ рядомъ съ именемъ Павла Коломенскаго. Такіе синодики случалось намъ видѣть и у нѣкоторыхъ старообрядцевъ Владимірской, Московской и Черниговской губерній.

Въ настоящее время, когда возникла въ Бѣлой Криницѣ старообрядческая іерархія, извѣстная болѣе подъ именемъ *австрійства*, добрая память о добродушномъ Епифаніи возстановлена во мнѣніи всѣхъ принявшихъ эту новую іерархію. Они не хо-

---

монастыри: «Монастырь Никольскій, въ 2 верстахъ отъ Клинцовъ, не пользуется никакимъ уваженіемъ окрестныхъ жителей: въ немъ живетъ 6 монаховъ и 12 бѣльцовъ, дряхлыхъ и увѣчныхъ отъ 60 до 90 лѣтъ, одинъ только инокъ 46 лѣтъ и обличенъ въ блудной жизни и прижитіи дѣтей, другой, казначей монастыря, обманываетъ убогихъ стариковъ и употребляетъ монастырскіе доходы преимущественно на свое семейство въ посадѣ Клинцахъ. Монастырь этотъ походитъ болѣе на богадѣльню, чѣмъ на обитель иноковъ.» Любопытная записка К. И. Арсеньева находится въ архивѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ. (Дѣло 1850 года № 140.)

тятъ вѣрить, чтобъ Епифаній тяготился своимъ положеніемъ на Вѣткѣ, чтобъ онъ тайно переписывался съ Кіевомъ, даже съ самимъ архіепископомъ Рафаиломъ, и чтобъ умеръ, возвратившись въ нѣдра православной церкви. Ихъ ни мало не соблазняетъ его обливанство, такъ много смущавшее ихъ прадѣдовъ, они совершенно объ этомъ умалчиваютъ и представляютъ Епифанія великимъ святителемъ, положившимъ душу свою за овцы своя, мученикомъ, страдальцемъ за «древлее благочестіе» и за старый обрядъ. Такъ, напримѣръ, въ новое сочиненіе объ основаніи бѣлокриницкой іерархіи, написанное недавно (въ 1861 году), и уже весьма распространенное между старообрядцами [1], введенъ слѣдующій разсказъ объ Епифаніи. Къ достиженію же сей цѣли (отысканія архіерея) предпринимали разныя средства. Первыя покушенія у нашихъ христіанъ для отысканія епископа были еще въ царствованіе Петра I, для чего они обращались въ Молдавію и Грецію, но безуспѣшно. Потомъ достигли своего желанія. Рукоположенный въ Молдовлахіи ясскимъ митрополитомъ Антоніемъ, въ 1724 г., епископъ Епифаній обратился въ нашу православную вѣру, и по общему всѣхъ вѣтковскихъ христіанъ согласію, принятъ былъ въ Покровскомъ монастырѣ, что на Вѣткѣ, священникомъ Іовомъ, въ

---

[1] *Сказаніе вкратцѣ о первоначальномъ учрежденіи нынѣ существующей въ нашей древлеправославной церкви священной іерархіи и увѣреніе въ дѣйствительности оной сомнѣвающимся.*

лѣто 7232 (1724) (?). И по принятіи, епископъ Епифаній совершилъ божественную литургію и отправлялъ святительскую должность: онъ рукоположилъ до четырнадцати человѣкъ въ священнослужители, то-есть въ попы и дьяконы. Но какъ только разнесся объ этомъ слухъ, то вдругъ на сего православнаго епископа наведено было со стороны правительства строжайшее преслѣдованіе, онъ былъ взятъ и послѣ разныхъ изнурительныхъ послѣдствій скончался въ Кіевѣ. Рукоположенные же имъ священники дѣйствовали даже до конца жизни.»

Не такъ смотрѣли на Епифанія его современники. Въ XVIII столѣтіи значительное большинство старообрядцевъ поповщинскаго толка и въ Россіи и въ зарубежныхъ мѣстахъ ни мало не уважали памяти Епифанія, и въ нѣкоторыхъ раскольническихъ сочиненіяхъ Вѣтка подвергалась сильнымъ укорамъ за принятіе этого епископа[1].

---

[1] Есть у раскольниковъ сочиненіе: *Альфа и Омега въ седмитолковомъ Апокалипсисѣ прореченная, отъ него же нѣчто на исправленіе прорекъ сущимъ во Асіи Малороссійской.* Она написана въ Стародубьѣ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія и заключаетъ въ себѣ обличеніе старообрядцевъ семи слободъ: Клинцовъ, Злынки, Климовой, Зыбкой, Вѣтки, Крупца и Воронка. Здѣсь Епифаній послужилъ поводомъ для укора Вѣткѣ. Вотъ обличеніе ея: «Ангелу вѣтковскія церкви напиши: вѣмъ твоя дѣла, яко ни студенъ еси, ни теплъ, сего ради изблевати тя имамъ, зане *егда держался еси благочестія лавры Кіева* и догматовъ Аввакумовыхъ, то *стяжалъ еси себѣ епископа и владыку и посѣялъ еси, идѣ же не сѣялъ.* Но егда вознесся еси паче Капернаума, то и низпалъ еси, яко же блудни-

Вотъ, напримѣръ, что̀ говорилъ, лѣтъ черезъ пятьдесятъ послѣ Епифанія, Іона Курносый, который можетъ считаться отголоскомъ не только Керженца, гдѣ онъ писалъ свое сочиненіе, но и вообще старообрядцевъ по поповщинѣ, жившихъ въ восточной части Европейской Россіи: «Нынѣшніе епифаняне попы и послѣдующіе имъ, и понынѣ изчезнувшу Епифанію въ отступленіи, вѣру къ нему мертвому душою и тѣломъ, яко аріане Арію, въ проходѣ пораженну, главу въ порты забиту, вѣру храняху, сице епифаняне къ Епифанію. А понеже отцы наши (керженскіе) до пріему Епифаніева вѣтковскихъ поповъ согласія отказашеся и причастія ихъ служенія пріимати отрекошася и во время требованія совѣта къ пріятію Епифанія за епископа отказашася и общимъ совѣтомъ положиша ѣздящимъ въ Москву къ попамъ московскимъ подъ руку ко благословенію не ходити и во время служенія ихъ за службу молитися не ходити, ни съ дѣтьми ихъ духовными ни ясти, ни пити, ни молитися,

---

ца оная вавилонская, отъ вина же ея любодѣянія упишася никоніане и языцы мнози. Но и ты исполнилъ еси мѣру ихъ, чего ради отъята бысть благодать твоя и преселена во обитель Климовскую (намекъ на перенесеніе первой раскольнической Покровской церкви послѣ выгонки 1735 года изъ Вѣтки въ стародубскую слободу Климову), яже есть Новый Іерусалимъ. И ты убо притецы и припади къ сосуду моему избранному, Михаилу блаженному (попъ Михаилъ Калмыкъ, одна изъ замѣчательныхъ личностей въ расколѣ, жившій въ слободѣ Климовой), да спасешися отъ недуга своего и изцѣлѣеши. Имѣяй уши слышати, да слышитъ.»

якоже и было, и быти неотложно сему узаконенію держану тверду быти. Но понеже, яко же пишется, пастыремъ о овцахъ небреженіе и людское ко священникомъ непокорства належаніе, зане вси по своей волѣ ходятъ, особливо здѣшній народъ, не хощетъ время плачевное признавати — время опасное сѣтовное. Пользовахомся священствомъ, священниками, священноиноками, и иноками честными и инокинями, глубокою старостію и сѣдинами и разумомъ духовнымъ украшенными, егда быша священноинокъ Никифоръ, священноіерей Іоаннъ (иже потомъ отъ Никифора постриженъ священноинокомъ Іовъ [1]) и съ нимъ Василій Торжковецъ и по нихъ Іаковъ Варламовъ, не ошибиться бы, мнится Авраамiемъ Галицкимъ принятый, но много разнства видится отъ тогда бывшихъ священниковъ и отъ сущихъ нынѣ. Тіи сами не хотяще своя души погубити, знавше премѣну благочестія, оставляюще приходы, приходяще ко священноинокомъ, священникомъ и инокомъ, хотяще токмо при нихъ спасти своя души, а не паствити, учитися, а не учити; и по усмотрѣнію отецъ умоляеми, народныя

---

[1] Іовъ ушелъ потомъ на Уралъ къ раскольникамъ, на Демидовскіе заводы, и пользовался огромнымъ уваженіемъ тамошнихъ старообрядцевъ. Похороненъ онъ въ половинѣ прошлаго столѣтія, на старообрядческомъ кладбищѣ Нижнетагильскаго завода и признается святымъ. Ежегодно, 29-го мая, на день его ангела, и 4-го сентября, на день его смерти, стекается до пяти тысячъ народа для его поминовенія и для поклоненія его гробницѣ. (См. дѣло департам. об. дѣлъ мин. вн. дѣлъ, 1837 года, 17-го мая, № 64.)

ради пользы и принуждаеми нужды ради спасительная исправлять и не хотяще; а нынѣшнихъ посылаютъ искати, яко на положенное и припасенное. Сыскавъ умоляемъ: «Поѣдемъ, речемъ имъ: видно скудное житіе твое, у насъ и тысящи нажить можешь.» И привезши соборуемъ: како исправимъ. И аще мы во глубокой старости, ищемъ ихъ по подобію, яко по чужимъ житницамъ не зерны, но охоботіе и паздеріе собираемъ, а младыя дѣти гдѣ получати будутъ и сыскивати, что не отъ обливанцевъ? Всѣ говоримъ: «невозможно безъ попа быти: Господь не умираетъ и священство его не престаетъ.» Подлинно у епифановщины не престанетъ. Почто престать? Вся вселенная полна поповъ, не токмо поповъ, но и большаго чина всякаго полна вселенная, церковнаго причта.»

Еще сильнѣе были укоры со стороны безпоповщинскихъ раскольниковъ, напримѣръ, Ивана Алексѣева, въ *Исторіи бѣгствующаго священства.* Многіе, самые горячіе приверженцы Епифанія и поставленныхъ отъ него поповъ, стыдились чрезъ нѣкоторое время сознаваться, что они когда-то принадлежали къ согласію епифановщины.

Глава V.

Афиноген.

Какъ паденіе стараго Керженца способствовало возвышенію Вѣтки, такъ въ свою очередь паденіе Вѣтки было причиною быстраго возвышенія слободъ стародубскихъ. Здѣсь поселилась большая часть выведенныхъ Сытинымъ изъ-за литовскаго рубежа старообрядцевъ. До того въ Стародубьѣ мало было поповъ, и жившіе въ тамошнихъ лѣсахъ старообрядцы такъ одичали, что болѣе походили на какихъ-то грубыхъ инородцевъ, чѣмъ на русскихъ людей. Грамотныхъ у нихъ вовсе почти не было, и кто съ трудомъ и запинаясь на каждомъ словѣ умѣлъ читать *Часословъ*, тотъ считался уже великимъ богословомъ. Старики правили службу только по *Часослову* и *Псалтыри*, другихъ книгъ и знать никто не хотѣлъ. Такъ, когда однажды въ слободу Злынку привезъ одинъ старообрядецъ изъ Москвы старопечатный *Октоихъ* и велѣлъ читать по немъ канонъ, то едва успѣли сказать начальныя слова первой пѣсни «Колесницегонителя Фараона погрузи», поднялся страшный шумъ. «Что это за книга?» кричали злынковскіе старообрядцы: «Зачѣмъ

она здѣсь? Что въ ней за колеса, да Фараонъ? Это по новой вѣрѣ! Это книга никоніанская, еретическая. Въ печь ее, да сжечь!» Когда же поселились здѣсь вѣтковскіе раскольники, жизнь въ Стародубьѣ измѣнилась: явились промышленность и торговля, завелись вскорѣ и фабрики. Въ Клинцахъ особенно развилась фабрикація суконъ. Начались дѣятельныя сношенія съ Москвой и Петербургомъ, явились значительные капиталы. Построеніе церквей и появленіе поповъ въ достаточномъ количествѣ придало большой блескъ Стародубью, и оно сдѣлалось средоточіемъ всей разсѣянной по Руси и по зарубежнымъ мѣстамъ поповщины. Неблагосклонно смотрѣли однако на это коренные Стародубляне. Когда зарубежные выходцы стали у нихъ въ слободахъ ставить церкви, они возроптали и произвели мятежъ. «Зачѣмъ намъ церкви?» говорили они. «Наши отцы отъ церкви изъ Россіи ушли; у насъ церквей слыхомъ не слыхано, видомъ не видано, а нынѣ церкви и въ нашихъ мѣстахъ строятъ» — и чуть не сожгли ихъ. Когда въ новопостроенныхъ церквахъ начали служить обѣдню, большой ропотъ опять поднялся отъ коренныхъ жителей Стародубья:

— Что это за попъ? говорили они. — Самъ причастье работаетъ! Развѣ это можно? У насъ было причастье старое, а это все новая вѣра!

Спустя нѣсколько лѣтъ смягчились немного нравы стародубскихъ дикарей, и они мало-по-малу слились съ зарубежными пришельцами въ однѣ общины. Упорныхъ осталось не много. Но въ нѣкото-

рыхъ слободахъ[1] все-таки никакъ и никогда не могли рѣшиться на постройку церквей, довольствуясь часовнями, хотя и имѣли въ свое время полную возможность и достаточно средствъ къ устройству церквей.

Въ слободѣ Зыбкой (нынѣ уѣздный городъ Новозыбковъ, Черниговской губерніи) была въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія часовня діаконовщины, на мѣстѣ которой, не ранѣе 1771 года, построена была церковь Рождества Христова При ней, съ 1739 года, былъ бѣглый попъ Патрикій, ревностный послѣдователь дьякона Александра, казненнаго, въ 1720 году, въ Нижнемъ-Новгородѣ, на Нижнемъ базарѣ. Патрикій былъ человѣкъ хитрый, умный, начитанный и честолюбивый. Онъ пріобрѣлъ огромное вліяніе на старообрядцевъ дьяконскаго согласія, какъ въ Россіи, такъ и за границей. Высокій ростомъ, съ бѣлыми волосами, съ бородой едва не до колѣнъ, сановитый, съ важною поступью, онъ внушалъ къ себѣ чрезвычайное уваженіе. Жизни былъ строгой, подвижнической и самыхъ честныхъ правилъ. Его называли даже «патріархомъ». И во всемъ «дьяконовомъ согласіи» онъ дѣйствительно былъ верховнымъ правителемъ духовныхъ дѣлъ: назначалъ поповъ, судилъ ихъ и мірянъ, разсылалъ увѣщательныя и обличительныя

[1] Въ Воронкѣ, Ардонѣ, Святской, Радулѣ, Млинкѣ, Митьковкѣ, Шеламѣ, Чуровичахъ, Деменкѣ и Тимошкиномъ Перевозѣ. Тутъ были только часовни. Церкви были въ Климовой, Зыбкой, Злынкѣ, Клинцахъ, Лужкахъ, Еленкѣ и Добрянкѣ.

посланія. Словомъ, Патрикій стоялъ во главѣ сильной ещё тогда дьяконовщины..

Тревожила нерѣдко и Патрикія мысль не оставлявшая издавна старообрядцевъ. «Вѣдь только та церковь свята и истинна, думалъ онъ, гдѣ преемственно сохраняются всѣ три чина духовной іерархіи; а гдѣ у насъ епископы?»

Въ 1749 году явился въ Зыбкую молодой монахъ, по говору Великоруссъ, человѣкъ пылкаго характера, остраго ума, отлично знавшій церковные уставы, краснорѣчивый, ученый, знавшій даже по-латыни, говорившій по-французски и по-польски. Наружность его была чрезвычайно красива: высокаго роста, дородный, съ блѣднымъ лицомъ, съ блестящими умными глазами, съ черными, какъ смоль, волосами и съ такою же широкою, длинною, окладистою бородой. Голосъ у него былъ свѣтлый и громкій, держалъ онъ себя сановито и имѣлъ самыя изящныя манеры, доказывавшія, что онъ, если не постоянно, то весьма часто обращался въ хорошемъ обществѣ. Молодой чернецъ говорилъ, что происходитъ онъ изъ дворянской фамиліи, какой — мы не знаемъ. И это было вѣрно что онъ хорошаго роду. Платье на этомъ чернецѣ-дворянинѣ было обыкновенное монашеское, старообрядческое, но камилавка и кафтырь какъ-то особенно ловко сидѣли на немъ. На кафтырѣ и на келейной мантіи, которую старообрядческіе монахи и монахини носятъ какъ пелеринку, обычная красная оторочка въ родѣ кантика выложена была изъ яркаго кармазиннаго сукна, бросавшагося издали въ глаза. Все бы-

ло на чернецѣ такъ чисто, такъ опрятно, такъ щеголевато. Называлъ онъ себя священноинокомъ (то-есть іеромонахомъ) Аѳиногеномъ, говоря, что познавъ истину «древляго благочестія», презрѣлъ онъ почести и славу и пошелъ Бога ради странствовать, изыскивая хорошаго мѣста между ревнителями стараго обряда, гдѣ бы могъ проводить до конца дней своихъ тихое и безмятежное житіе.

Въ Зыбкой приняли новаго пришельца. Тамъ всякаго принимали. Съ первыхъ же дней замѣтилъ Аѳиногенъ, что зыбковскіе слобожане имѣютъ слѣпую вѣру къ Патрикію. Чтò Патрикій скажетъ, то и законъ для всѣхъ. И сталъ онъ употреблять всѣ средства, чтобы понравиться стародубскому «патріарху». Старику Патрикію крѣпко по душѣ пришелся красивый, скромный, ученый молодой чернецъ; онъ полюбилъ его какъ сына и даже помѣстилъ у себя въ домѣ, проводя съ нимъ все время въ разумныхъ и учительныхъ бесѣдахъ. Аѳиногенъ совершенно очаровалъ Патрикія своимъ бойкимъ умомъ и обширными свѣдѣніями, а вмѣстѣ съ тѣмъ, необыкновенною набожностію и подвижничествомъ.

Патрикій нахвалиться не могъ своимъ нареченнымъ сынкомъ. «Его самъ Богъ ровно съ небесъ послалъ къ намъ», говаривалъ онъ, и прочилъ Аѳиногена себѣ въ преемники. И быстро разнеслась добрая слава объ Аѳиногенѣ по всему Стародубью и во вновь возникшихъ, на пеплѣ раззоренныхъ Сытинымъ, слободахъ вѣтковскихъ. Однажды, въ задушевной бесѣдѣ, Патрикій высказалъ сынку сво-

ему тяготившую его мысль о необходимости имѣть правильнаго епископа. Молодой чернецъ совершенно соглашался съ Патрикіемъ, но съ какою-то особаго рода робостью, съ какою-то таинственностью постоянно уклонялся отъ дальнѣйшихъ разговоровъ.

Еще казалось страннымъ Патрикію, что не смотря на доброе и спокойное житье въ Зыбкой, подъ крылышкомъ самого Патрикія, Аѳиногена все тянуло за границу. Таинственно намекалъ онъ, что у него въ Петербургѣ есть сильные враги, власть имѣющіе, которые никакъ не простятъ ему того что онъ позналъ «древлее благочестіе» и ушелъ странствовать, что они опасаются, чтобъ Аѳиногенъ не разсказалъ кое-чего ему извѣстнаго, а отъ этого-де пойдетъ по государству великая крамола, и многимъ сильнымъ людямъ не сносить тогда головы. Хитро намекалъ Аѳиногенъ и на то, что вотъ недавно, по милости Епифанія, раззорили Вѣтку и всѣ зарубежныя слободы, а если про него въ Петербургѣ узнаютъ гдѣ онъ находится — во всемъ Стародубьѣ камня на камнѣ не останется. «А я не желаю, чтобъ изъ-за меня грѣшнаго пострадали православные христіане, свято хранящіе древніе уставы.»

— Но кто же ты такой? Какія у тебя обстоятельства были съ сильными міра сего? спрашивалъ у Аѳиногена Патрикій.

— Честный отче! отвѣчалъ чернецъ,—ты видѣлъ мои бумаги, знаешь, что я ни кто другой, какъ грѣшный священноинокъ Аѳиногенъ. Не искушай меня болѣе. Мое со мной и останется.

И заводилъ Аѳиногенъ рѣчь о томъ, какъ, при бывшихъ недавно перемѣнахъ въ правленіи, лица стоявшія на самыхъ высокихъ степеняхъ падали и въ Сибирь отсылаемы были на вѣчное житье, что самъ бывшій императоръ Иванъ Антоновичъ и мать его, бывшая правительница государства, томятся въ безвѣстномъ заключеніи.

— А еслибы, говорилъ онъ, — Анна Карловна[1] съ Божіею помощію возвратилась, и сѣлъ бы на престолѣ царь Иванъ Антоновичъ, процвѣло бы тогда «древлее благочестіе» также какъ и при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, потому что и Анна Карловна и царь Иванъ Антоновичъ, въ несчастіи находясь, истинную вѣру познали.

Патрикій, въ свою очередь, уклонялся отъ подобныхъ разговоровъ. Въ то время за подобныя слова какъ разъ тайная канцелярія, кнутъ, и если не смертная казнь, то ужь навѣрное сибирскіе рудники, или неисходное житье въ какомъ-нибудь Рогервикѣ или Шлиссельбургѣ.

Пріѣхалъ въ Зыбкую зарубежный старообрядецъ, по имени Марко, и привезъ отъ жителей главной побужской слободы, Борской, просительную грамоту на Вѣтку, въ которой они умоляли тамошнихъ отцовъ, «на утѣшеніе духовныхъ печалей, яко народъ жаждетъ священника» для исправленія духовныхъ требъ, прислать достойнаго іерея. Побужскій посланецъ на Вѣткѣ, едва возникшей пос-

---

[1] Анну Леопольдовну въ народѣ звали больше Анной Карловной.

лѣ разгрома 1735 года, нашелъ «великое оскудѣніе священства». Оттуда некого было послать на Бугъ: тамошніе отцы сами просили у Стародублянъ попа своего согласія. Марко поѣхалъ далѣе, перебрался черезъ границу и прибылъ въ Стародубье. Зная, что у Патрикія много было стараго причастья, Марко обратился къ нему, прося его пріѣхать на время въ Борскую слободу или же прислать кого-либо за себя съ достаточнымъ запасомъ причастья. Честолюбивому Патрикію было очень лестно такое приглашеніе, но самому нельзя было предпринять дальнюю поѣздку: и преклонность лѣтъ и необходимость пребыванія въ Стародубьѣ, гдѣ кипѣли тогда раздоры между старообрядцами, препятствовали его поѣздкѣ, да Стародубляне его согласія, пожалуй, и не пустили бы его. Онъ придумалъ послать вмѣсто себя любимаго сынка своего. Когда онъ сказалъ о такомъ намѣреніи Аѳиногену, тотъ смиренно отвѣчалъ, что чувствуетъ себя недостойнымъ идти на такой великій, апостольскій подвигъ, но готовъ творити волю пославшаго.

Вотъ что писалъ Патрикій старѣйшинамъ Борской слободы Пимену Ивановичу и Ивану Кондратьевичу:

«Господамъ моимъ, предавшимъ себе за свидѣтельство Ісусъ Христово, Пимену Ивановичу, Ивану Кондратьевичу, и всѣмъ православнымъ христіяномъ слободы Борской благодать Божія и благословеніе да умножатся. Извѣстившеся чрезъ посланнаго отъ васъ, раба Божія Марка, съ писаніемъ на Вѣтку, яко зѣльнѣ народъ жаждетъ священника, на утѣшеніе духовныхъ вашихъ печалей, обрѣтше священноинока Аѳиногена, посылаемъ вамъ въ пастыря,

котораго для нѣкоторыхъ нуждъ, понеже должно послати въ Великую Россію, того ради какъ пріидетъ время, молю васъ самого дѣля Христа Господа, ему споспѣшествуйте, самого же его, яки мою утробу пріимите, повинующеся во страсѣ Божіи; несомнѣнно бо уповаемъ, яко егда получите его, и дѣло православнаго ученія и послуженія со страхомъ Божіимъ будетъ въ васъ содѣлываемо. Возвѣщаемъ же, братія, яко древлее наше благочестіе отвсюду гонимо, въ пастырехъ скудость, а овцы отвсюду умножаются. Тѣмъ же съ сущею въ васъ церковію молитеся, да не внидемъ въ напасть, но да здравы, обще съ вами, мирно потерпимъ дне Господня. Аминь. Всегда молящійся о душахъ вашихъ, и промышляющій о добрѣ ихъ вѣчномъ, свидѣтель Господа нашего Іисуса Христа іерей *Патрикій* 1750 года.»

Другое подобное посланіе писалъ Патрикій на Вѣтку, въ Пахоміевъ, что на рѣкѣ Сожѣ, въ 8 верстахъ отъ Вѣтковской слободы, діаконовскаго согласія монастырь[1], къ тамошнему настоятелю, черному попу Игнатію съ братіей, которымъ рекомендовалъ Аѳиногена. «Слышахомъ, писалъ онъ, васъ болѣзнующихъ лишеніемъ духовнаго пастыря и отца (вѣроятно Пахомія, основателя монастыря; не задолго передъ тѣмъ умершаго), болѣзнь вашу съ нашею соединяемъ и купно состраждемъ и зѣльнѣ соболѣзнуемъ.... дотолѣ страдахомъ и рыдахомъ, доколѣ всеблагій промышленникъ не услыша насъ, и плача нашего не остави бездѣльно возвратитися въ нѣдра наша, и не посла въ общее утѣшеніе ваше и наше, *аки свыше*, священноинока Аѳиногена. Того получивше, отрохомъ слезы наша, зане обрѣтохомъ и православно мудрствующа,

[1] Нынѣ упраздненъ. Въ немъ двѣ запечатанныя церкви, моленная и кельи — все деревянное, ветхое.

и готова суща, рекше послушествовати къ вамъ, его же абіе и послахомъ.»[1]

Перейдя рубежъ, Аѳиногенъ вздохнулъ свободнѣе; ибо были въ его жизни обстоятельства, по которымъ ему дѣйствительно было не безопасно оставаться въ русскихъ предѣлахъ. Пробывъ нѣкоторое время въ Гомелѣ и Пахоміевомъ монастырѣ, онъ проѣхалъ на Бугъ, и тамъ, въ слободѣ Борской, старшины Пименъ Ивановичъ и Иванъ Кондратьевичъ и всѣ старообрядцы встрѣтили его съ большимъ почетомъ. Поселившись здѣсь, вскорѣ успѣлъ онъ привлечь къ себѣ всѣхъ жителей побужскихъ слободъ. Это были люди богатые, зажиточные: хорошее житье у нихъ было Аѳиногену. Одного только не доставало имъ: давно желали они имѣть вмѣсто часовенъ хоть одну церковь, на что не пожалѣли бы никакихъ денегъ, да антиминса не было, стало-быть и церкви нельзя было святить. Узнавъ о такомъ желаніи ихъ, Аѳиногенъ сказалъ однажды на общемъ сходѣ: «у меня есть древній антиминсъ, стройте церковь, а я могу освятить ее». Въ Борской слободѣ построили деревянную церковь, и Аѳиногенъ освятилъ ее во имя Знаменія Богородицы. Благодарные старообрядцы щедро вознаградили Аѳиногена за антиминсъ и освященіе церкви, при которой онъ и остался священнодѣйствовать. Здѣсь онъ велъ самую строгую жизнь, что въ глазахъ старообрядцевъ составляетъ главное. Блѣдное лицо говорило о его

[1] Андрея Іоаннова Журавлева, стр. 287—290.

постничествѣ, и онъ дѣйствительно былъ великій постникъ и неуклонно исполнялъ всѣ обѣты монашества и всѣ правила устава. Говорилъ онъ красно, учительно, поражалъ грубыхъ, малосвѣдущихъ старообрядцевъ блестящимъ умомъ и обширными свѣдѣніями по разнымъ отраслямъ знаній, удивлялъ ихъ бѣглымъ разговоромъ по-польски и основательнымъ знаніемъ латинскаго языка. Дѣйствительно, кромѣ поморскихъ расколоучителей, князей Мышецкихъ, расколъ до того времени не имѣлъ еще такого ученаго человѣка, каковъ былъ Аѳиногенъ. Уваженіе къ нему росло можно сказать съ каждымъ днемъ. Водясь съ старообрядцами уже два года, онъ замѣтилъ, какъ всѣ они чувствуютъ необходимость имѣть своего епископа, и притомъ такого, который бы не былъ обливанцемъ, подобно Епифанію. Почти всѣ зарубежные старообрядцы рѣшительно желали епископства; въ Россіи главнымъ мѣстомъ проповѣди о необходимости имѣть святителя было Стародубье, и именно тѣ общины, которыя держались діаконовскаго толка. Оттуда еще въ 1745 году разсылались увѣщательныя письма о томъ, чтобы всѣми силами и общими средствами искать правильнаго архіерея. Одно изъ такихъ посланій сохранилъ о Журавлевъ въ своемъ сочиненіи: [1] «желаемъ отъ васъ тщаніе о лучшемъ, сказано въ немъ, сіе есть, елико сила ходатайствовать святительство: источникъ священст-

[1] Андрей Іоанновичъ Журавлевъ. *Историческое извѣстіе о раскольникахъ*, стр. 280—285.

ва». Замѣтивъ, что и поселившіеся на Бугѣ старообрядцы весьма желаютъ получить епископа, Аѳиногенъ рѣшился сдѣлаться архіереемъ. Искать хиротоніи у ясскаго или у другаго какого-либо митрополита было затруднительно, и мало было надежды на успѣхъ, а потому и рѣшился онъ на поступокъ небывалый до того времени въ средѣ старообрядцевъ, — сдѣлался самозванцемъ-епископомъ. Ловкій Аѳиногенъ очень хитро повелъ дѣло. Придутъ, бывало, къ нему въ келью за какою-нибудь надобностью, а онъ сидитъ задумавшись, и услышавъ шаги вошедшихъ, какъ бы опомнится и благословитъ обѣими руками, по-архіерейски, а потомъ смутится, замѣшается и поведетъ рѣчь о чемъ-нибудь постороннемъ. Положитъ, бывало, въ углу подъ образами вмѣстѣ съ епитрахилью и омофоръ, чтобы приходившіе къ нему могли это замѣтить. Аѳиногенъ очень любилъ дѣтей: встрѣтитъ, бывало, играющихъ на слободской улицѣ ребятишекъ, непремѣнно подойдетъ къ нимъ, каждаго порознь благословитъ, въ головку поцѣлуетъ, орѣхами, пряниками и другими лакомствами всѣхъ одѣлитъ. Мальчики полюбили добраго попа, стали къ нему въ келью ходить, онъ ихъ грамотѣ училъ, гостинцами одѣлялъ. Такая любовь къ дѣтямъ, разумѣется, еще болѣе увеличила приверженность родителей къ Аѳиногену. Иной разъ распахнутся нежданно двери его кельи, вбѣжитъ рѣзвая толпа дѣтей, и станутъ мальчики, молча, какъ вкопаные: ихъ добрый попъ, ихъ любимый учитель молится Богу въ епитрахили и омофорѣ. Дѣти и говорятъ

дома, что застали они попа на молитвѣ, а стоитъ онъ и молится не въ одной, а въ двухъ епитрахиляхъ—одна какъ надо быть у попа, а другая еще на плечахъ положена. Пошли таинственные толки. Заводятъ наконецъ старики рѣчь съ Аѳиногеномъ объ этомъ предметѣ, но онъ всячески уклоняется отъ разговоровъ. Говорятъ ему про дѣтскіе разсказы, а онъ отвѣчаетъ, улыбаясь: «что про нихъ говорить! Извѣстное дѣло, малыя дѣти, неразумныя. Мало ли чего они, по глупости своей, не наскажутъ.» Пришелъ Троицынъ день, Аѳиногенъ въ Знаменской церкви служилъ обѣдню и вечерню. Въ эту вечерню читается особая молитва Св. Духу. У насъ, въ православной церкви, во время чтенія ея всѣ стоятъ на колѣняхъ, а у старообрядцевъ, по ихъ обряду, «лежатъ на листу», то-есть падаютъ ницъ на цвѣты и листья, которые держатъ въ рукахъ, и остаются въ такомъ положеніи до самаго конца молитвы. Кончивъ ее, Аѳиногенъ благословилъ лежащій народъ обѣими руками, какъ епископъ. Это было замѣчено, пошелъ новый говоръ, сильнѣе прежняго, но какъ ни приставили къ Аѳиногену, онъ рѣшительно отказался отъ всякихъ объясненій, говоря, что видѣвшимъ, будто онъ благословилъ обѣими руками, должно-быть почудилось. Черезъ нѣсколько времени проѣзжалъ черезъ Борское старообрядческій попъ. Аѳиногенъ воспользовался случаемъ чтобъ исповѣдаться. Духовникъ сталъ его исповѣдывать какъ священноинока; [1] Аѳиногенъ остановилъ его.

[1] Послѣдованіе исповѣди архіерейской, по уставу нѣсколько отлично отъ исповѣди священнической.

— Отче, сказалъ онъ, — азъ есмь епископъ, а потому исповѣдать, разрѣшать и молиться за меня, грѣшнаго и недостойнаго, изволь надлежащимъ порядкомъ. Я епископъ Лука...

Въ смущеніе пришелъ духовникъ. И не смѣлъ много его спрашивать, Аѳиногенъ самъ сказывалъ.

— Получилъ азъ, смиренный, великаго архіерейства хиротонію отъ сибирскаго митрополита Антонія,[1] удѣльной епархіи у себя не имѣлъ, а находился при нѣкоемъ великоважномъ темничникѣ... И узнавъ старую правую вѣру, оставилъ всю честь свою и достоинство, и предпріялъ, Бога ради, странствовать.

— Кто же этотъ темничникъ? спросилъ духовникъ.

— О немъ никому неизвѣстно, отвѣчалъ колѣ-

---

[1] Преосвященный Макарій въ своей *Исторіи Русскаго раскола* (стр. 309) говоритъ, что Антонія митрополита сибирскаго не бывало. Напротивъ, въ XVIII ст. было два Антонія митрополита сибирскихъ Одинъ, по фамиліи Стаховскій изъ архимандритовъ Новгородсѣверскаго Спасскаго монастыря, рукоположенъ въ санъ архіепископа черниговскаго въ 1713 году; въ 1720 году онъ переведенъ въ Тобольскъ, гдѣ и былъ, именуясь «сибирскимъ и тобольскимъ» митрополитомъ до 27 марта 1740, когда скончался. Другой, по фамиліи Нарожницкій, изъ намѣстниковъ Троицко-Сергіевой лавры, посвященъ въ митрополиты сибирскіе 26-го сент. 1742 года и скончался въ Тобольскѣ 9 октября 1748 года. Аѳиногенъ говорилъ, конечно, о Нарожницкомъ. (См. преосвященнаго Амвросія *Исторію россійской іерархіи* т. I, стр. 111, 112.)

непреклоненный Аѳиногенъ, смиренно поникнувъ головой.

— Но рцы ми тайну сію, возразилъ духовникъ.— Мнѣ, какъ отцу твоему духовному, *подобаетъ* знати вся сокровенная души твоей, не мнѣ бо, недостойному, глаголати будеши, но самому Господу Богу и Спасу нашему Іисусу Христу.

— Дай мнѣ того Господа нашего во свидѣтели, отвѣчалъ исповѣдникъ,—что когда я объявлю тебѣ нѣкую о себѣ тайну, тебѣ бы оную никому не открыть.

— Даю во свидѣтели Господа нашего Іисуса Христа, сказалъ попъ.

— Присягни же передъ животворящимъ крестомъ и святымъ Евангеліемъ.

Попъ присягнулъ и снова спросилъ Аѳиногена.

— Какой же это темничникъ, при коемъ мало что священноіерея, а даже и епископа нарочно держатъ?

Аѳиногенъ склонился еще ниже передъ священникомъ и едва слышнымъ. голосомъ сказалъ:

— Императоръ и самодержецъ всероссійскій Іоаннъ Антоновичъ.

— Гдѣ же онъ?

— Въ Сибири [1], въ дальныхъ мѣстахъ, томится въ заключеніи вмѣстѣ съ своею родительницей, ве-

[1] Въ то время никто не зналъ, гдѣ содержится бывшій императоръ Іоаннъ и мать его Анна Леопольдовна. Мѣсто заключенія ихъ сохранялось въ глубочайшей тайнѣ. Вообще же полагали, что они въ Сибири. Поэтому и Аѳиногенъ, разсказывая вымышленную имъ исторію, говорилъ

ликою княгиней Анною Карловною. Долго находился я при ихъ высокихъ особахъ, уразумѣвъ же древлее благочестіе, бѣжалъ изъ дворца ихъ императорскаго величества и переименовалъ себя Аѳиногеномъ.[1]

И сталъ духовникъ исповѣдывать *епископа Луку* по чину архіерейскому.

Духовникъ ли огласилъ тайну исповѣди, самъ ли Аѳиногенъ, — неизвѣстно, но молва объ его архіерействѣ росла болѣе и болѣе. Въ разговорахъ же съ старообрядцами Борской слободы онъ попрежнему держалъ себя уклончиво, избѣгая разспросовъ о его прежней судьбѣ, но въ то же время писалъ много писемъ въ разныя зарубежныя старообрядческія мѣста, не называя прямо себя ар-

---

тоже о Сибири. Притомъ же принцессы Анны въ то время уже не было въ живыхъ. Она скончалась въ Холмогорахъ, 7-го марта 1746 года; тѣло ея привезено въ Петербургъ и похоронено публично въ Александро-Невской лаврѣ со всѣми должными почестями.

[1] *Дѣло святѣйшаго синода* 1757 года. По архивной описи № 337. Письмо лжеепископа Анфима къ ясскому митрополиту Іакову, отъ 12-го декабря 1756 года. Въ 1744 году было покушеніе похитить трехлѣтняго Ивана Антоновича и увезти его за границу. Покушеніе это сдѣлалъ какой-то монахъ. Его и Ивана Антоновича поймали въ Смоленскѣ. Что сдѣлалось съ монахомъ неизвѣстно, а несчастнаго ребенка переименовали въ Григорія и увезли въ Шлиссельбургъ. (Ср. Вейдемейера *Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи*. Спб. 1835, т. III, стр. 96.) Нѣтъ ли тутъ чего общаго съ Аѳиногеномъ? Дѣла объ Аѳиногенѣ въ св. синодѣ нѣтъ и мнѣ неизвѣстно въ какомъ архивѣ находится изслѣдованіе объ этомъ загадочномъ человѣкѣ.

хіереемъ, «но. хитро давая знать о себѣ нѣчто великое». Таинственность, которою окружилъ Аѳиногенъ свою личность, увеличивала съ каждымъ днемъ число его приверженцевъ.

По зарубежнымъ старообрядческимъ общинамъ пошелъ сильный говоръ о новоявившемся епископѣ и достигъ до Молдавіи. Въ этой сторонѣ тогда уже было много бѣглыхъ русскихъ раскольниковъ, какъ поповщинскаго, такъ и безпоповщинскаго толка. Въ Сучавскомъ цинутѣ, верстахъ въ двѣнадцати отъ города Фольтичени, близь большой дороги изъ Яссъ въ Буковину, они построили большую слободу Мануиловку, которая и теперь считается главнѣйшимъ мѣстомъ старообрядцевъ, живущихъ въ Румынскихъ княжествахъ. У нихъ было два мужскихъ и одинъ женскій монастырь и, сверхъ того, приходская церковь во имя Покрова Богородицы. Кромѣ того, въ самой молдавской столицѣ, въ Яссахъ, старообрядцы населили особое предмѣстіе Забахлуйское. Въ городахъ Буташанѣ, Тыргуль-Фрумосѣ, Хирлеу, Бакео, Вислуѣ, Херце, Дорохоѣ, Романѣ, Бырлатѣ, Текуче, Фальчи, Хушѣ, Пятрѣ и Нямецѣ, старообрядцы составляли болѣе или менѣе значительную часть мѣстнаго населенія, а нѣсколько деревень, называвшихся Липовенами [1], по-

[1] Липовенами или Липованами зовутъ въ Румынскихъ княжествахъ Австріи и Пруссіи русскихъ раскольниковъ. Иначе «Пилипоны», что по всей вѣроятности происходитъ отъ слова «Филиповщина», послѣдователи которой были одни изъ первыхъ переселенцевъ за границу.

добно Мануиловкѣ были сплошь населены старообрядцами. [1] Такія же исключительно старообрядческія селенія были Браташти и Костешти, близь дороги изъ Яссъ въ Буковину. Въ нынѣшней Бессарабской области, тогда принадлежавшей Молдавіи, въ такъ-называемой Хотинской Раи, были также значительныя поселенія старообрядцевъ, въ селеніи Вѣтрянка былъ у нихъ монастырь, а въ селеніи Долгая Поляна—церковь. Даже въ Валахіи явилось нѣсколько старообрядческихъ поселеній — деревня Липовени близь Букареста, другая подлѣ Браилова, третья на Дунаѣ противъ Черноводы. Въ городахъ Браиловѣ и Фокшанахъ также жили русскіе старообрядцы и имѣли свои часовни. Всѣ молдовлахійскіе старообрядцы были довольно зажиточные: занимались они городскими промыслами, ремеслами и торговлей; весьма немногіе поселившіеся въ деревняхъ занимались хлѣбопашествомъ. Собственныхъ земель у нихъ не было, но они нанимали угодья у разныхъ владѣльцевъ, а большею частію у православныхъ монастырей и церквей. Народъ все ловкій, смышленый, проворный.

Молдовлахійскіе старообрядцы тоже желали имѣть особеннаго епископа, и когда дошелъ до нихъ слухъ объ Аѳиногенѣ, послали къ нему звать его въ Волощину (такъ называли Русскіе въ то время Молдовлахію или нынѣшнія Дунайскія княжества). Посланцы пріѣзжали не одинъ разъ въ Борскую сло-

---

[1] Подлѣ города Бутушаны, подлѣ города Вислуй и три деревни около Галаца.

боду и представляли Аѳиногену жизнь въ Волощинѣ въ такомъ привлекательномъ видѣ, что онъ съ тѣхъ поръ только и думалъ, какъ бы поскорѣе перебраться за рѣку Прутъ. Но старообрядцы побужскихъ слободъ не выдавали своего сокровища запрутскимъ единовѣрцамъ. Эти хотѣли было силою отнять у нихъ Аѳиногена, и оттого бывали въ Борской слободѣ драки, чуть до смертоубійства дѣло не доходило. Повторилась такая же вражда за епископа, какая была лѣтъ пятнадцать передъ тѣмъ между слобожанами вѣтковскими и гомельскими.

Аѳиногенъ, однако, перехитрилъ жителей Борской слободы. Онъ всѣмъ говорилъ, что не хочетъ въ Волощину, что найдя у нихъ спокойное жительство, желаетъ жить и умереть въ Борской, и такимъ образомъ совершенно увѣрилъ ихъ, что онъ и не подумаетъ уйдти отъ нихъ. Поэтому за нимъ не присматривали, и онъ разъѣзжалъ свободно. Вдругъ получаетъ онъ извѣстіе, что отецъ Патрикій послалъ вѣрныхъ людей въ Петербургъ и Москву для собранія справокъ объ его личности... Тогда онъ выѣхалъ изъ Борской слободы куда-то по сосѣдству, для исправленія духовныхъ требъ, и очутился за Прутомъ. Сначала былъ онъ въ Мануиловкѣ, потомъ жилъ въ Яссахъ, гдѣ представлялся господарю и митрополиту. Оба повѣрили, что Аѳиногенъ дѣйствительно русскій епископъ, и господарь для свободнаго проѣзда его въ польскія владѣнія и обратно въ Молдавію далъ ему особую грамоту. Съ этою-то грамотой и разъѣзжалъ онъ по молдавскимъ и валахскимъ старообрядческимъ сло-

бодамъ, но чаще всего находился близь Хотина, въ слободѣ Вѣтрянкѣ. Здѣсь, онъ ли, его ли приближенные, распустили молву, что онъ посвященъ во епископы не въ Россіи, а въ турецкомъ городѣ Рени, проживавшимъ тамъ православнымъ браиловскимъ митрополитомъ Даніиломъ.[1] Слава о старообрядческомъ епископѣ распространилась по всѣмъ зарубежнымъ слободамъ: изъ Польши и изъ Молдовлахіи многіе пріѣзжали къ нему для поставленія поповъ, для испрошинія мvра и антиминсовъ. На послѣдніе, однакоже, Аѳиногенъ былъ очень скупъ Богатѣлъ же онъ не по днямъ, а по часамъ.

Но возвратимся въ Стародубье, въ слободу Зыбкую, къ отцу Патрикію. Туда, въ 1750 году, переѣхали изъ Орла и Коломны нѣсколько богатыхъ купцовъ; одинъ изъ нихъ, орловскій выходецъ Ѳеодоръ Григорьевичъ Сусловъ, отличался ревностію къ старому обряду, доходившею до фанатизма, и обширною начитанностію. Сусловъ и пріѣхавшіе съ нимъ вошли въ тѣсную связь съ Патрикіемъ. Они также сознавали, что церковь не можетъ быть безъ архіерея и много хлопотали объ отысканія епископа. Но исторія Епифанія научила ихъ быть крайне осторожными. Заподозривъ всю Малороссію въ обливанствѣ, они непремѣннымъ условіемъ поставляли, чтобъ отыскиваемый ими архіерей непремѣнно былъ родомъ изъ Великой Россіи, и стало-быть

---

[1] Такъ доносилъ нашъ резидентъ, находившійся въ Турціи, въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. *Дѣло святѣйшаго сѵнода* (1757 г., № 337).

несомнѣнно крещенный въ три погруженія. Но въ это время (1750) изъ всѣхъ православныхъ архіереевъ только четверо было природныхъ Великоруссовъ: Алексѣй Рязанскій, Иларіонъ Астраханскій, Варсонофій Архангельскій и Ѳеофилактъ Воронежскій. Всѣ остальные были или Малороссіяне или Греки. Конечно, ни на одного изъ этихъ четырехъ епископовъ Великоруссовъ старообрядцы не могли разчитывать и потому старались какимъ бы то ни было образомъ доставить кому-либо изъ своихъ архіерейскій санъ. Сусловъ, бывъ по какимъ то дѣламъ въ Борской слободѣ, говорилъ объ этомъ съ Аѳиногеномъ и чрезвычайно обрадовался, когда узналъ отъ него за великую тайну, что онъ, будучи кореннымъ Великоруссомъ по происхожденію, будучи крещенъ въ три погруженія, имѣетъ санъ епископа. Говоря о своемъ архіерействѣ, Аѳиногенъ разказалъ Суслову и придуманную имъ сказку о мнимомъ пребываніи при низложенномъ императорѣ. О чемъ такъ много и напрасно думали, на что едва смѣли надѣяться старообрядцы, само безъ хлопотъ явилось.

— Увѣрьте въ истинѣ словъ моихъ отца Патрикія, говорилъ Аѳиногенъ, прощаясь съ Сусловымъ,— и убѣдите его пріѣхать поскорѣе ко мнѣ въ Борскую; я преподамъ сему свѣтильнику церкви архіерейскую хиротонію. Но скажите ему, чтобъ онъ не медлилъ. За великую тайну скажу вамъ, что мнѣ и здѣсь, въ областяхъ польскаго короля, отъ вашей русской царицы не безопасно. Хочу уѣхать подальше.

Съ Сусловымъ онъ послалъ къ Патрикію письмо, въ которомъ, увѣряя въ преданности, прямо объ архіерействѣ своемъ не писалъ, и даже подписался іеромонахомъ, но упомянулъ, что Суслову извѣстно кто онъ. Вотъ это письмо:

«Всемогущаго Бога избраннѣйшему іерею и таинъ Его вѣрному служителю, благочестивѣйшему господину, господину Патрикію, червь, а не человѣкъ, землекасательное поклоненіе. Аще добраго пастыря долгъ, оставя девяноста и девять овецъ въ пустыни, сотной пойдтить, еже взыскивать, и обрѣтше оную на рамо возложа ко Отцу привесть, то сего словеснаго стада пастырю, владыка твой Христосъ взыскуетъ по тебѣ. Сіе пишу, не уча духопросвѣщенную твою душу, но горящею спасенія жаждою мысль хотя прохладити. Имѣеши мя, ожидающа благословенія твоего, имѣеши душу самовольно пришедшую во овчарню Христову, имѣеши, наконецъ, человѣка, иже, кромѣ тебя, никому же можетъ открыти *тайну*, *всему благочестію необходимо нужную*. Что же объявлено отъ меня Божію угоднику, присланному отъ васъ, Ѳедору Григорьевичу, и то только о лицѣ моемъ, а не о намѣреніи. Пріиде убо, свѣтильниче міра, ниже презри написаннаго, аще же укосниши или не послушаеши, то Богъ отъ руку твоею многи души взыщетъ. Цѣлованіе устъ моихъ ногамъ твоимъ, цѣлованіе единомысленной братіи, ихъ же имена въ книгѣ животнѣй. Азъ оканчивая, пребываю, грѣшный о вашемъ здравіи молитвенникъ, іеромонахъ *Аѳиногенъ*.[1]

Патрикій, какъ ни хотѣлось ему самому сдѣлаться архіереемъ, медлилъ отъѣздомъ въ Борскую слободу. Чтобы не впасть въ обманъ, рѣшили собрать предварительно въ Москвѣ и Петербургѣ справки

[1] Анд. Іонн. Журавлева *Историческое извѣстіе о раскольникахъ*, стр. 295 — 296.

о личности Аѳиногена. Ѣхали туда двое изъ коломенскихъ купцовъ, переселившихся въ Стародубье; имъ и поручено было развѣдываніе.

Прождавъ понапрасну не малое время Патрикя, Аѳиногенъ послалъ къ нему новое приглашеніе чрезъ старшину Борской слободы Ивана Кондратьевича, которому также сказалъ про себя, что онъ епископъ Лука, находившійся при императорѣ Іоаннѣ. Но и на этотъ разъ въ письмѣ, посланномъ въ Зыбкую, онъ не называлъ себя архіереемъ, на нѣкоторое время «хотя (оставаться), какъ писалъ онъ, подъ образомъ прикровеннымъ, страха ради отъ лжебратіи, и ради своихъ же». Патрикій, получивъ это письмо, сказалъ Ивану Кондратьевичу, что ужь послано въ Москву и Петербургъ для удостовѣренія въ истинѣ сказываемаго Аѳиногеномъ, а до полученія оттуда вѣрныхъ свѣдѣній, ни онъ, ни Стародубляне его согласія не предпримутъ ничего рѣшительнаго. Какъ скоро Аѳиногенъ узналъ, что старообрядцы, жившіе въ Стародубьѣ, не такъ легковѣрны какъ онъ полагалъ, то ожидая, что справки о немъ будутъ вовсе не въ его пользу, уѣхалъ изъ Борской слободы. Находясь уже въ Яссахъ, онъ послалъ въ Зыбкую къ отцу Патрикію своего старца Митрофана съ новымъ пригласительнымъ письмомъ, въ которомъ уже называлъ себя епископомъ. Настоятельно просилъ онъ Патрикія, а также уставщика Григорія Яковлевича и другихъ изъ стародубской братіи, пріѣхать къ нему, чтобы получить отъ него архіерейскую хиротонію, «дабы тѣмъ возстановить чинъ церковной и не быти отъ иновѣрныхъ въ

томъ поруганіи, въ которомъ даже донынѣ пребываемъ.» Пользуясь покровительствомъ господаря, Аѳиногенъ уже не опасался за свою личность и просилъ Патрикія, прочитавъ публично его посланіе, разослать «точно списанное безъ прибавки и убавки въ великороссійскіе грады, дабы чтущіе и слышащіе оное прославили Бога творящаго дивная и ужасная, великая же и славная.»

Но не пришлось Патрикію разсылать письма Аѳиногеновы по городамъ Великой Россіи. Коломенцы воротились въ Стародубье и привезли объ Аѳиногенѣ нехорошія вѣсти. Онъ оказался самозванцемъ.

Случилось посланному изъ Стародубья ѣхать въ Петербургъ вмѣстѣ съ однимъ офицеромъ [1]. Они разговорились, и коломенскій купецъ узналъ отъ него, что отвозилъ императора Іоанна. Тогда, заклиная офицера Богомъ живымъ, купецъ просилъ сказать ему былъ ли посланъ съ Іоанномъ кто-либо изъ духовнаго чина. Офицеръ съ клятвою увѣрилъ куп-

[1] Можетъ быть съ Гурьевымъ, который въ 1745 году отвозилъ Іоанна и его родителей изъ Ораніенбаума (а не Раненбурга). Впрочемъ, подлежитъ большому сомнѣнію, чтобъ офицеръ сталъ въ то время разговаривать о «секретной коммиссіи» съ какимъ-нибудь попутчикомъ. Изъ сохранившихся дѣлъ о содержаніи подъ стражею Брауншвейгской фамиліи извѣстно, что всѣ по какимъ-либо случаямъ выбывавшіе изъ этой коммиссіи давали подписку въ томъ, что не будутъ ни съ кѣмъ говорить объ этомъ предметѣ, подъ опасеніемъ смертной казни за малѣйшую нескромность. Изъ духовныхъ лицъ при Брауншвейгскомъ семействѣ былъ одинъ іеромонахъ Иларіонъ.

ца, что никого изъ духовныхъ тутъ не было. Добравшись до Петербурга, стародубскій посланецъ отыскалъ брата встрѣтившагося съ нимъ офицера, и его тоже разспрашивалъ. И тотъ сказалъ, что дѣйствительно братъ его былъ посыланъ при Іоаннѣ, но духовнаго чина при немъ не было. А изъ Москвы были получены извѣстія еще хуже. Тамъ свѣдали, и въ дѣлахъ синодальной конторы выправили, что Аѳиногенъ не Аѳиногенъ и не Лука, не епископъ, и даже не попъ, а іеродіаконъ Амвросій, бывшій въ Новомъ Іерусалимѣ ключаремъ, растратившій монастырское имущество, и изъ опасенія законнаго наказанія, убѣжавшій къ зарубежнымъ раскольникамъ. [1]

Стародубье было озадачено такими извѣстіями. Очень боялись розысковъ и преслѣдованій со стороны правительства, если узнаютъ, что у нихъ, въ

---

[1] Іона Курносый говоритъ: «не попусти Богъ, ради препростыхъ душъ, сицевымъ прелестникомъ прельщати христіянъ, ибо въ то самое время пріиде справка изъ Москвы, что онъ Аѳиногенъ въ епископахъ не бывалъ, ни во іеромонахахъ, но церковь, при ней же діакономъ былъ, окралъ драгія вещи, каменіе, привѣсы, и въ Польшу бѣжа.» Въ доношеніи коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ святѣйшій синодъ, 27 мая 1757 года, сказано: «бѣжавшій напередъ сего изъ московскаго Воскресенскаго, называемаго Новый Іерусалимъ, монастыря іеродіаконъ Анвтиногенъ (sic) за границу, въ польскую раскольническую слободу Вѣтку, а оттуда въ Волощину, и назвавъ себя архіереемъ, многихъ посвящалъ въ іереи и діаконы.» См. *Дѣло святѣйшаго синода* 1757 года, № 337 Но на Вѣткѣ Аѳиногенъ не бывалъ, только временно былъ въ Пахоміевомъ монастырѣ, близь города Гомеля.

Зыбкой, нашелъ себѣ убѣжище такой преступникъ и довольно долгое время скрывался между тамошними старообрядцами. Тѣ, у которыхъ любезный сынокъ отца Патрикія исправлялъ требы, крайне соблазнялись, ибо оказалось, что онъ не только архіереемъ, но и попомъ никогда не бывалъ. Попы самозванцы бывали между старообрядцами; это не было какою-нибудь чрезвычайною новостью, но такого грѣха, такого соблазна, чтобъ явился лжеепископъ, еще не бывало. Посыпались на поповщину рѣзкіе укоры и язвительныя насмѣшки изъ слободы Злынки, отъ жившихъ тамъ безпоповцевъ. Өедоръ Сусловъ, дотолѣ приверженецъ Аөиногена, привозившій изъ Борской слободы къ Патрикію его пригласительное письмо и на словахъ передававшій вѣсть объ его архіерействѣ, проклиналъ теперь лжеепископа и сталъ проповѣдывать о самомъ строгомъ изслѣдованіи прежнихъ обстоятельствъ не только по отношенію къ епископамъ, но и попамъ, говоря что правильные попы и архіереи не только должны быть непремѣнно Великороссіяне, но притомъ такіе, которые бы рукоположеніе имѣли по восходящей линіи постоянно отъ архіереевъ Великороссіянъ, несомнѣнно въ три погруженія, а не обливательно крещенныхъ, до временъ патріарха Іосифа, безъ участія Малороссіянъ, поголовно подозрѣваемыхъ въ обливанствѣ... [1] Отъ проповѣди Суслова

[1] Проповѣдь Суслова произвела раздѣленіе въ поповщинѣ. Образовалось такъ-называемое *Суслово мнѣніе*, особенно принятое въ стародубскомъ посадѣ Лужкахъ и оттого въ настоящее время извѣстное подъ именемъ

произошли раздѣленія и раздоры въ поповщинскихъ общинахъ, какъ зарубежныхъ, такъ и великороссійскихъ.

О самозванствѣ Аѳиногена навѣрное узнали не ранѣе 1753 года. Патрикій немедленно написалъ къ нему письмо, въ которомъ не только не называетъ его епископомъ, но даже и іеромонахомъ, обращаясь къ нему, какъ къ монаху, съ обычнымъ титломъ: «пречестный отецъ», и даже не посылая своему любезному сынку благословенія. Вотъ это письмо, замѣчательное по чрезвычайной уклончивости:

«Пречестному отцу Аѳиногену лицеземное поклоненіе. Вѣдомо ти буди, писаніе ваше чрезъ старца Митрофана и другое, нынѣ чрезъ посланнаго вашего человѣка, я получилъ, въ которыхъ о себѣ объявляешь и Бога свидѣтеля поставляешь, что сущая истина, и желаешь насъ прибыти къ вамъ; но обаче, пока не провѣдаемъ, не буду. А о чемъ прежде посланные наши, прибывшіе отъ васъ [1]

Лужковскаго согласія. Іона Курносый принадлежалъ, кажется, къ этому согласію; онъ, въ своемъ сочиненіи, говоритъ, въ его время былъ одинъ только архіерей Великороссіянинъ, Дмитрій Сѣченовъ, да и тотъ рукоположенъ обливанцемъ Стефаномъ Яворскимъ: поэтому ни новыхъ поповъ, ни новыхъ архіереевъ, по его мнѣнію, быть болѣе не можетъ Но онъ ошибается, что Сѣченовъ рукоположенъ Яворскимъ. Онъ получилъ хиротонію при Императорѣ Іоаннѣ, 1 сентября 1741 года, т. е. 19 лѣтъ по смерти Яворскаго, но посвящали его Амвросій Юшкевичъ, архіепископъ новгородскій, и Стефанъ Калиновскій, епископъ псковскій, оба Малороссіяне.

[1] Сусловъ и Кондратьевъ.

возвѣстили намъ о вашей фамиліи [1], слыша о васъ, и о чинѣ [2], чрезъ кого бы увѣдомитися, то изнарочно отъ насъ посыланъ былъ человѣкъ до Москвы и до Петербурга, и того всего не сыскалось. Тожъ случилось ему ѣхать изъ Москвы до Петербурга съ офицеромъ, который де офицеръ между прочимъ въ разговорахъ дорогою о себѣ извѣстилъ, что былъ онъ посыланъ съ показаннымъ тобою лицомъ, а духовнаго де чина съ нимъ не было; то де онъ на его словахъ не утвердился, но проѣхалъ до Петербурга, ходилъ изнарочно къ брату его родному, который тамо живетъ. И онъ тоже показалъ, что братъ его посыланъ былъ при томъ лицѣ, а духовнаго де чина такова при немъ не имѣлось. И потому люди наипаче пришли въ сомнѣніе, а больше мнятъ *о имени Амеросіевѣ*, и нынѣ еще намѣрены послать до васъ человѣка изнарочно, да явиши ему чрезъ кого бъ именно, о чемъ сказуешь, въ Нѣжинѣ Грековъ и старцевъ, и бѣльцовъ увѣдомитись свидѣтельствомъ [3], чтобы что̀ о тебѣ подлинно дознати и самую истинную правду показати могъ, понеже вещь сія не малая, и дѣло сіе суда правильна. Того ради, не испытавъ извѣстно, безъ сомнѣнія быти не возможно. Самъ разсуди праведно. И аще суть истина, яко же ты глаголеши, то не скрый отъ насъ, но яви подлинно кѣмъ увѣдомиться, безъ того бо о тебѣ единомъ увѣритися сомнительно. При семъ вамъ доброжелательный и отецъ духовный іерей *Патрикій* кланяюсь. Не поскорбѣти о семъ и не гнѣватися [4].»

---

[1] О недошедшей до насъ дворянской фамиліи Аѳиногена.

[2] То-есть объ епископскомъ санѣ.

[3] Обстоятельство остающееся не объясненнымъ. Вѣроятно Аѳиногенъ въ чемъ-нибудь ссылался на нѣжинскихъ Грековъ въ доказательство мнимаго своего архіерейства. Нѣтъ ли тутъ рѣчи о посвященіи его греческимъ митрополитомъ Даніиломъ въ Рени?

[4] Андр. Іоан. Журавлева *Историческое извѣстіе о раскольникахъ*, стр. 303, 304.

Слухи о самозванствѣ Аѳиногена распространились еще быстрѣе, чѣмъ предшествовавшіе имъ слухи объ его архіерействѣ. Они росли съ каждымъ днемъ, ряды приверженцевъ лжеепископа значительно рѣдѣли. Напрасно жившій у молдавскихъ старообрядцевъ, бѣглый изъ Россіи попъ, Варлаамъ съ клятвою увѣрялъ всѣхъ своихъ единовѣрцевъ, что Аѳиногенъ есть истинный и правильно поставленный епископъ; напрасно онъ увѣрялъ, что Аѳиногенъ, бывъ у него на исповѣди, присягу въ томъ принималъ; напрасно попы, рукоположенные лжеепископомъ, горячо стояли за своего архіерея и громогласно проповѣдывали о дѣйствительности принятаго имъ на себя сана; — слухи о его недобросовѣстности, объ обманѣ простодушныхъ, но ревностныхъ къ старому обряду людей, до такой степени усилились въ Яссахъ, что самъ господарь, считая и себя обманутымъ этимъ ловкимъ пройдохою, велѣлъ его поймать и хотѣлъ повѣсить. Аѳиногенъ вовремя свѣдалъ о грозившей ему опасности, и наскоро собравшись, бѣжалъ въ Буковину, а оттуда пробрался въ покинутую было имъ Борскую слободу. Но и здѣсь старообрядцы встрѣтили его холодно, а ревностнѣйшіе хранители стараго обряда хотѣли даже убить его за соблазнъ, сдѣланный всему христіянству древляго благочестія. Перетолковывая евангельскія слова о тѣхъ, посредствомъ которыхъ вносятся въ міръ соблазны, они намѣревались въ самомъ дѣлѣ привязать ему жерновъ на шею и, за неимѣніемъ по близости моря, бросить въ Бугъ. Но Аѳиногенъ счастливо

избѣгнулъ и этой опасности, бѣжалъ и изъ Борской слободы, но куда ни приходилъ, вездѣ встрѣчалъ или холодный пріемъ, или даже угрозы схватить его и выдать русскому правительству. Онъ воротился было на Вѣтрянку, но и тамъ не могъ долго оставаться. Приходилось лжеепископу разстаться съ своимъ омофоромъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. «Отъ стыда и срамоты, говоритъ Іона Курносый,—борзо собрався и склався, на возъ сѣдши, погна борзо» и прискакавъ въ первый пограничный городъ королевства Польскаго, Каменецъ-Подольскій, скинулъ здѣсь архіерейское платье, принялъ католическую вѣру, обрился, надѣлъ парикъ и записался въ каменецкій гарнизонъ жолнеромъ. Изъ самозванца-архіерея вышелъ красивый, блестящій жолнеръ. Ловкость обращенія, пріятныя манеры, достаточное образованіе и значительныя деньги, добытыя архіерействованіемъ у старообрядцевъ: открыли Аѳиногену входъ въ дома шляхетскіе и даже вельможные; ему покровительствовали іезуиты, въ награду за обращеніе въ римскую церковь, а женщины были въ восторгѣ отъ красавца авантюриста. Дочь одного богатаго пана влюбилась въ бывшаго архіерея. Увѣрившись въ ея любви, онъ посватался было, но гордый панъ наотрѣзъ отказалъ ему. Аѳиногенъ однако женился на своей возлюбленной, и кажется, не безъ романическихъ приключеній. Съ богатымъ приданымъ, жена принесла ему связи съ значительными людьми, посредствомъ которыхъ бывшій старовѣрческій епископъ въ короткое время сдѣлалъ большіе успѣхи въ ко-

ролевской службѣ. Черезъ четыре года послѣ того какъ онъ бѣжалъ въ Каменецъ-Подольскій (въ 1757 г.), онъ былъ уже капитаномъ въ Краковѣ и жилъ тамъ съ женою и дѣтьми въ довольствѣ и роскоши. Потомъ, если вѣрить раскольническимъ сказаніямъ, былъ онъ полковникомъ и даже генераломъ [1].

---

[1] Доношеніе коллегіи иностранныхъ дѣлъ святѣйшему синоду, 27-го мая 1757 г. въ дѣлѣ синода 1757 г. № 337. «По подлинному удостовѣренію отъ посланныхъ въ Россію двухъ человѣкъ раскольниковъ явилось, что Анвтиногенъ (sic) лживо назвалъ себя бывшимъ въ Россіи епископомъ, который услыша многое на него отъ раскольниковъ роптаніе, изъ Волощины въ польскій пограничный городъ Каменецъ-Подольскій бѣжалъ, и оставя тамъ епископскій чинъ, принялъ католицкій расколъ и записался въ томъ городѣ въ гарнизонъ жолнеромъ, а нынѣ находится капитаномъ и посланъ оттуда въ Краковъ, гдѣ и до сего времени жительство имѣетъ съ женою и съ дѣтьми, о чемъ того посылаемаго изъ Кіева увѣрилъ и находящійся въ польскомъ мѣстечкѣ Могилевѣ комендантъ.» Іона Курносый: «Доѣхавъ (Аѳиногенъ) до нѣкоего панства, къ пану приступивъ, дары драгіе поднесе, прошаше пріятися во услуженіе, онъ же, панъ, пріявше его Аѳиногена, пристави его надъ своими жолнерами полковникомъ.» Изъ Борской слободы старообрядцы такъ писали въ послѣдствіи къ Патрикію въ Зыбкую: «Во отцѣхъ отцу, священноіерею Патрикію, желаемъ вашего отеческаго благословенія и пр. Нужное вашему благословенію возвѣщаемъ вкратцѣ и слезно вашего пастырства просимъ, нынѣ мы осиротѣхомъ безъ священства. Который отъ вашего благословенія священникъ Савва, по пріѣздѣ Андреяна, и отъ насъ ушелъ, и въ поступкахъ христіанскихъ весьма былъ непостояненъ, и теперь остаемся безъ священства, и просимъ твое благословеніе всѣ слезно: Господа ради,

Изъ какой фамиліи былъ Аѳиногенъ—не знаемъ, но что онъ былъ дворянскаго происхожденія, это положительно вѣрно, иначе онъ не могъ бы поступить въ королевскую службу и такъ скоро сдѣлаться капитаномъ, а можетъ-быть и генераломъ. Въ Польшѣ это было невозможно. Вѣроятно, въ архивѣ московской синодальной конторы или въ Новомъ Іерусалимѣ сохранилось какое-нибудь дѣло о расхищеніи ключаремъ Амвросіемъ монастырскаго имущества и объ его побѣгѣ. Въ немъ, конечно, есть извѣстіе и о томъ, изъ какой фамиліи происходилъ этотъ ловкій авантюристъ.

чтобъ ты насъ посѣтилъ и ты бы наше сомнѣніе рѣшилъ объ Аѳиногенѣ, понеже онъ нынѣ генераломъ и ходитъ по-нѣмецки, и въ парикахъ, и борода обрита, и тамъ многіе люди были и видѣли; Яковъ Яковлевичъ Панкѣевъ былъ тамъ и сказывалъ намъ, что сватался у пана къ дочери, и онъ не отдалъ. Осадчій слободы Приворотни видѣлъ и говорилъ съ нимъ, что онъ уже обритъ. И пишемъ самую сущую правду.» Анд. Іоанн. Журавлева *Истор. извѣстіе о раскольникахъ*, стр. 306, 307. Преемникъ Аѳиногена, Анфимъ, такъ говоритъ объ этомъ поступкѣ своего предмѣстника въ письмѣ къ молдавскому митрополиту Іакову, отъ 12-го декабря 1756 года: «Мужъ въ поученіи хитръ, обаче въ вѣрѣ непостояненъ: не стерпѣ бо зрѣти суевѣрій липованскихъ, еще же убоялся сильныя руки императорскія, вдался до римскихъ бископовъ, у которыхъ пребываетъ даже и до днесь, кромѣ святительскихъ дѣйствъ, въ лицѣ панства.» *Дѣло о раскольническомъ арх. Анфимѣ*, въ архивѣ синода 1757 г. № 337.

ГЛАВА VI.

Анфимъ.

Смиренный епископъ, преобразившійся въ ловкаго капитана, цѣломудренный постникъ, женившійся на польской красавицѣ, произвелъ громадный скандалъ во всемъ русскомъ и зарубежномъ старообрядствѣ. Всѣ и повсюду признали его обманщикомъ и самозванцемъ, кромѣ поповъ имъ рукоположенныхъ, которымъ не хотѣлось разстаться съ полученнымъ священствомъ, доставлявшимъ хорошія средства къ жизни. Но и имъ плохо приходилось: ихъ никто не принималъ въ домы съ требами, надъ ними смѣялись, называя въ шутку «капитанами» и «жолнерами». Но Аѳиногенъ былъ не послѣднимъ лжеепископомъ. Вслѣдъ за нимъ явился новый, называвшій себя *архіепископомъ кубанскимъ и Хотинскія Раи*. Звали его Анфимъ.

Какъ Аѳиногенъ отличался своею красивою, привлекательною наружностію, такъ преемникъ его неблагообразіемъ. Лѣтъ пятидесяти отъ роду, средняго роста, плечистый, лицо полное, красное, обезображенное оспой и покрытое угрями, глаза кровавые, небольшая черная борода, длинные черные

волосы и рваныя палачомъ ноздри — вотъ наружность новоявленнаго у зарубежныхъ старообрядцевъ епископа [1].

Родомъ былъ онъ съ Дону, но неизвѣстно, изъ казаковъ или изъ поповичей. Былъ человѣкъ начитанный, свѣдущій въ Писаніи и церковныхъ уставахъ — качества, весьма цѣнимыя старообрядцами и во всякое время доставлявшія въ средѣ ихъ большой авторитетъ тому, кто обладалъ ими. Но въ то же время Анфимъ, по выраженію современника его, Ивана Алексѣева, былъ «мужъ забѣглаго ума, своенравенъ и безсовѣтенъ». Великую извѣстность, великое уваженіе получилъ онъ сначала между старообрядцами, ибо много пострадалъ за старый обрядъ и «древлее благочестіе», что̀ доставило ему и славу «страдальца». Сдѣлался онъ столпомъ старообрядчества, и вдругъ гордость и любоначаліе до того обуяли его, что натворилъ онъ дѣлъ необычайныхъ, какихъ «вѣдущіе его отнюдь и въ мысли

[1] Указъ изъ московской конторы святѣйшаго синода кіевскому преосвященному 1751 года 24-го іюня: «а примѣтами оный Анфимка: росту средняго, плечистъ, лицо круглое, угреватое, побитое рябинами, ноздри съ обѣихъ сторонъ рваныя, пытанъ, глаза кровавые, волосы на головѣ черные, длинные, борода малая, лѣтъ въ пятьдесятъ.» Посыланный кіевскимъ вице-губернаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ Костюринымъ, въ Яссы и Хотинъ въ 1757 г., для развѣдываній объ Анфимѣ, донесъ о примѣтахъ его такъ: «среднихъ лѣтъ, плечистъ, борода малая, обѣ ноздри рваныя, лице полное, угреватое, въ словахъ рѣчистъ.» (См. *Дѣло святѣйшаго синода о раскольническомъ арх. Анфимѣ* 1757 года.

имяху». Предметъ всеобщаго благоговѣйнаго уваженія сдѣлался предметомъ смѣха. «Велію, говоритъ Иванъ Алексѣевъ, тотъ Анфимъ науку собою показа внимающимъ, что дѣетъ любоначальство, и коимъ концомъ любящіе мірскія чести овѣнчеваютъ.»[1]

По словамъ самого Анфима[2], онъ тридцати лѣтъ отъ роду рукоположенъ былъ воронежскимъ епископомъ, несчастнымъ Львомъ Юрловымъ (1727—1730), въ дьячки, а вскорѣ потомъ поступилъ въ число братіи Кременскаго монастыря[3], и здѣсь воронежскимъ же епископомъ, Іоакимомъ Струковымъ (1730—1742), посвященъ въ іеродіаконы и іеромонахи. Познакомившись съ старообрядцами, которыхъ и тогда, какъ и теперь, на Дону было много, Анфимъ ушелъ къ нимъ, но не оставаясь долго между Донцами, отправился странствовать по Россіи. О первоначальныхъ похожденіяхъ его между старообрядцами намъ неизвѣстно, но въ концѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія мы находимъ его

---

[1] Иванъ Алексѣевъ: *Исторія о бѣгствующемъ священствѣ* въ *Лѣтоп. русск. ист. и древн.* т. IV, смѣсь, стр. 65 и 66.

[2] *Дѣло святѣйшаго синода о раскольн. архіереѣ Анфимѣ.*

[3] Кременскій Вознесенскій монастырь нынѣ Донской, а тогда Воронежской епархіи, былъ основанъ въ 1711 году на правомъ берегу рѣки Дона, въ 10 верстахъ отъ Кременской станицы. Онъ былъ упраздненъ въ 1788 г., но по просьбѣ Донскихъ казаковъ возстановленъ въ 1798 году. Онъ въ 3 классѣ и есть единственный во всей Землѣ Войска Донскаго мужской православный монастырь, содержится на счетъ войска.

уже схимникомъ. Принявъ схиму, конечно, въ какомъ-нибудь старообрядческомъ скитѣ, Анфимъ, вслѣдствіе сенатскаго указа 1746 года декабря 13, о томъ чтобы «сыскивать богопротивной ереси наставниковъ и предводителей и ихъ сообщниковъ, а по сыску, заковавъ въ ручныя и ножныя желѣза, отсылать ихъ въ слѣдственную о раскольникахъ коммиссію (бывшую въ Москвѣ при синодальной конторѣ) въ самой скорости, безо всякаго задержанія», былъ гдѣ-то пойманъ и представленъ въ Москву. Его судили, пытали, присудили къ кнуту, вырванію ноздрей и ссылкѣ въ Сибирь на каторжную работу. Съ каторги ли, на пути ли въ Сибирь, того не знаемъ, ему удалось бѣжать, и онъ послѣ того долгое время, попрежнему, странствовалъ между старообрядцами. Позорныя клейма, наложенныя рукой палача, рваныя ноздри, слѣды кнутовыхъ рубцовъ на спинѣ Анфима, были чествуемы ревнителями «древляго благочестія», какъ святыя, доблія раны великаго страдальца за имя Христово. Лишь только появлялся онъ гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ, среди горячихъ своихъ почитателей, какъ уже сходились къ мученику за «старую вѣру» и старъ, и младъ, и мущины, и женщины, и дѣти; какъ святыню, со слезами лобызали они слѣды ранъ Анфимовыхъ и отверзстою душой слушали его поученія. А онъ былъ рѣчистъ. Помнилось каждое слово учительнаго схимника, честно хранилась каждая незначительная вещь, даваемая странникомъ-страдальцемъ на благословеніе. Но не долго продолжался этотъ второй періодъ странствій Анфима: въ 1750

году его опять поймали и опять переслали въ Москву, въ коммиссію....

Сидитъ Анфимъ-страдалецъ въ московской тюрьмѣ каменной, приходитъ народъ къ колодникамъ сотворить святую милостыню и слышитъ учительныя слова Анфима; слышитъ о томъ, какъ прежде былъ мучимъ краснорѣчивый схимникъ за «древлее благочестіе», какъ впереди предстоятъ ему новыя, еще бо́льшія страданія. Старообрядцевъ множество посѣщало Анфима въ «бѣдности», приходило множество и православныхъ. И эти заслушивались рѣчей краснорѣчиваго Анфима, и они удивлялись «разуму ученія его».

Въ «бѣдности» у Анфима было особое помѣщеніе, и къ нему приставленъ былъ, для караула, особый сержантъ. Приходившіе къ «батюшкѣ» Анфиму старообрядцы давали тому сержанту «почесть», то-есть, по-просту сказать, подкупали его, чтобъ онъ не препятствовалъ бесѣдамъ ихъ съ «страдальцемъ». Одна богатая старуха, вдова, дворянскаго рода, часто посѣщала «батюшку Анфима» и приводила къ нему жившихъ у нея двухъ дѣвушекъ; одна изъ нихъ была дочь купеческая, другая — секретарская. «Онъ же упользова ю, сказуя древляго благочестія содержимыя церковныя узаконенія и обычаи, измѣненные Никономъ». Всѣ три почувствовали сильную привязанность къ страдальцу Анфиму и, прельщенныя его словами, уклонились въ расколъ. Анфимъ, зная что московская барыня очень богата, вздумалъ, съ помощію ея, освободиться изъ тюремнаго заключенія, избавиться отъ

неминуемаго, тяжкаго наказанія и укрыться вмѣстѣ съ нею и ея богатствами въ какомъ-либо надежномъ, недоступномъ для московскихъ преслѣдователей мѣстѣ [1].

И сталъ онъ ее уговаривать, чтобъ «ей съ нимъ убраться въ польскіе предѣлы, паче же на Вѣтку, мня пріятъ быти тамошними отцы». Всѣ мысли, всѣ помышленія барыни-старушки были въ волѣ Анѳима; она, въ религіозномъ фанатизмѣ, увлекшись учительными словами «батюшки-страдальца», своей воли болѣе не имѣла, и возражать ему, не только словомъ, но и мыслію, не могла. Обѣ дѣвушки были въ такомъ же настроеніи духа. Но побѣгъ изъ крѣпкой тюрьмы былъ возможенъ лишь при участіи караульнаго сержанта. Хоть и сержантъ смотрѣлъ на своего заключенника, какъ на святаго, однакоже его не такъ легко было подговорить къ бѣгству за границу. Понемножку, исподоволь, осторожно сталъ Анѳимъ склонять его къ побѣгу, представляя въ самыхъ обольстительныхъ краскахъ будущее ихъ житье-бытье на Вѣткѣ. «Съ нами бы поѣхала одна богатая барыня, денегъ у нея счету нѣтъ, не то что намъ—тысячи человѣкамъ достанетъ на самый долгій вѣкъ прожить на эти деньги во всякомъ удовольствіи и спокойствіи. Тамъ, за рубежомъ, нѣтъ ни службы, ни грознаго начальства, тамъ всякій человѣкъ самъ себѣ господинъ; а здѣсь, на солдатской своей службѣ, знаешь ты только горе да недостатки, каждый день не доѣшь, каждый день не

[1] Іона Курносый.

доспишь, и отъ начальства муку принимаешь, а тамъ, что̀ только на умъ вспадетъ—все будетъ тотчасъ же готово по твоему желанію.» Сержантъ не малое время колебался, но обѣщаемое будущее такъ было привлекательно, что онъ далъ свое согласіе.... Тогда барыня наскоро собралась съ двумя дѣвушками, будто бы въ Кіевъ на поклоненіе тамошнимъ угодникамъ, и поѣхала изъ Москвы. Сержантъ избралъ удобное время и, ночью на 27 августа 1750 года, бѣжалъ вмѣстѣ съ Анѳимомъ. На дорогѣ пристали они къ барынѣ. Опасаясь погони, бѣглецы ѣхали на перемѣнныхъ лошадяхъ до Стародубья, и здѣсь на время нашли надежный пріютъ у старообрядцевъ. Нѣсколько дней спустя, они, перебравшись черезъ литовскій рубежъ, благополучно достигли Вѣтки [1].

Можетъ-быть успѣхъ Аѳиногена подалъ мысль честолюбивому Анѳиму сдѣлаться зарубежнымъ старообрядческимъ епископомъ. Славолюбіе, такъ долго питаемое уваженіемъ старообрядцевъ, доходившимъ чуть не до обожанія, возрастило въ сердцѣ его гордость и страстное желаніе начальствовать, повелѣвать. Но при первомъ шагѣ за границу его гордости нанесенъ былъ сильный ударъ. До Вѣтки и вообще до зарубежныхъ старообрядческихъ слободъ, не достигла еще слава Анѳима

[1] Іона Курносый и допросъ казаку волжскаго казачьяго войска, Семену Чижову, снятый въ астраханской губернской канцеляріи 30 мая 1763 г. См. *Дѣло о раскольнич. архіерей Анѳимѣ.*

«страдальца», столь громкая на Дону, на Волгѣ, въ Сибири. Его приняли какъ обыкновеннаго выходца. Это оскорбило Аноима, не привыкшаго къ равнодушнымъ встрѣчамъ. «Постой же, думалъ онъ: коли такъ, примете же вы меня, павши ницъ передъ мною.» И онъ сказался вѣтковскимъ отцамъ, что получилъ онъ въ Великой Россіи великую архіерейства хиротонію и просилъ принять его въ соединеніе, общеніе и согласіе по древлецерковному благочестію. Проученные уже Епифаніемъ, Вѣтковцы отвѣчали Аноиму, что въ скоромъ времени принять его они не могутъ. «Просто, какъ міррянина, принять тебя нельзя, потому что объявляешь себя епископомъ, а чтобы за епископа тебя признать, то, по божественному писанію и по правиламъ, достоитъ намъ справиться, на которой ты епископіи, и въ которомъ градѣ былъ и которыми епископами поставленъ.» Аноимъ, видя что Вѣтковцы не такъ легковѣрны, какъ онъ предполагалъ, замолчалъ, ибо не зналъ какъ и сказать, въ какомъ онъ городѣ былъ архіереемъ и какими епископами рукоположенъ. Пойдутъ справки въ Россіи, думалъ онъ, и ложное показаніе рано или поздно обличится. Съ досадой, съ плохо-скрываемымъ озлобленіемъ ушелъ онъ съ собора вѣтковскихъ отцовъ и тотчасъ же далъ волю своему пылкому своенравному, не терпѣвшему ни малѣйшихъ противорѣчій, характеру. Что ни день, то новая какая-нибудь ссора происходила у Аноима съ Вѣтковцами, которымъ въ короткое время онъ до того надоѣлъ, что они не знали какъ и отдѣлаться отъ незван-

наго гостя. То и дѣло онъ ругалъ и злословилъ ихъ, «изрицая поносная ругательная, изметая отъ злаго сокровища сердца своего злая глаголанія».

— Вы бѣглецы! кричитъ, бывало, на вѣтковскихъ отцовъ самъ такой же бѣглецъ Анѳимъ: — забились сюда, въ чужую державу, какъ сверчки!

И прискорбны были такія слова отцамъ вѣтковскимъ, и писали отцы въ Москву, жалобясь на выѣхавшаго оттуда обидчика и ругателя. Въ Москвѣ старообрядцы не мало дивились вѣтковскимъ вѣстямъ и никакъ не могли понять, что бы такое могло случиться съ такимъ, славнымъ учительствомъ своимъ и страданіями, человѣкомъ. Между тѣмъ увидавъ, что ужиться съ Вѣтковцами невозможно, Анѳимъ уѣхалъ отъ нихъ съ своими домочадцами отыскивать такого пана, который бы отвелъ ему въ своихъ маетностяхъ хорошенькое мѣстечко для заселенія его новою слободой русскихъ старообрядцевъ, которые тогда во множествѣ переходили за рубежъ [1]. Бѣлорусскіе землевладѣльцы находили для себя весьма выгоднымъ отдавать участки довольно пустынныхъ и притомъ неплодородныхъ земель своихъ подъ старообрядческія слободы, ибо получали отъ этихъ поселенцевъ такой доходъ, какого не могли бы извлечь изъ своего имѣ-

[1] Все о побѣгѣ изъ Москвы и о пребываніи въ Вѣткѣ заимствовано у Іоны Курносаго. Согласно съ Іоной, что Анѳимъ тотчасъ по прибытіи на Вѣтку назвался епископомъ, показалъ при допросѣ, 30 мая 1763 года, въ астраханской губернской канцеляріи, казакъ Волжскаго Казачьяго Войска Чижовъ.

нія никакими средствами. Поэтому они съ большою готовностію и позволяли имъ водворяться за извѣстный чиншъ на своихъ земляхъ, и потомъ, когда образовывались слободы, берегли ихъ, какъ самыя лучшія доходныя статьи свои. При такихъ условіяхъ, богатому, богатствомъ московской барыни, Анѳиму нисколько не затруднительно было найдти ясновельможнаго пана, который пустилъ бы его на свою землю. И ему не нужно было очень далеко ѣздить: сосѣдній землевладѣлецъ, князь Чарторыйскій, владѣтель мѣстечка Гомеля, отвелъ ему прекрасное и удобное мѣсто въ шести миляхъ отъ Вѣтки, внизъ по рѣкѣ Сожу, въ урочищѣ называемомъ Боровицы, гдѣ находилась и старая пустая часовня, едва ли не оставшаяся еще послѣ вѣтковскаго раззоренія 1735 года. На деньги московской барыни Анѳимъ въ самое короткое время привелъ Боровицу въ блестящее состояніе. Въ часовнѣ явились древнія иконы съ дорогими окладами, богатая ризница, полный кругъ богослужебныхъ книгъ, драгоцѣнные сосуды, дискосы и другая утварь. Анѳимъ немедленно началъ отправлять въ этой часовнѣ богослуженіе, а между тѣмъ приступилъ къ постройкѣ церкви и двухъ монастырей—мужскаго и женскаго. Кельи были немедленно выстроены для того и другаго. Въ мужскомъ сдѣлался настоятелемъ самъ Анѳимъ. За братіею дѣло не стало, слухъ о несмѣтныхъ, неизчетныхъ богатствахъ строителя Боровицкихъ монастырей быстро распространился по Россіи: чернецы, уставщики, послушники немедленно явились въ Анѳимовомъ монастырѣ.

Приходили къ нему даже съ отдаленныхъ береговъ низовьевъ Волги [1]. Въ женскомъ монастырѣ игуменьей сдѣлалась московская барыня; ее постригъ Анѳимъ и назвалъ въ иночествѣ Елизаветой; пріѣхавшія съ ней дѣвушки также приняли монашество и поступили въ Боровицкій монастырь: одна наречена Анѳимомъ при постриженіи Андра (?) Пелагеей, другая Алкаветой (?); чрезъ нѣсколько времени Анѳимъ рукоположилъ обѣихъ въ древній санъ діакониссъ [2]. Кромѣ ихъ было не мало и другихъ монахинь и бѣлицъ въ новоустроенной обители матушки Елизаветы. Вокругъ обоихъ монастырей вскорѣ образовалась довольно многолюдная слобода.

Анѳимъ былъ такой человѣкъ, что если разъ заберетъ онъ что-нибудь себѣ въ голову, такъ ужь чего бы то ни стоило, а пойдетъ добиваться задуманнаго до послѣдней крайности. Не было силы, которая бы могла остановить его; упрямый былъ человѣкъ, гордый, и считая себя умнѣе всѣхъ, не слушался ничьихъ совѣтовъ. «Мужъ безсовѣтенъ былъ», сказалъ о немъ Иванъ Алексѣевъ, можетъ-быть знавшій его лично. Страсть повелѣвать, ненасытное желаніе видѣть толпу преклоняющуюся, благоговѣйно слушающую каждое его слово, принимающую каждое его велѣніе безпрекословно, безъ

---

[1] Показаніе Семена Чижова, казака Волжскаго Казачьяго Войска: «и я, будучи въ Боровицахъ, во всеночной на крылосѣ пѣлъ, а братъ мой, Иванъ Оловянишниковъ, стихѣры разказывалъ подъ Николинъ день».

[2] Показаніе казака Чижова въ *дѣлѣ синода, 1757 г. о раск. арх. Анѳимѣ*.

разсужденія — этотъ духъ любоначалія преобладалъ въ Анѳимѣ. Этотъ-то духъ гордыни и вовлекъ его въ тѣ поступки, которые, въ глазахъ даже самыхъ приверженныхъ къ нему старообрядцевъ, наложили темное пятно на память этого «великаго страдальца». Удовлетворить его любоначаліе теперь могъ только архіерейскій омофоръ; его-то и сталъ онъ искать всѣми средствами, не разбирая ихъ нравственнаго достоинства. Ѣхать въ Яссы, и подобно Епифанію получить тамъ архіерейскую хиротонію — сдѣлалось цѣлью его жизни; онъ былъ увѣренъ, что рано ли, поздно ли, но такими или иными средствами, а ужь достигнетъ онъ архіерейства и безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, съ совершеннымъ спокойствіемъ, сталъ называть себя «нареченнымъ епископомъ». Какъ въ старину «нареченные епископы» управляли церковью и дѣйствовали по-святительски, воздерживаясь только служить по-архіерейски и рукополагать священниковъ и дьяконовъ [1], такъ и Анѳимъ сталъ теперь управлять въ Боровицахъ по-епископски, тайно сносясь съ молдавскими старообрядцами и собирая свѣдѣнія какъ, гдѣ и отъ какого греческаго митрополита удобнѣе будетъ получить хиротонію. Онъ имѣлъ въ виду и митрополита ясскаго, и митрополита браиловскаго, и архіепископа крымскаго. Подкупность Фанаріотовъ была ему хорошо извѣстна, и располагая заплатить за омофоръ деньгами Елизаветы въ такомъ размѣрѣ, какого они потребуютъ, Анѳимъ, у ко-

[1] Такъ напримѣръ дѣлалось это въ древнемъ Новгородѣ.

тораго на памяти были всѣ церковные уставы, не смущался правилами, по которымъ за деньги рукополагающій въ епископы и рукополагаемый оба подлежатъ лишенію сана и изверженію изъ церкви.[1] Не каноны смущали его, а затруднительность дѣла. Надо ѣхать за Днѣстръ или въ Крымъ, надо просить господаря или хана, надо ожидать неминуемыхъ препятствій со стороны мѣстныхъ Липованъ или же искать ихъ любви и покровительства, а это было для него невозможно; его гордая, высокомѣрная натура никогда бы не допустила его до такого, по его мнѣнію, униженія. Въ это время (въ 1752 г.) былъ въ предѣлахъ польскихъ Аѳиногенъ. Анѳимъ и обратился къ нему за хиротоніей. «Не вѣмъ кому дивитися,» говоритъ по этому случаю Иванъ Алексѣевъ въ своей *Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ*, «народному ли нечувствію или толикой страшной дерзости Анѳимовѣ? Яко толикій мужъ вѣдущій, и толико терпѣніе за древнее пострадавый, легкими юзами любоначальства связанъ, тако паде и многимъ смѣхъ на себѣ привлече, разумнымъ же страхъ, яко тако скорыма ногама къ подложному епископу притече и неиспытно веліе на себе обязательство оному даде, во вся дни почитати и покарятися тому и прочая.»[2]

Аѳиногенъ получивъ значительную сумму денегъ изъ сундука московской барыни, преобразившейся

---

[1] Вселенскаго IV собора 2 правило, Вселенскаго VI собора 22 правило, Вселенскаго VII собора 5 и 19 правила. Правило апостольское 29.

[2] Иванъ Алексѣевъ, *Исторія о бѣгств. священ.* стр. 66

въ раскольническую игуменью, обязалъ горделиваго Анѳима клятвою послушанія себѣ и посвятилъ,— но только пока еще въ санъ архимандрита, обѣщаясь впрочемъ со временемъ произвести его и въ архіереи. Дѣлать было нечего, смирился передъ молодымъ красавцемъ старикъ Анѳимъ, никому не покорный, но служа какъ архимандритъ, святительствовалъ какъ «нареченный епископъ». Надѣвъ архимандричью шапку, «нареченный епископъ» не очень стѣснялся въ правахъ своихъ: тотчасъ же, по извѣстію Іоны Курносаго, началъ поповъ святить и разсылать ихъ по старообрядческимъ зарубежнымъ слободамъ. При крайнемъ недостаткѣ поповъ, старообрядцы и ихъ принимали: у нихъ былъ достаточный запасъ святыхъ даровъ, совершаемыхъ Анѳимомъ въ Боровицахъ, а этого было уже слишкомъ достаточно для тогдашнихъ старообрядцевъ. Въ попы на первый разъ онъ поставилъ только двухъ, самыхъ приверженныхъ себѣ и болѣе другихъ угождавшихъ его властолюбивому характеру людей: родныхъ братьевъ—Михаила и Іосифа Буркиныхъ. Съ ними вмѣстѣ и со всѣмъ своимъ церковнымъ кругомъ и съ діакониссами, освятилъ онъ новую Боровицкую церковь и постригалъ чернецовъ[1]. Въ это время получилъ онъ извѣстіе, что въ Москвѣ старообрядцы крайне нуждаются въ священникахъ, и немедленно послалъ одного изъ поповъ своего поставленья въ Гуслицкую волость.

[1] Показаніе казака Семена Чижова въ *Дѣлѣ святѣйшаго синода о раск. арх. Анѳимѣ*.

Анѳимовскій попъ пріѣхалъ въ Гуслицу и тотчасъ же принялся за поповское дѣло: сталъ исповѣдывать, крестить, вѣнчать, хоронить. Не мало нашлось и для него духовныхъ дѣтей. Но скоро и въ Москвѣ, и въ Гуслицѣ свѣдали, что̀ за архіерей такой Анѳимъ-страдалецъ и что̀ за попъ, его ставленникъ. Воротили попа за рубежъ къ пославшему его, и велѣли говорить Анѳиму: «почто ты, отецъ архимандритъ Анѳимъ, поповъ поставляешь? Вѣдь архимандриту поповъ поставлять писанія и правилъ нѣтъ.» И умолчалъ Анѳимъ, видя что дѣло его худо и другимъ неспасительно [1]. Послѣ этого онъ пуще прежняго сталъ добиваться у Аѳиногена архіерейской хиротоніи. Аѳиногену нельзя было для этого ѣхать въ Боровицу: мы уже знаемъ въ какомъ положеніи находился онъ въ исходѣ 1752 и началѣ 1753 года, онъ уже бѣгалъ тогда изъ мѣста въ мѣсто, ежечасно опасаясь за самую жизнь свою. Анѳиму же ѣхать за Днѣстръ и принимать хиротонію отъ находившагося въ столь незавидномъ положеніи епископа тоже было не безопасно. Какъ же помочь горю, какъ выйдти изъ безвыходнаго почти положенія?

Старообрядцы въ своихъ дѣйствіяхъ весьма часто держатся правила Св. Писанія: «по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ» [2]. Поэтому они хотя и говорятъ, что всѣ уставы и правила церковные должны сохраняться неуклонно и точно, однакоже,

---

[1] Іона Курносый.

[2] Посланіе къ Евреямъ VII, 12.

«нужды ради», въ случаѣ необходимости, допускаютъ большія уклоненія отъ правилъ. Не находя положительныхъ правилъ въ уставахъ, они ищутъ примѣровъ въ церковномъ преданіи; если ихъ не отыскиваютъ, обращаются къ примѣрамъ церковной практики, ищутъ какихъ-либо исключительныхъ случаевъ, бывшихъ въ древней христіанской церкви. Такъ напримѣръ, за неимѣніемъ церкви, допускаютъ они иногда совершеніе литургіи въ домѣ, примѣняясь къ тому, что Св. Лукіанъ даже въ темницѣ на своихъ персяхъ совершилъ евхаристію; такъ, принимая бѣглыхъ поповъ, ссылаются они на житіе Саввы Освященнаго и другіе примѣры церковной исторіи и т. д. Словомъ, совершеніе дѣйствія неузаконеннаго правилами, но въ то же время и не воспрещеннаго прямо, имѣетъ для нихъ въ извѣстныхъ случаяхъ совершенную силу закона. Случается, и довольно нерѣдко, что примѣрамъ взятымъ изъ церковной исторіи они даютъ широкое и даже слишкомъ широкое толкованіе, оправдывая себя въ такомъ случаѣ тѣми же словами апостола Павла: «по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ». Въ правилахъ вселенскихъ соборовъ и Св. Отецъ нигдѣ не говорится о дозволеніи совершать хиротонію заочно, но и нигдѣ не воспрещена заочная хиротонія. А церковная практика представляетъ примѣръ подобнаго посвященія, совершеннаго епископомъ Федимомъ[1] надъ Св. Григоріемъ Неокесарійскимъ. Анѳимъ ухватился за этотъ примѣръ, какъ

[1] Минея Чети подъ 17 ноября.

утопающій за соломинку. Написалъ къ Аѳиногену посланіе, въ которомъ, приводя въ примѣръ Св. Григорія, просилъ его послѣдовать, нужды ради, примѣру епископа Федима и рукоположить его заочно[1]. «Благодать Святаго Духа, писалъ онъ, всегда немощная врачующая и не оскудѣвающая, не стѣсняется предѣлами земными, но вездѣ и присно дѣйствуетъ. Служи божественную литургію въ предстоящій великій четвертокъ въ своей церкви и въ положенное время читай молитвы святой хиротоніи, азъ же, смиренный, въ тотъ самый часъ буду возлагать на себя одежды архіерейскія. При посланіи приложено было золото[2], Аѳиногенъ согласился. Увѣдомилъ онъ Анѳима, чтобы готовился онъ къ хиротоніи и возлагалъ бы на себя священныя одежды архіерейскаго сана въ великій четвертокъ 11 апрѣля 1753 года.

Наступилъ этотъ день, Анѳимъ началъ въ Боровицкой церкви служить литургію соборнѣ съ своими попами, какъ архимандритъ. Послѣ малаго входа съ Евангеліемъ вошелъ онъ въ алтарь и сталъ на колѣни предъ престоломъ, наклонивъ голову. Въ церкви было молчаніе. Знали, что въ эти минуты тамъ, далеко, за Днѣстромъ, въ иномъ государствѣ, епископъ Аѳиногенъ, положивъ руку

---

[1] Ивана Алексѣева *Исторія о бѣгств. священствѣ*, стр. 66.

[2] Іона Курносый говоритъ 20 червонцевъ, а Андрей Іоанновичъ Журавлевъ въ *Историч. изв. о раскольникахъ* упоминаетъ о цѣломъ мѣшкѣ съ червонцами.

на разгнутое Евангеліе, возглашалъ молитву хиротоніи... Анѳимъ всталъ, священники подали ему омофоръ, егколпій, митру, и онъ надѣвалъ ихъ, при пѣніи клира «аксіосъ!» Затѣмъ, взялъ въ руки свѣчи троеплетеную и двуплетеную[1], вышелъ на амвонъ и осѣнилъ предстоящихъ при громогласномъ пѣніи *«исъ полла эти деспота»*. Народъ палъ ницъ предъ епископомъ. Кончая литургію, какъ архіерей, Анѳимъ тогда же посвятилъ попа и діакона. Это было сдѣлано гласно, открыто, торжественно, отнюдь не тайкомъ. Никто не сомнѣвался въ правильности обряда, ибо напередъ было объявлено, что совершается такой обрядъ нужды ради, гонительнаго ради належанія отъ еретикъ, по примѣру Федима епископа, посвятившаго нѣкогда подобнымъ образомъ Св. Григорія во епископы Новой Кесаріи.

Анѳимъ достигъ цѣли— былъ архіереемъ, былъ владыкою старообрядцевъ; ненасытное его самолюбіе вполнѣ было удовлетворено. Успокоивъ совѣсть примѣромъ Св. Григорія, онъ искренно вѣрилъ въ несомнѣнную правильность принятаго имъ сана, и посвящалъ много поповъ и дьяконовъ и разсылалъ ихъ по старообрядческимъ слободамъ. Михаила Буркина и Іосифа онъ «дополнилъ чиномъ», то-есть вновь рукоположилъ, уже какъ епископъ. Увѣренныхъ въ правильности его архіерейства было много даже въ самой Вѣткѣ, гдѣ такъ не возлюбили было въ началѣ Анѳима: на-

[1] Трикирій и дикирій.

чались толки о томъ, не слѣдуетъ ли сего «страдальца за древлее благочестіе» признать православнымъ епископомъ.... И вдругъ.... каково это было узнать Анѳиму? Приходитъ вѣсть, что 11 апрѣля, когда Анѳимъ въ Боровицкой церкви надѣвалъ архіерейское облаченіе, Аѳиногенъ не только не служилъ обѣдни, но уже былъ католикомъ и обритый щеголялъ по улицамъ Каменца-Подольскаго въ ловко сшитомъ кунтушѣ польскаго жолнера! «И остася Анѳимъ въ скорби и печали о неполученіи нарекованія епископомъ», говоритъ Іона Курносый. Скинуть омофоръ, торжественно надѣтый, было несообразно съ своенравнымъ характеромъ Анѳима, оставаться въ литовско-бѣлорусскихъ краяхъ, гдѣ всѣ знали какъ и въ какой именно день посвященъ Анѳимъ, было также невозможно. Въ этихъ мѣстахъ никто не повѣрилъ бы правильности его архіерейства. При такихъ обстоятельствахъ, рѣшился онъ кинуть только что устроенную имъ Боровицу и ѣхать подальше отъ мѣстъ, гдѣ онъ возложилъ на себя архіерейское облаченіе. Анѳимъ рѣшился ѣхать туда, гдѣ въ послѣднее время находился Аѳиногенъ, чтобы вѣрнѣе узнать въ какой именно день бѣжалъ онъ въ Каменецъ и совершалъ ли онъ заочную хиротонію. Въ случаѣ же неблагопріятныхъ для себя по сему случаю извѣстій, онъ намѣревался искать новой хиротоніи или утвержденія въ архіерейскомъ санѣ отъ ясскаго митрополита Іакова....

Показанія двухъ старообрядческихъ писателей прошлаго вѣка, сохранившихъ извѣстія о старооб-

рядческихъ архіереяхъ того времени, совершенно противорѣчивы. Иванъ Алексѣевъ, безпоповецъ, писавшій по слухамъ и притомъ съ видимою цѣлію показать нелѣпость исканія поповщиной архіерейства, говоритъ, что Аноимъ удовольствовался небывалымъ заочнымъ рукоположеніемъ польскаго жолнера. «Въ тое мнимое его (Аноима) поставленіе, говоритъ онъ, уже Аноиногенъ не епископомъ, но у нѣкоего пана капитаномъ сотворися, обаче нѣкоимъ слѣпымъ Аноимъ за епископа вмѣнися и дѣйствова епископьская и во діаконы и въ попы поставляше, кои попы имяху не малыя подзоры (подозрѣнія), ихъ же онъ постави и донынѣ священная дѣйствуютъ.»[1] Охтенскій протопопъ Андрей Іоанновъ Журавлевъ, имѣвшій, какъ видно, нѣкоторые неизвѣстные намъ источники, говоритъ объ Аноимѣ весьма кратко, но также какъ и Иванъ Алексѣевъ замѣчаетъ, что онъ удовольствовался заочною хиротоніей Аоиногена.[2] Но Іона Курносый въ своемъ «Посланіи», основываясь также, конечно, на слухахъ, распространенныхъ по старообрядству Аноимовыми приверженцами, говоритъ, что Аноимъ «много думая и мысля — и яко отъ духа нечиста паде ему на умъ: поѣду въ Ясcы, негли могу желаніе получити—во епископы поставлюся. И сему бывшу, продолжаетъ Іона, прибывъ

---

[1] Иванъ Алексѣевъ *Исторія о бѣгств. священствѣ.* стр. 66.

[2] Андр. Іоанн. Журавлевъ *Истор. извѣстіе о раскольникахъ,* стр. 304—305.

въ Яссы, подаде исповѣданіе согласное, яко такожде вѣруетъ и исповѣдуетъ, яко и онъ, ясской, подавъ прошеніе и дары не малы — все господжи оныя нажитіе; онъ же, епископъ ясскій, посвяти его Анѳима епископомъ и отпусти куда ему годѣ.» Но не совсѣмъ такъ было на самомъ дѣлѣ. Изъ дѣла объ Анѳимѣ, находящемся въ архивѣ синода, видно, что основанныя на слухахъ извѣстія Ивана Алексѣева, Іоны Курносаго и отца Андрея Журавлева одинаково не точны: ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ третьемъ нѣтъ настоящей истины. Въ дальнѣйшемъ описаніи судьбы Анѳима, этого «мужа забѣглаго ума» будемъ держаться преимущественно этого дѣла.

«Епископъ Лука, переименовавшій себя въ Аѳиногена, мужъ въ наученіи хитръ, обаче въ вѣрѣ непостояненъ, не стерпѣ зрѣти суевѣрій липованскихъ, еще же убоявся сильныя руки императорскія, вдался до римскихъ бископовъ, у которыхъ пребываетъ даже и доднесь, кромѣ святительскихъ дѣйствъ, въ лицѣ панства. И преподаде намъ, смиреннымъ, великое сумнѣніе и *неимовѣрство* о своемъ святительствѣ, понеже намъ, смиреннымъ, хиротонисаннымъ бывшимъ имъ епископомъ Лукою, отъ игуменскаго степени даже до епископства. И нужда мнѣ належала вдатися до святительскаго суда, и принять своему сумнѣнію рѣшеніе и *дѣйствительное благословеніе*. Въ которомъ намѣреніи 7261 (1753) изъ державы Польскія поѣхалъ до вашего преосвященства (въ Яссы) и достигъ даже до Рущеръ, что въ повѣтѣ Сочавскомъ,

въ митрополіи вашего преосвященства. И тамо живущіе Липоване много мнѣ препятствія сотворили, чрезъ которое ихъ препятствіе мы, смиренніи, не могли видѣтися съ вашимъ преосвященствомъ и пріять отъ васъ благословеніе и сомнѣнію своему рѣшеніе.» Такъ писалъ Анѳимъ къ ясскому митрополиту Іакову въ 1756 году, когда между ними началась переписка.[1] Само собою разумѣется, что Анѳиму во всемъ вѣрить нельзя, что препятствія со стороны Липованъ, не допустившихъ будто бы его до свиданія съ Іаковомъ, были имъ придуманы въ послѣдствіи, какъ бы въ видѣ оправданія. По всей вѣроятности дѣло было такъ: Анѳиму нельзя было оставаться въ вѣтковскихъ и гомельскихъ предѣлахъ. Оставивъ поповъ Буркиныхъ и Елизавету съ діакониссами Андрой Пелагеей и Алкаветой въ Боровицахъ, онъ одинъ поѣхалъ за Днѣстръ, къ молдовлахійскимъ старообрядцамъ, сказавъ что ѣдетъ въ Яссы за *дѣйствительнымъ благословеніемъ*, то-есть за довершеніемъ хиротоніи посредствомъ ясскаго митрополита. Прибывъ же въ Молдавію, онъ, умалчивая объ Аѳиногенѣ, «объявлялъ о себѣ, яко бы онъ будучи въ Россіи отъ святѣйшаго правительствующаго синода посвященъ епископомъ.»[2] Въ Мануиловкѣ и другихъ старообрядческихъ молдавскихъ слободахъ,

[1] *Дѣло святѣйшаго синода о раск. арх. Анѳимѣ* 1757 года по архивной описи № 337. Письмо Анѳима къ ясскому митрополиту Іакову 12 декабря 1756 года.

[2] Доношеніе коллегіи иностранныхъ дѣлъ святѣйшему синоду 27 мая 1757 г. въ *Дѣлѣ о раск. Анѳимѣ* № 337.

а равно и въ Забахлуйскомъ предмѣстіи города Яссъ, онъ не могъ въ то время найдти себѣ приверженцевъ. Объ его «крѣпкомъ стояніи за древлее благочестіе и святоотеческія преданія», объ его «страданіяхъ» и великомъ подвижничествѣ въ отдаленныхъ странахъ Россіи, тамъ не знали и даже не слыхали, а извѣстіе о мнимомъ посвященіи его петербургскимъ синодомъ приняли недовѣрчиво. Еще полугода не прошло съ тѣхъ поръ какъ между ними былъ другой такой же «свѣжакъ»[1] и тотъ также разказывалъ про себя, что посвященъ онъ въ Россіи, однакоже архіерейство его оказалось самозваннымъ, и онъ, избѣгая достойной за свой обманъ кары, перешелъ въ католичество, и къ небывалому еще, безпримѣрному соблазну, женился и поступилъ въ военную службу. Анѳимъ былъ встрѣченъ въ Молдавіи насмѣшками. Не легко было перенести это такому славолюбивому и своенравному человѣку. Онъ возненавидѣлъ молдавскихъ Липованъ, и не доѣзжая Яссъ, поворотилъ изъ Рущера назадъ, за Прутъ. Здѣсь, въ Хотинскомъ цинутѣ, въ слободѣ Вѣтрянкѣ, встрѣтилъ онъ радушный пріютъ у тамошнихъ старообрядцевъ, и въ 1753 году основалъ тутъ свое пребываніе.

Въ Вѣтрянкѣ онъ обдумалъ планъ своихъ дѣйствій, Православнымъ Румынамъ, Славянамъ и Грекамъ разказывалъ, что онъ—русскій архіерей, уда-

---

[1] Такъ заграничные раскольники зовутъ недавнихъ выходцевъ изъ Россіи.

лившійся изъ отечества, и не распространялся о прежнихъ своихъ обстоятельствахъ. Да и не для чего было распространяться: въ Россіи часто низлагали въ то время епископовъ и почти всегда безвинно; не мало было и такихъ, которые сами удалялись изъ епархій. Самые слѣды публичнаго наказанія на лицѣ Анѳима не могли особенно удивить молдавскихъ православныхъ, ибо у нихъ ходили даже преувеличенные слухи о «гоненіи русскихъ епископовъ» Прокоповичемъ, «вдавшимся въ люторскую ересь», и единомышленниками его Бирономъ и иными Нѣмцами. Знали и то, что рукоположившій Анѳима въ дьячки Левъ Воронежскій, былъ сѣченъ кнутомъ публично и притомъ безвинно[1]. Да и вообще Молдованъ и Грековъ не могли особенно удивлять ни клейма на лбу и скулахъ Анѳима, ни рваныя его ноздри, ни покрытая кнутовыми рубцами спина: и у нихъ, во владѣніяхъ турецкаго султана, бывали архіереи съ рѣ-

[1] Никогда не было у насъ такъ много низлагаемо архіереевъ, какъ въ теченіи сорока лѣтъ, съ 1718 по 1758. Въ это время казненъ смертію Досиѳей Ростовскій 1718; сѣченъ кнутомъ Левъ Воронежскій 1730; лишены сана и заточены: Ѳеодосій Новгородскій 1725; Игнатій Коломенскій 1730; Сильвестръ Казанскій 1731; Георгій Ростовскій 1731; Варлаамъ Кіевскій 1731; Ѳеофилактъ Тверской 1735; Досиѳей Бѣлогородскій отлученъ 1736; Геннадій Костромской отрѣшенъ 1757; удалились въ монастыри: Ааронъ Корѣльскій 1721; Филоѳей Тобольскій 1727; Иродіонъ Черниговскій 1734; Иларіонъ тоже Черниговскій 1738; Варлаамъ Псковскій 1738; Петръ Бѣлогородскій 1742; Леонидъ Крутицкій 1742; Гавріилъ Устюжскій 1748.

занными ушами. Это за важное не считалось. Анѳиму легко было сказаться однимъ изъ Русскихъ низложенныхъ архіереевъ передъ Греками и Румынами, но не такъ легко было огласить это среди жившихъ въ Молдовлахіи раскольниковъ: они бы навели, хотя посредствомъ Вѣтки или Стародубья, справки въ Петербургѣ и Москвѣ, и ложь Анѳима, рано или поздно, открылась бы. Ему нужно было, чтобы румынскіе архіереи признали его за архіерея, за своего брата и сослужебника; тогда не послали бы за справками въ Россію. Съ этой цѣлью, вскорѣ по водвореніи въ Вѣтрянкѣ, поѣхалъ онъ въ Буковину, въ знаменитый тамошній православный монастырь Драгомирну, что на рѣкѣ Сучавѣ. Здѣсь жилъ въ то время на покоѣ престарѣлый митрополитъ Мисаилъ, бывшій прежде Радауцкій [1]. Анѳимъ обратился къ этому добродушному, кроткому старцу, нуждавшемуся въ средствахъ, какъ вообще нуждаются на Востокѣ не имѣющіе епаршескихъ доходовъ архіереи. За подарками дѣло не стало: казны московской барыни было еще много у Анѳима, но одними подарками нельзя было склонить Мисаила. Потому Анѳимъ, явясь къ нему, какъ архіерей, ищущій, ради успокоенія совѣсти, святительскаго суда, просилъ исповѣдать его грѣхи и преподать въ нихъ разрѣшеніе. Мисаилъ принялъ его на духъ.

---

[1] Радауцъ или Редовуцъ городъ въ Буковинѣ, на р. Сучавѣ, недалеко отъ монастыря Драгомирны и нынѣшней старообрядческой митрополіи, Бѣлой-Криницы.

— Вамъ извѣстно, преосвященный владыко, говорилъ ему Анѳимъ,—что въ здѣшнихъ предѣлахъ есть много христіянъ восточныя вѣры, именуемыхъ Липованами. Они не суть какіе-либо еретики, но отдѣлились отъ Великороссійскія церкви единственно изъ-за грамматическихъ разгласій и нѣкоторыхъ внѣшнихъ обрядовъ, которые почитаютъ за свято и за велико. По простотѣ своей, ибо нѣтъ между ними людей ученыхъ и разумныхъ, они разгласіе свое съ Великороссійскою церковью поставляютъ нѣкіимъ догматствованіемъ и не могутъ соединиться съ Россійскою церковью во едино стадо. Россійскіе же епископы мнятъ силою ихъ въ общеніе привести и токмо паче раздражили ихъ до того, что избѣгая мукъ и страданій, они оставляютъ свое отечество и забѣгаютъ въ чужія государства, какъ и въ сіе. Но слѣдуя апостолу Павлу, иже съ немощными былъ, яко немощенъ, нѣкоторые изъ нашея братіи епископовъ, оставя честь свою и сѣдѣніе во славѣ, пошли къ тѣмъ Липованамъ пасти церковь Христову, да не погибнетъ какая-либо изъ овецъ заблудшихъ. Таковъ былъ въ Липованахъ епископъ Лука, который бѣжалъ изъ Великой Россіи, изъ дворца ихъ императорскаго величества и преименовалъ себя Аѳиногеномъ,—мужъ въ наученіи хитръ, обаче въ вѣрѣ непостояненъ: не стерпя бо зрѣти суевѣрій липованскихъ, еще же убояся сильныя руки императорскія, вдался до римскихъ бископовъ, у которыхъ пребываетъ даже и доднесь, кромѣ святительскихъ дѣйствъ, въ лицѣ панства. Отъ того

епископа Луки, когда онъ въ благочестіи еще пребывалъ, получилъ я хиротонію по всѣмъ степенямъ отъ игуменства даже до епископства. И отступленіемъ своимъ до римскихъ бископовъ преподаде онъ, епископъ Лука, намъ, смиреннымъ, великое сумнѣніе и неимовѣрство о своемъ святительствѣ. И потому нужда мнѣ подлежала вдатися до твоего святительскаго суда и принять своему сумнѣнію рѣшеніе и дѣйствительное благословеніе, — подобаетъ ли мнѣ священнодѣйствовати какъ епископу?

Митрополитъ Мисаилъ, видя, что дѣло идетъ только о томъ, что хиротонисовавшій Анѳима, уже послѣ его хиротоніи уклонился въ римское католичество, отвѣчалъ:

— Не умретъ сынъ, отца ради, но душа согрѣшившая, та въ грѣхѣ.

Исповѣдавъ, далъ Анѳиму разрѣшеніе въ грѣхахъ и благословилъ его и написалъ ему разрѣшительную грамоту,

Анѳимъ и то сказалъ Мисаилу, что онъ, по затруднительнымъ случаямъ, нужды ради и гоненія и тѣсноты обстоянія, рукоположенъ епископомъ Лукою не лично, но заочно, подобно тому какъ Федимъ епископъ рукополагалъ Св. Григорія въ санъ архіепископа Новой Кесаріи.

— Дѣйствительна ли моя хиротонія, спрашивалъ онъ старца митрополита,—и что должно мнѣ дѣлать, чтобъ она была совершенна?

— Для этого, совѣтовалъ Мисаилъ,—надо, чтобы митрополитъ какія-либо области благословилъ тебя съ рукоположеніемъ и молитвами, не хирото-

нисуя вторично, ибо какъ человѣкъ дважды не родится, такъ и хиротонія не повторяется.

Анѳимъ просилъ Мисаила совершить надъ нимъ этотъ обрядъ, но тотъ уклонился, говоря, что это должно сдѣлать правительствующему митрополиту, сидящему на престолѣ своемъ, а ему, Мисаилу, того сдѣлать не можно, потому что онъ съ своей митрополіи сошелъ и въ Драгомирнѣ пребываетъ на покоѣ. И совѣтовалъ ему обратиться къ Іакову, митрополиту молдавскому, въ Яссахъ пребывающему, «во еже приняти отъ него дѣйствительное благословеніе». На Іакова Мисаилъ указалъ, по всей вѣроятности, потому, что монастырь Драгомирна, гдѣ происходила бесѣда его съ Анѳимомъ, находился тогда въ епархіи ясскаго митрополита.

«И многу пользу и разсужденіе пріяхъ отъ его святыни,» говорилъ послѣ Анѳимъ о Мисаилѣ.

Но опасаясь ли старообрядцевъ Забахлуевскаго предмѣстія, не надѣясь ли на Іакова, Анѳимъ и теперь въ Яссы не поѣхалъ, а воротился въ свою Вѣтрянку. А можетъ-быть онъ и то соображалъ, что Вѣтрянка, гдѣ онъ жилъ, и весь Буджакъ (нынѣ Бессарабія) принадлежали къ епархіи браиловскаго, а не ясскаго митрополита, то ужь лучше и правильнѣе просить руковозложенія у него, у браиловскаго. Кстати же онъ вскорѣ и прибылъ въ Хотинъ, обозрѣвая свою митрополію. Звали этого митрополита Даніиломъ, жилъ онъ въ монастырѣ при городѣ Рени, и какъ отзывался о немъ въ 1757 году ясскій митрополитъ русскому агенту, посланному въ Молдавію для развѣдываній объ

Анѳимѣ, «человѣкъ былъ ученый, постоянный и всякой чести достойный, которому, по его благочинію, знатная епархія поручена».[1]

Анѳимъ, этотъ высокомѣрный человѣкъ, не признававшій никого выше себя, требовавшій отъ всѣхъ одного поклоненія и нѣмаго раболѣпства, теперь, смиренно, рабски предсталъ предъ Даніила въ Хотинѣ, съ разрѣшительною грамотой Мисаила въ рукахъ. Извѣстно какъ и зачѣмъ разъѣзжали и разъѣзжаютъ Фанаріоты-епископы по своимъ вотчинамъ-епархіямъ. Анѳимъ предсталъ предъ Даніиломъ, какъ не предвидѣнная въ митрополичьемъ бюджетѣ статья, и потому неудивительно, что липованскій архіерей былъ любезно принятъ и предупредительно выслушанъ браиловскимъ владыкой. Анѳимъ подалъ ему особую бумагу, въ которой изложилъ всѣ свои обстоятельства въ такомъ видѣ, какъ разказывалъ Мисаилу, еще подробнѣе говорилъ онъ Даніилу «на рѣчахъ», и подалъ грамоту, добытую въ Драгомирнѣ. Браиловскій митрополитъ нисколько не усумнился, похвалилъ разсужденія Мисаила, и согласившись совершить надъ Анѳимомъ обрядъ руковозложенія для подкрѣпленія заочной его хиротоніи, велѣлъ приходить въ слѣдующее воскресенье въ хотинскій соборъ.

Полонъ былъ этотъ соборъ въ назначенное время. Много собралось туда старообрядцевъ той стороны. Даніилъ служилъ литургію, сослужителемъ былъ Анѳимъ. Во время «трисвятаго», когда по

[1] *Дѣло святѣйшаго синода о раск. арх. Анѳимѣ.*

обычаю православной церкви совершается архіерейская хиротонія, Даніилъ возложилъ на колѣнопреклоненнаго Анѳима руки, и прочиталъ надъ нимъ молитву благословенія. Обѣдню дослужили оба вмѣстѣ. Повѣщенные напередъ Анѳимомъ старообрядцы изъ Вѣтрянки и слободъ, находящихся близь Каменца, были при этомъ обрядѣ и разгласили повсюду о *хиротоніи* Анѳима. Даніилъ благословилъ послѣ того Анѳима управлять духовными дѣлами Липованъ, живущихъ въ Браиловской епархіи и во утвержденіе подписалъ грамоту, данную ему Мисаиломъ [1].

---

[1] Въ послѣдствіи, именно въ 1757, году ясскій митрополитъ о руковозложеніи, совершенномъ Даніиломъ, такъ говорилъ агенту, посланному для развѣдываній объ Анѳимѣ отъ кіевскаго вице-губернатора: «а въ прошломъ 1756 году каковы прислалъ означенный лжеархіепископъ (Анѳимъ) къ нему ясскому митрополиту два письма; оные такожъ и грамоту, по которой будто онъ, Анѳимъ архіепископъ, посвященъ, показывалъ и о грамотѣ упоминалъ, то оная фальшивая и ежели бъ она была подлинная, то должна бъ быть на греческомъ діалектѣ.» Но грамота, о которой говоритъ здѣсь Іаковъ (она помѣщена ниже въ примѣчаніи) дана была Анѳиму въ послѣдствіи не на санъ архіерея: эта грамота «избирательная» въ «архіепископы всего православія», то-есть въ главные архіереи надъ всѣми, бывшими тогда, старообрядческими архіереями. Не зная по-русски, Іаковъ вѣроятно принялъ эту грамоту за настольную на епископство, или за благословенную отъ Мисаила и Даніила. Но вѣдь Анѳимъ писалъ же Іакову, что эту грамоту отнялъ у него католическій епископъ въ Радомыслѣ. Напротивъ, еслибы грамота, которую представилъ Анѳимъ Іакову, была писана по-

Анѳимъ утвердившій, какъ сказано, свое мѣстопребываніе въ Вѣтрянкѣ, съ согласія Даніила, выхлопоталъ въ Портѣ фирманъ на построеніе въ этой слободѣ большой каменной церкви, которую задумалъ сдѣлать митрополіею всѣхъ Липованъ, живущихъ во владѣніяхъ турецкаго султана. А такъ какъ Липоване молдавскіе не захотѣли бы имѣть его своимъ главою, то властолюбивый и своенравный Анѳимъ думалъ подчинить ихъ властію свѣтскою и православныхъ митрополитовъ. Въ старообрядческихъ обществахъ вездѣ, а особенно за границей, и тогда, какъ и теперь, всякаго ро-

---

гречески, она бы должна была почесться за фальшивую, ибо старообрядческіе архіереи ни въ какомъ случаѣ не написали бы ее по-гречески. Далѣе Іаковъ говоритъ русскому агенту: «А чтобы браиловскій греческій митрополитъ объявленнаго лжеца въ архіепископы посвятилъ, то неправда: оный митрополитъ Даніилъ человѣкъ ученый, постоянный и всякой чести достойный, которому, по его благочинію, знатная епархія поручена, и чтобы такого плута въ такое знатное архіепископство посвятилъ и подумать нельзя; да и безъ патріаршаго благословенія никакъ митрополиту въ архіепископы посвятить не можно.» Однакоже Епифаній былъ посвященъ ясскимъ митрополитомъ безъ патріаршаго благословенія. Отъ самого Даніила посланный изъ Кіева узнать ничего не могъ, ибо онъ въ то время (1757) уже пропалъ безъ вѣсти. Этому посланному такъ говорилъ митрополитъ Іаковъ: «А объявленный греческій митрополитъ Даніилъ въ прошломъ году въ ноябрѣ мѣсяцѣ былъ въ турецкомъ городѣ Бѣлградѣ и оттуда куда и зачѣмъ отъѣхалъ и гдѣ нынѣ находится или отъ разбойниковъ на дорогѣ убитъ, о томъ никакого объ немъ слуху въ Яссахъ и понынѣ не имѣется.»

да дѣла рѣшаются выборными отъ міра старшинами, которые ворочаютъ всѣмъ. Духовныя лица тамъ только исполнители распоряженій старшинъ и находятся въ совершенной зависимости отъ богатыхъ и вліятельныхъ прихожанъ. Это не могло нравиться Анѳиму, желавшему повелѣвать и требовавшему, чтобы каждое его слово исполнялось какъ велѣніе свыше. Отсюда цѣлый рядъ столкновеній его съ Липованами, кончившійся гибелью этого властолюбиваго и гордаго человѣка.

Первымъ дѣйствіемъ липованскаго архіерея въ Бессарабіи было запрещеніе священнодѣйствовать попамъ, поставленнымъ Аѳиногеномъ [1]. Такъ высоко почиталъ Анѳимъ руковозложеніе Даніила, что уже не признавалъ дѣйствительности хиротоніи Аѳиногеновой, хотя и не отрицалъ въ послѣдствіи, что самъ отъ него получилъ архіерейство. Весьма можетъ быть, что попы Аѳиногенова посвященія не хотѣли признать Анѳима своимъ владыкою, и онъ за то наложилъ на нихъ запрещеніе.

Окончательно рѣшившись утвердить свою каѳедру въ Вѣтрянкѣ, Анѳимъ собрался ѣхать въ вѣтковскіе предѣлы, въ свою Боровицу, гдѣ давно ожидали его Елизавета съ діакониссами и попы Буркины; гдѣ много было у него церковной утвари, которою теперь намѣревался онъ украсить новую свою вѣтрянскую церковь, гдѣ наконецъ находилась значительнѣйшая часть богатства, выве-

---

[1] Доношеніе коллегіи иностранныхъ дѣлъ синоду. *Въ дѣлѣ о раск. арх. Анѳимѣ* 1757 года № 733.

зеннаго Елизаветой изъ Москвы. Уже онъ совсѣмъ было собрался въ путь, какъ совершенно неожиданное обстоятельство заставило его отложить поѣздку.

Въ 1753 году, къ нему явилось посольство отъ кубанскихъ старообрядцевъ[1]. Они, узнавъ о ста-

[1] Въ царствованіе Петра I произошелъ на Дону извѣстный бунтъ Кондратья Булавина (1708). Когда это возмущеніе, принявшее было громадные размѣры, было подавлено воеводой кн. Долгоруковымъ, одинъ изъ главныхъ предводителей возстанія, атаманъ Игнатъ Некрасовъ, съ 2.000 казаковъ убѣжалъ на р. Кубань, подвластную тогда крымскому хану подъ верховнымъ владычествомъ султана турецкаго. Всѣ бѣглецы были старообрядцы по поповщинѣ. Пришедши на Кубань, они въ такъ-называемыхъ Гребеняхъ завели много станицъ и заселили край, поступивъ въ подданство султана. Къ нимъ на «вольныя, обѣльныя земли» стали во множествѣ приходить казаки-старообрядцы съ Дона, Волги и Яика. Переселеніе на Кубань было такъ значительно, что обратило на себя вниманіе русскаго правительства, тѣмъ болѣе что Кубанскіе казаки съ вѣдома крымскаго хана и съ помощію Кубанскихъ Татаръ дѣлали частыя вторженія въ предѣлы Россіи. Объ этомъ Петръ I писалъ въ іюлѣ 1710 года султану Ахмету III, но напрасно. Во время войны Петра съ Турціей, Кубанцы, утѣсняемые русскими войсками, во множествѣ переселились вмѣстѣ съ Некрасовымъ въ Турцію. Построивъ каюки они переплыли Черное море и явились въ Константинополѣ, прося у султана земель для поселенія и предлагая службу противъ враговъ его, а въ особенности противъ Петра I. Просили они поселиться поближе къ русскимъ казакамъ и Запорожью. Имъ отведены были мѣста въ Добруджѣ и Бессарабіи по устьямъ Дуная, по рукаву Дуная, Дунавцу, и при озе-

рообрядческомъ епископѣ, живущемъ въ Хотинской Раѣ, обратились къ нему, прося пріѣхать къ нимъ и у нихъ въ Гребеняхъ построить и освятить церкви, и устроить церковный причетъ. Вмѣстѣ съ просьбою Кубанцевъ, посланцы привезли Анѳиму приглашеніе и отъ крымскаго хана, въ за-

---

рѣ Разельмъ. Въ Добруджѣ они заселили три большія слободы: Серакой (порусски Серяково), гдѣ теперь больше 600 домовъ, такой же величины слободу Слава и третье Журилово съ 500 домами. Другая, меньшая часть вышедшихъ въ Турцію съ Некрасовымъ казаковъ была поселена между Мраморнымъ моремъ и Архипелагомъ, неподалеку отъ устья р. Марицы, впадающей въ Эносскій заливъ. Тамъ близь города Эноса (родина перваго бѣлокриницкаго митрополита Амвросія) есть селеніе Казакъ-Кіой. Третья, также небольшая часть Кубанскихъ казаковъ поселена была въ Малой Азіи. Тамъ, неподалеку отъ Мраморнаго моря, есть большое селеніе, ими занимаемое, Бинъ-Эвле, на рѣчкѣ Мандрозѣ. Другое поселеніе старообрядцевъ въ Малой Азіи, называемое Казакъ-Кіой, находится близь устья р. Кизиль-Ирмака. Третье тоже называемое Казакъ-Кіой близь черноморскаго лимана Деркопъ, куда по зимамъ выѣзжаютъ старообрядцы изъ Бинъ-Эвле для рыбной ловли. Во время войны султана Махмуда II съ египетскимъ пашой Мегемедъ-Али, 3000 казаковъ отправлены были въ Сирію, и которые уцѣлѣли въ сраженіяхъ, тѣ поселились въ Сиріи и Киликіи. Наконецъ, по послѣднимъ извѣстіямъ русскіе старообрядцы есть въ Египтѣ, даже въ самомъ Каирѣ, и около Багдада. Кубанцы въ Турціи извѣстны подъ именемъ *Игнатъ-Казаковъ* (по имени предводителя ихъ Игната Некрасова), по-русски же больше называются *Некрасовцами*. Это народъ грубый и невѣжественный, но сохранившій всецѣло русскую народность во всѣхъ условіяхъ своего домашня-

вѣдываніи котораго находились Кубанцы. Анѳимъ съ радостію принялъ сильно льстившее его самолюбію приглашеніе и немедленно собрался въ путь. Пріѣхавъ въ Крымъ онъ прежде всего явился къ тамошнему православному архіепископу Гедеону, жившему въ Херсонесѣ, что близь нынѣшняго Севастополя. Это крайне не понравилось сопровождавшимъ его гребенскимъ Кубанцамъ, которые во всякомъ сближеніи съ православнымъ духовенствомъ видѣли самое большое нарушеніе своей вѣры. Подозрѣніе въ томъ, не придерживается ли Анѳимъ никоніанства, запало въ душу этимъ грубымъ людямъ, но Анѳимъ былъ не изъ такихъ, чтобы сталъ обращать на подобныя вещи вниманіе. Гедеонъ принялъ его любезно, много бесѣдовалъ съ нимъ, и далъ грамоту, которою передавалъ въ его вѣдѣніе всѣхъ старообрядцевъ, жившихъ въ обширной его митрополіи, съ тѣмъ чтобъ онъ дѣйствовалъ среди ихъ архіерейски, ни отъ кого независимо. Еще не доѣзжая Крыма, въ Добруджѣ, гдѣ въ слободахъ Славѣ, Журиловкѣ и Серяковой жили также Кубанцы, переселившіеся сюда съ своимъ атаманомъ Некрасовымъ, и потому называвшіеся «Некрасовцами», онъ встрѣтился съ другимъ старообряческимъ архіереемъ—Ѳеодосіемъ

го и общественнаго быта. Изъ Кубани не всѣ казаки выселились съ Некрасовымъ въ Турцію. Потомки оставшихся и до сихъ поръ входятъ въ составъ Кубанскаго Казачьяго Войска. Всѣ они старообрядцы. Называются также «Гребенскими казаками». Къ ихъ-то предкамъ и ѣздилъ Анѳимъ въ 1753 году.

и поладилъ съ нимъ. Этотъ Ѳеодосій былъ посвященъ въ санъ раскольническаго «епископа кубанскаго и терскаго», то-есть для оставшихся на Кубани гребенскихъ казаковъ—архіепископомъ крымскимъ. Гребенскіе Кубанцы, чувствуя нужду въ епископѣ и слыша, что въ другихъ зарубежныхъ мѣстахъ, у одновѣрцевъ ихъ, есть такіе, обратились къ самому султану, прося его, чтобы онъ велѣлъ патріарху или крымскому архіепископу рукоположить имъ архіерея. Султанъ велѣлъ Гедеону исполвить желаніе Кубанцевъ, а имъ приказалъ везти въ Херсонесъ выборнаго человѣка, котораго они считаютъ достойнымъ быть у нихъ архипастыремъ. Они привезли монаха Ѳеодосія. Гедеонъ всячески уклонялся отъ посвященія его, но когда посланный султаномъ паша съ янычарами вошелъ въ церковь и именемъ султана велѣлъ Гедеону рукоположить его, крымскому владыкѣ дѣлать было нечего, и онъ неволею рукоположилъ Ѳеодосія въ санъ епископа кубанскаго и терскаго [1]. Но почему-то Ѳеодосій не остался у гребенскихъ Кубанцевъ, а водворился у Кубанцевъ-Некрасовцевъ, жившихъ въ Добруджѣ.

Изъ Крыма Анѳимъ отправился на Кубань съ проѣзжею грамотой отъ хана, которому представлялся въ Бакчисараѣ. Сначала Кубанцы приняли

---

[1] Инокъ Парѳеній въ своей книгѣ *«О Промыслѣ Божіемъ»*. Москва 1857 г., стр. 185, хотя и говоритъ, что крымскій архіепископъ (а не митрополитъ) посвятилъ Ѳеодосія только во іеромонахи, но изъ дѣла синода 1757 года № 337, видно, что Ѳеодосій былъ епископомъ.

дорогаго гостя радушно и съ великими почестями. Онъ устроилъ для нихъ монастырь и посвятилъ архимандрита, а по слободамъ многое число поповъ, и далъ имъ универсалы, чтобъ имѣть имъ по своимъ обрядамъ церковное служеніе. Потомъ рукоположилъ для Кубани двухъ епископовъ[1], имена которыхъ намъ неизвѣстны. Не долго однако продолжалось доброе согласіе Анѳима съ Гребенскими казаками. Онъ хотѣлъ властвовать, хотѣлъ стать во главѣ всего тамошняго казачества, требовалъ, чтобы не только другіе начальные люди, но и самъ атаманъ ничего не дѣлалъ безъ его благословенія, а Кубанцы хотѣли, чтобъ архіерей зналъ свою церковь да поповъ, а въ ихъ дѣла не мѣшался. Пошли ссоры, брань, своенравный Анѳимъ слушать никого не хотѣлъ, и каждый день являлись съ его стороны новыя требованія и притязанія, а при малѣйшемъ противорѣчіи онъ грозилъ анаѳемой. Ужиться ему съ Кубанцами было невозможно; притомъ же эти грубые, закоренѣлые въ невѣжествѣ полудикари, суевѣрные до крайней степени, заподозрили его въ никоніанствѣ, потому что у него былъ *Чиновникъ архіерейскаго служенія*, напечатанный въ Москвѣ во времена Петра I. Всѣ Гребени возмутились. «Какъ, кричали казаки, — по еретической книгѣ намъ поповъ наставилъ да и самъ по ней служитъ! Мы отъ такихъ книгъ изъ Россіи ушли, а онъ, еретикъ, врагъ Божій, сюда къ намъ ихъ завезъ! Въ

---

[1] Доношеніе коллегіи иностр. дѣлъ синоду 27 мая 1757 года.

куль его да въ воду и съ книгами-то!» Анѳимъ бѣжалъ, и казаки едва не пожгли всѣ церкви имъ освященныя, называя ихъ еретическими, никоніанскими. Волненіе однако чрезъ нѣкоторое время утихло: нашлись между казаками люди благоразумные и притомъ вліятельные на ихъ кругахъ, которые убѣдили толпу, что Анѳима прогнали они безъ достаточнаго основанія. Кубанцы раскаялись и послали къ нему новыхъ посланцевъ съ письменнымъ всенароднымъ моленіемъ, прося у него прощенія за свой поступокъ и приглашая его снова на Кубань. Они догнали его на дорогѣ, но Анѳимъ былъ не изъ такихъ, чтобы прощать подобныя обиды. «Аще изгонятъ васъ изъ града, бѣгайте въ другой, отвѣчалъ онъ посланнымъ, нога моя не будетъ у васъ, крамольники. Мира и благословенія вамъ не даю — ступайте откуда пришли.» И воротились посланные ни съ чѣмъ. Рукоположенные Анѳимомъ два епископа продолжали однако архіерействовать на Кубани. Намъ неизвѣстна дальнѣйшая судьба ихъ, но судя по нѣкоторымъ толкамъ старообрядцевъ позднѣйшаго времени, можно предполагать, что поставленные Анѳимомъ архіереи въ свою очередь посвятили другихъ, и что такимъ образомъ на Кавказѣ раскольническая іерархія, происшедшая отъ Анѳима, не прекращалась [1].

---

[1] Еще до начала Бѣлокриницкой митрополіи раскольники поповщинскаго согласія были несомнѣнно увѣрены, что на Кавказѣ, въ недоступныхъ русскому правительству мѣстахъ, есть старообрядческія поселенія, а тамъ и

Возвратясь въ Вѣтрянку въ 1754 году, Анѳимъ, сталъ называться «епископомъ Кубанскимъ и Хотинскія Раи.» Изъ Вѣтрянки поѣхалъ онъ наконецъ въ Боровицу, гдѣ московская барыня, а теперь игуменья Елизавета, съ молоденькими діакониссами и съ попами Буркиными уже болѣе года нетерпѣливо ожидали возвращенія своего архипастыря. Въ вѣтковскихъ предѣлахъ онъ пробылъ самое короткое время, необходимое только для сбо-

---

архіереи. Въ одномъ *сказаніи о заграничныхъ раскольникахъ* говорится о старообрядцахъ, живущихъ гдѣ-то около Багдада, гдѣ у нихъ три епископства, и затѣмъ прибавлено: «есть христіяне между землею Турскою и Персидскою при рѣкѣ Курѣ, именуемые *стрѣльцы.*» (См. Дѣло въ архивѣ московскаго военнаго генералъ-губернатора 13 декабря 1837 г. по описи № 100). Въ сочиненіи *Сказаніе вкратцѣ о первоначальномъ учрежденіи нынѣ существующей въ нашей святой древле-православной церкви священной іерархіи и увѣреніе въ дѣйствительности оной сомнѣвающимся*, писанной въ Москвѣ, въ 1861 году, говорится, что Геронтій и Павелъ, отыскивавшіе епископа для старообрядства и путешествовавшіе по разнымъ мѣстамъ почти 10 лѣтъ, прежде всего (въ 1837 году) отправились на Кавказъ: «*И по слухамъ будто бы въ закавказскихъ ущельяхъ находятся единовѣрные намъ православные епископы*, прежде обратились въ Грузію и прибыли въ городъ Тифлисъ, но тамъ ничего подобнаго сыскать не могли.» Извѣстно, что въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія раскольниковъ за нарушеніе «уставовъ благочинія и благоустройства», а также за вторичное уклоненіе въ расколъ, ссылали на Кавказъ. Всѣ секты считали это за особенное милосердіе Божіе, невидимыми путями приводящее ихъ къ соединенію. Каждый толкъ имѣлъ для сего свое основаніе: молокане близость Арарата, скопцы бли-

ровъ въ дальній путь. Вмѣстѣ съ Елизаветой и діакониссами, съ попами и клириками имъ рукоположенными и нѣкоторыми своими приверженцами изъ мірянъ, всего съ 15 человѣками поѣхалъ онъ въ Хотинскую Раю, гдѣ обѣщалъ своимъ домочадцамъ тихое и безмятежное жительство. Дорогой Аноимъ очень сблизился съ молоденькими діакониссами; обѣ онѣ сдѣлались беременны[1]. Проѣзжалъ Аноимъ гласно, съ нѣкоторою даже торжественностію, называя себя православнымъ епископомъ, посланнымъ будто бы отъ русскаго правительства въ польскія владѣнія и въ Молдовлахію отыскивать тамъ бѣглыхъ русскихъ раскольниковъ и вывозить ихъ назадъ въ Россію. Такъ сказался онъ и въ мѣстечкѣ Радомыслѣ[2]. Случившійся въ то время въ этомъ мѣстечкѣ епархіальный католическій епископъ, узнавъ отъ

зость р. Ріона, акиоьевщина Шемаху, и т. д., а старообрядцы поповщинскаго толка близость къ епископамъ древляго благочестія, живущимъ въ ущельяхъ Кавказа. До того была сильна ихъ увѣренность въ дѣйствительномъ существованіи іерархіи на Кавказѣ. Теперь изъ дѣла синода объ архіепископѣ Аноимѣ оказывается, что въ прошломъ столѣтіи дѣйствительно были на Кавказѣ старообрядческіе архіереи.

[1] Показаніе казака Семена Чижова: «И оной называемой епископъ ѣздилъ чрезъ Польшу въ Волотчину и на дорогѣ тѣхъ діакониссъ учинилъ непраздныхъ.... гдѣ будучи (въ Чебарчѣ) діакониссы его родили одна мальчика, а другая дѣвочку.» См. *Дѣло о раск. арх. Аноимѣ.*

[2] Уѣздный городъ Кіевской губерніи, тогда бывшій въ польскихъ владѣніяхъ. Въ допросѣ Семена Чижова онъ названъ «Радоможемъ».

своихъ людей о такой миссіи проѣзжавшаго Анѳима, хотѣлъ подробнѣе и точнѣе удостовѣриться въ томъ, и послалъ за Анѳимомъ, требуя чтобъ онъ немедленно явился къ нему. Анѳимъ перепугался и поскакалъ наскоро по дорогѣ въ Житоміръ. Его бѣгство возбудило въ бискупѣ сильное подозрѣніе, была послана погоня, и въ двухъ миляхъ отъ Радомысля Анѳимъ съ спутниками былъ схваченъ и привезенъ къ бискупу. Бискупъ разсмотрѣлъ Анѳимовы бумаги и удостовѣрился, что онъ обманщикъ и никакого порученія отъ русскаго правительства не имѣетъ. Вообще Анѳимъ показался ему лицомъ весьма подозрительнымъ. Неточные, неопредѣлительные и сбивчивые его отвѣты, а больше всего рваныя ноздри внушили прелату подозрѣніе, что это какой-нибудь преступникъ, бѣжавшій съ русской каторги.... Онъ посадилъ Анѳима въ тюрьму вмѣстѣ съ діакониссами и всѣмъ его причтомъ. «А которые были съ бородами попы и мужики, тѣхъ всѣхъ перебрилъ, а его (Анѳима) не брилъ, и деньги и сосудъ его церковный и ризницу, которой у него было сотъ на пять, обралъ»[1]. Нѣ-

[1] Допросъ казака Чижова въ *Дѣлѣ о раск. арх. Анѳимѣ.* № 337. Объ этомъ происшествіи съ Анѳимомъ говоритъ и Иванъ Алексѣевъ въ своей *Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ,* стр. 66: «послѣ бо сего дерзновенія (рукоположеніе отъ Аѳиногена) Анѳимъ отшедъ, и тако по нѣкоимъ странамъ проходя, апостольствуя, рукополагая прочихъ, возвратися оттуду, возмездіе своего дѣла воспрія: ятъ бо бысть нѣкоимъ въ Польшѣ и могилевскому епископу вданъ, и той остриже ему главу и браду, въ

сколько недѣль Аноимъ со всѣми его приближенными томился въ каменной тюрьмѣ Радомысля. Въ послѣдствіи Аноимъ, объясняя ясскому митрополиту это обстоятельство, говоритъ, что польскіе бискупы хотѣли его обратить въ унію. «Того ради много озлобленія пріяхомъ за правовѣріе нашея восточныя церкви, писалъ онъ къ этому митрополиту, и того ради насъ замуроваша въ каменную стѣну, и едва, Вышняго Бога помощію, ушелъ изъ рукъ ихъ, а имѣніе мое, и люди, и кони, и всѣ грамоты даже и до днесь въ рукахъ ихъ.»[1] На счастье Аноима вступился за него панъ Лабуньскій, владѣлецъ слободы Рудницкой, которая была населена старообрядцами, признавшими правильность епископства Аноимова. Они просили Лабуньскаго, а Лабуньскій, весьма дорожившій поселившимися на его земляхъ старообрядцами, ибо они доставляли ему отличный доходъ, принялся хлопотать у епископа за Аноима и вскорѣ успѣлъ его выручить. Пробывъ двѣ недѣли въ слободѣ Рудницкой, среди выручившихъ его одновѣрцевъ, Аноимъ съ діакониссами отправился въ Бессарабію, но почему-то

темницу затворити повелѣ. И тако прокаженъ едва оттуду утече и въ нѣкоихъ мѣстѣхъ скрыся.» Если такъ, то это былъ православный могилевскій епископъ Іеронимъ (Волчанскій) предшественникъ знаменитаго Георгія Конисскаго. Но Чижовъ зналъ вѣрнѣе, онъ прямо говоритъ, что это былъ католическій епископъ; то же послѣ писалъ и самъ Аноимъ къ Іакову.

[1] Письмо Аноима къ митрополиту Іакову 12 декабря 1756. *Дѣло о раск. арх. Аноимѣ.* № 337.

не поѣхалъ въ Вѣтрянку, а поселился въ слободѣ Чебарчѣ или Чобурчи на берегу Днѣпра[1].

Въ началѣ слѣдующаго 1755 года, въ слободу Чобурчи прибыло новое посольство къ Анѳиму. Оно было изъ Добруджи отъ тамошнихъ Кубанцевъ или Некрасовцевъ. Всѣ три слободы ихъ, будучи недовольны епископомъ Ѳеодосіемъ, за то что онъ не хотѣлъ признавать православныя церкви греческія и русскія полными всякаго нечестія и не имѣющими ни малѣйшаго слѣда благочестія, звали къ себѣ Анѳима для водворенія церковнаго благочинія и благоустройства. И въ Славѣ, и въ Журиловкѣ, и въ Сряковѣ шла тогда большая неурядица въ духовныхъ дѣлахъ. Смятенія были до того велики, что старообрядческій епископъ Ѳеодосій съ своими приверженцами принужденъ былъ удалиться изъ Добруджи, гдѣ грубые, буйные Некрасовцы грозили ему смертію. У нихъ, какъ и на Кубани, расправа была короткая: соберутъ «кругъ» и начнутъ совѣтоваться, старики приговорятъ: «въ куль да въ воду», а молодые тотчасъ и исполняютъ приговоръ. Едва избѣжавъ смерти, Ѳеодосій поселился на лѣвой сторонѣ Днѣстра, неподалеку отъ возникшаго въ послѣдствіи города Одессы. Здѣсь онъ построилъ старообрядческую слободу Маяки, что нынѣ городъ Херсонской губерніи.

[1] Чобурчи или Чебарчи нынѣ казенное село Аккерманскаго уѣзда Бессарабской области съ 212 дворами, на правомъ берегу Днѣстра. Противъ него на лѣвой сторонѣ Днѣстра, въ Одесскомъ уѣздѣ, есть другое село Чобурчи съ 217 дворами.

Онъ и умеръ въ послѣдствіи въ Маякахъ и похороненъ тамъ. До сихъ поръ жители этой слободы, считая Ѳеодосія святымъ, благоговѣйно чтутъ могилу этого «епископа Кубанскаго и Терскаго.»

Анѳимъ прибылъ къ Некрасовцамъ въ слободу Славу вмѣстѣ со всѣми своими присными: съ діакониссами, съ попами Іосифомъ и Матвѣемъ Буркиными и всѣмъ клиромъ церковнымъ. Сначала онъ поладилъ съ казаками и, кажется, даже успѣлъ помирить съ ними Ѳеодосія, освятилъ для нихъ церковь, наставилъ поповъ и діаконовъ столько, сколько имъ хотѣлось. Некрасовцы тоже были довольны Анѳимомъ и предложили ему поселиться у нихъ и быть «архіепископомъ всего православія.» Анѳимъ не заставилъ долго просить себя, и церковь, въ слободѣ Славѣ, сдѣлалъ своей митрополіей, наименовавъ ее «соборною церковью всего православія.» Самыхъ горячихъ своихъ приверженцевъ онъ пристроилъ къ этой церкви: Матвѣя Буркина сдѣлалъ «экономомъ соборныя церкви всего православія», а брата его Іосифа «логоѳетомъ». Самъ же принялъ на себя званіе «архіепископа всѣхъ старообрядцевъ», живущихъ въ подданствѣ турецкаго султана и крымскаго хана[1]. На соборъ, быв-

---

[1] На соборѣ 20 апрѣля 1755 года была составлена слѣдующая грамота на возведеніе Анѳима въ санъ архіепископа.

«Божіею милостію смиренный Анѳимъ архіепископъ всего православія.

«Боголюбивый епископъ Ѳеодосій, Кубанскій и Терскій.

«По благодати, дару и власти Всесвятаго и Живоначальнаго Духа, даннѣй намъ отъ самого великаго архіе-

шій по этому случаю 20 апрѣля 1755 года, въ Славѣ, пріѣзжалъ изъ Маяковъ и Ѳеодосій. Съ епископами, находившимися на предгоріяхъ Кавказа, на рѣкѣ Кубани, снеслись заблаговременно, и отъ нихъ получено было согласіе на возведеніе Анѳима въ санъ «архіепископа».

рея, Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ святыя и священныя его апостолы, и ихъ намѣстники и преемники, другъ-другопріимательнѣ даже до насъ порученной, со общаго соборнаго совѣту, по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, избраніемъ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ, и всего причта церковнаго избрахомъ благочестиваго сего епископа Анѳима Кубанскаго и Хотинскія Раи во *архіепископа*, во еже быти ему старѣйшимъ епископомъ и наблюдателю и правителю православныя церкве греческаго исповѣданія православныя вѣры, древле-церковнаго преданія, великороссійскія церкве всего православія, наполняющу мѣсто отценачальниковъ и имѣющу честь и сѣданіе архіепископа и по обычаю святыя восточныя и апостольскія церкве, благодатію того же Всесвятаго и Животворящаго и Всесовершающаго Духа, произведохомъ и рукоположихомъ его на святопреизящнѣйшій степень *архіепископства всего православія*, ни изъ падающей церкви и гонимѣй отъ безбожныхъ языкъ и отъ еретиковъ, обаче благодатію Христовою укрѣпляемѣй, но по неложному Его, Спасителя нашего Бога, обѣщанію, рекшаго сице: «се Азъ съ вами во вся дни до скончанія вѣка». Долженъ же онъ архіепископъ Анѳимъ, по своему обѣщанію и по излившейся нань благодати Всесвятаго Духа имѣти стражбу о священныхъ канонѣхъ, божественныхъ правилъ храненія, поручено бо есть ему твердо соблюдати я, да ничто же отъ нихъ преступаемо и забытіемъ не минуемо, ни изысканіемъ оставляемо въ мукахъ онѣхъ изыскано будетъ, и древле

Но Анѳимъ не долго ладилъ съ Некрасовцами. Своимъ характеромъ, своимъ стремленіемъ подчинить себѣ всѣхъ атамановъ до такой степени чтобы не могли они безъ его воли ничего предпринимать, своими высокомѣрными выходками, онъ возбудилъ всеобщее на себя неудовольствіе: притомъ же отношенія его къ діакониссамъ были слишкомъ явны и производили большой соблазнъ между Игнатъ-казаками, которые хотя и не отличались скромностію и цѣломудріемъ, однако не могли терпѣть соблазна, производимаго ихъ архипастыремъ. Но всего болѣе раздражали ихъ отзывы Анѳима о православныхъ греческихъ архіереяхъ. Мы уже видѣли какъ онъ искалъ благосклонности митрополи-

---

церковная преданія великороссійскія церкве сохраняти и защищати; и расширяти, и умножати, и вся, по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, совершати, и никакого насилія, и обидъ, и лихоимства не творити; сущимъ подъ нимъ епископомъ, имъ церкви Божія отъ службы упражняти, злата и сребра, или иного нѣкоего вида; яко да не преступникъ Божіихъ заповѣдей и апостольскихъ велѣній обрящется, по 4 правилу 7 вселенскаго собора. И безъ совѣта сущихъ подъ нимъ епископовъ ничто же творити, но предлагати на всяко лѣто нужнѣйшія вещи всему освященному собору, яко же правило святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ повелѣваетъ. Во увѣреніе же сего написанія здѣ краткая соборная грамота, руками подписанная и печатію запечатанная. Лѣта мірозданія 7263 (1755) году, мѣсяца апрѣля въ 20 день.

«Экономъ соборныя церкви, священноіерей Михаилъ Буркинъ.

«Логоѳетъ, священноинокъ Іосифъ.»

Копія съ этой грамоты хранится въ архивѣ синода.

товъ ясскаго, браиловскаго, редовуцкаго, крымскаго; это узнали Некрасовцы и были тѣмъ крайне недовольны. Когда же говоря о разныхъ духовныхъ дѣлахъ, Анѳимъ сталъ ссылаться на этихъ митрополитовъ, какъ на авторитеты, и отзываться о нихъ съ почтеніемъ, а не съ ругательствами и проклятіями, на которыя такъ щедры были Некрасовцы, они его возненавидѣли едва ли не больше чѣмъ бывшаго у нихъ до того Ѳеодосія. Первые заводчики смуты противъ Анѳима были, впрочемъ, не сами Некрасовцы, а народъ пришлый, изъ молдавскихъ старообрядческихъ слободъ. По крайней мѣрѣ, такъ говорилъ въ послѣдствіи самъ Анѳимъ. Замутились Некрасовцы, а съ ними и попы не Анѳимова поставленья, и чернцы, и уставщики, и клиръ. Раздался извѣстный кликъ: «въ куль, да въ воду»! Но Анѳимъ и на этотъ разъ избѣжалъ бѣды: онъ успѣлъ уйдти въ Чобурчи съ діакониссами, логоѳетомъ и экономомъ. Некрасовцы послали за нимъ погоню. На дорогѣ догнали архіепископа, ограбили его до-чиста и едва не убили.[1] Добрав-

---

[1] Письмо Анѳима къ ясскому митрополиту, 12 декабря 1756 года: «третіе озлобленіе отъ сихъ суевѣрниковъ и своевольниковъ, поповъ, и чернцовъ, и мужиковъ, навожденіемъ и совѣтомъ обрѣтающихся въ митрополіи вашей: разбили меня на дорогѣ въ проѣздѣ моемъ съ Кубани (Некрасовцы въ бумагахъ того времени зовутся еще Кубанцами, самыя поселенія ихъ въ Добруджѣ—Кубанью) на Чебарчи; и каково руганіе показаша ни едино слово представити можетъ и вмалѣ, такожде смерти меня не предаша и имѣніе мое все взяша; обаче сіи злотворцы

шись до Чобурчей, Аноимъ сдѣлался отцомъ семейства: обѣ діакониссы родили, одна мальчика, другая дѣвочку. Послѣ такого скандала ему нельзя было оставаться въ Чобурчахъ, и онъ водворился на старомъ мѣстѣ въ Вѣтрянкѣ. Здѣсь онъ началъ искъ противъ ограбившихъ его, жаловался крымскому хану и самому султану. По распоряженію хана и по султанскому фирману кое-что изъ пограбленнаго имущества найдено, но далеко не все. Послѣ грабежей въ Радомыслѣ и на пути изъ некрасовскихъ слободъ Аноимъ обѣднѣлъ: почти все что досталось ему отъ московской барыни, почти все что было нажито архіерействованіемъ, осталось въ рукахъ хищниковъ. На послѣднія деньги онъ принялся однако строить въ Вѣтрянкѣ давно задуманную имъ каменную церковь, но 24 ноября 1756 года, когда самого Аноима въ Вѣтрянкѣ не было, изъ старой деревянной церкви воры украли заготовленныя на постройку немалыя деньги и также все церковное украшеніе, потиры, митры, ризы и пр.[1] Украли и всю архіерейскую ризницу, такъ

изысканы ханскою грамотою и рукою вѣрныхъ нашихъ и нами, а иніи имѣются еще не сысканы въ митрополіи вашего преосвященства, о которыхъ обидникахъ и прошеніе послалъ до вашего преосвященства, но еже сыскать тѣхъ обидниковъ и намъ ихъ выдать, на что и салтанская грамота, именно на нихъ, дана, и велѣно ихъ взять изъ вашей области. *Дѣло святѣйшаго синода о раскольническомъ архіепископѣ Аноимѣ* № 337.

[1] *Дѣло святѣйшаго синода о раск. арх. Аноимѣ*, 1857 г., № 337.

что Аноиму и служить было не въ чемъ. Онъ подозрѣвалъ въ этомъ дѣлѣ враждебныхъ ему старообрядцевъ, и, кажется, не безъ основанія. Совсѣмъ обездолили они такъ недавно еще богатаго Аноима. Теперь онъ былъ почти что нищій.

А между тѣмъ паства его умалялась; его уже знать не хотѣли и бѣгали, какъ еретика, и Некрасовцы, и жившіе въ Молдавіи старообрядцы, и жившіе въ польскихъ владѣніяхъ. Лишь немногіе изъ бессарабскихъ старообрядцевъ, да жители села Хребтовки, что въ Подоліи, еще признавали его своимъ архипастыремъ. На Кубани, кажется, забыли Аноима. Отшатнувшись отъ Аноима и прогнавъ его поповъ, заднѣстровская поповщина попрежнему, съ большими трудами, съ большими пожертвованіями стала добывать себѣ бѣглыхъ поповъ изъ Россіи, и эти попы естественно сдѣлались самыми сильными и самыми опасными врагами Аноима. Изъ нихъ самыми вліятельными на народъ оказались священствовавшіе въ Сальцахъ, черный попъ Макарій, родомъ Южноруссъ (Руснякъ) и если вѣрить Аноиму, бывшій уніатъ, да попъ Иванъ Андреевъ, священствовавшій прежде въ Россіи, но потомъ лишенный сана, отданный въ солдаты и бѣжавшій къ старообрядцамъ за границу. Оба они безпрестанно и ревностно оглашали Аноима самозваннымъ архіереемъ и еретикомъ, продавшимъ свою совѣсть и древлее благочестіе греческимъ митрополитамъ за мірскія почести. На все что пришлось Аноиму вытерпѣть на Кубани и въ Добруджѣ они указывали, какъ на сильные аргументы его

еретичества. «Вотъ смотрите, православные, говорили они, такіе ревнители, такіе поборники древляго благочестія, каковы оные Кубанцы, первые увидали подъ овчей кожей алчнаго волка: отъ нихъ не можетъ скрыться никакое еретическое дѣйство.» Разсказывая объ отношеніяхъ Анѳима къ обѣимъ діакониссамъ, о томъ что онъ живетъ съ двумя семьями, попы насмѣшливо говорили: «вотъ Анѳимъ ужь и впрямь архіерей по чину Мелхиседекову! У него, что у Турки, двѣ жены, коли не завелъ третью!» И Макарій, и Иванъ Андреевъ, говорили, что изъ всѣхъ ересей, какія когда-либо бывали на свѣтѣ, нѣтъ и не было злѣе ереси Анѳимовой, и потому даже перекрещивали и перевѣнчивали крещенныхъ и вѣнчанныхъ попами Анѳимовскаго поставленья. Были и другіе попы обличавшіе Анѳима, называвшіе его еретикомъ и отклонявшіе отъ него народъ. Изъ нихъ особенно вліятеленъ былъ, жившій въ слободѣ Кроковѣ (въ Молдавіи), престарѣлый іеромонахъ Авраамій, котораго молдавскіе и бессарабскіе старообрядцы звали своимъ «патріархомъ,» и другой, по имени Николай, жившій въ Долгой Полянѣ, что̀ въ Бессарабіи.

Плохо приходилось Анѳиму; со всѣхъ сторонъ онъ былъ окруженъ врагами; положеніе его было хуже того, въ какомъ находился Аѳиногенъ передъ бѣгствомъ въ Каменецъ. Въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ вздумалъ онъ прибѣгнуть къ митрополитамъ и патріарху константинопольскому. Онъ подалъ доношеніе Даніилу браиловскому, прося

его представить его просьбу самому цареградскому патріарху, а через нѣсколько времени, послалъ другое такого же рода доношеніе къ митрополиту молдавскому. Вотъ этотъ во многихъ отношеніяхъ любопытный документъ:

Великому господину, преосвященнѣйшему архіепископу Іакову, митрополиту всея Молдавскія земли

Доношеніе.

Доноситъ вашему преосвященству Анеимъ, епископъ Кубанскій, а о чемъ мое доношеніе, тому слѣдуютъ пункты:

I. Извѣстно вашему преосвященству, что въ митрополіи вашей имѣется многочисленно народа, великороссійскихъ людей, именуемыхъ *Липовени*, и зовутся христіане греческаго исповѣданія, а отъ патріарховъ, митрополитовъ, и архіепископовъ, и епископовъ и всего священническаго чина дѣйствительныхъ священниковъ отступили и вси ни во что вмѣняютъ и всѣхъ таинствъ церковныхъ не принимаютъ, токмо нѣкоторыя. Изъ нихъ имѣютъ у себя поповъ бѣглыхъ изъ Великороссіи и отъ прочихъ епархіевъ и *отъ своихъ архіереовъ запрещенныхъ*, овыхъ разстриженныхъ, овыхъ безмѣстныхъ, и весьма грубыхъ, и неразумныхъ, и невѣждей сущихъ, о чемъ ясно описано мною въ поданномъ отъ меня доношеніи Даніилу, митрополиту Проилаву (Браилову?), которое послано и до святѣйшаго *нашего* патріарха константинопольскаго, Кирилла.

II. И оныхъ поповъ пріймаетъ у нихъ попъ, который къ нимъ, мужикамъ, прежде пришелъ. И съ ними, мужиками, пришедшаго къ нимъ попа пріимаетъ сице: повелитъ ему проклясть всѣхъ восточныя церкве архіереовъ и прочіе чины и уставы, дѣйствуемые въ восточной церкви; и приносить оный попъ всѣмъ у нихъ прощеніе чернцамъ и черницамъ, и мужикамъ и бабамъ, яко бы былъ въ ереси, и тако благословеніе принявъ отъ нихъ

шарверомъ (?) дѣйствуетъ у нихъ и учитъ и утверждаетъ тако, что можетъ де приходящихъ отъ ереси пріять и попъ попа; и благословить его священнодѣйствовать, зане де іерейское благословеніе съ архіерейскимъ равно есть, и тако восточныя церкве архіереовъ всѣхъ еретиками имянуютъ, точію себя православными зовутъ, и въ нихъ обѣщанію Христову глаголютъ исполнитися, реченному сице: «се Азъ съ вами до скончанія вѣка».

III. А ежели кто, *бывъ въ нихъ и познавъ ихъ прелесть, пріидетъ въ сообщеніе соборныя церкви и пріиметъ разрѣшеніе своимъ согрѣшеніямъ, и дѣйствительное благословеніе отъ преосвященныхъ архіереовъ, яко же и азъ смиренный*[1], *бывый въ ихъ заблужденіи и пріялъ благословеніе и исполненіе святыни съ руковозложеніемъ* и молитвами чрезъ преосвященнѣйшаго митрополита Даніила и *совершенную власть епископскую* съ подписаніемъ рукъ отъ его преосвященства Проилава, Даніила, и архіепископа Гедеона Крымскаго и духовнаго моего отца проинъ епископа Мисайлы Редовуцкаго, то они отступницы, Липовени, таковаго зовутъ еретикомъ и отступникомъ отъ православныя вѣры, и многія клеветы и укоризны произносятъ на православныхъ служителей всюды, дабы точію ихъ прелесть славна была и вездѣ распространялась въ сынахъ погибельныхъ и въ невѣжественныхъ и заблудныхъ человѣкахъ, яко овцахъ неимущихъ пастырей.

IV. А отъ насъ, смиренныхъ, восточныя церкве, благочестивыхъ священниковъ, крещенныхъ человѣковъ, ежели кто пріидетъ въ ихъ прелестное мудрованіе, то оныхъ перекрещиваютъ, овыхъ мѵромъ помазываютъ, котораго мѵра у нихъ и не бывало, и другъ послѣ друга перекрещиваютъ, и браки перевѣнчиваютъ, яко же чинится нынѣ въ митрополіи вашего преосвященства отъ нихъ, неосвященныхъ липованскихъ священниковъ.

---

[1]) Стало-быть Анфимъ не считалъ уже болѣе себя старообрядцемъ, а обратившимся изъ раскола въ православіе.

V. Есть въ Замостіи черный попъ Макарій, который родомъ Руснакъ, поставленъ въ попы во уніи, и отъ нихъ, уніатовъ, ушелъ, и крестился у Липованъ и былъ простымъ мужикомъ, потомъ паки въ унію своими епископы уніатскими пріятъ во унію, и служилъ года съ три, и паки къ Липованамъ пришелъ въ митрополію вашего преосвященства, и отъ липованскаго попа постригся въ монахи, и благословеніемъ чернцовъ и мужиковъ священнодѣйствуетъ и до днесь на Замостіи и на Сокольницахъ и на прочихъ слободахъ: креститъ, исповѣдуетъ, браки вѣнчаетъ и прочія дѣйствія дѣйствуетъ, что ему повелятъ мужики, яко же у лютеранъ: ратушею пастора избираютъ и даютъ черную епанчу, а не архіереи рукополагаютъ.

VI. А послѣ сего попа Макарія, нынѣ явившійся на Сальцахъ, попъ Иванъ Андреевъ перекрещиваетъ второе и браки перевѣнчиваетъ. А сей попъ Иванъ Андреевъ былъ въ Россіи разстриженъ по правильной винѣ, и въ солдаты отданъ, и ушедъ, здѣ дѣйствуетъ въ митрополіи вашего преосвященства. Такожде и другій чернецъ, попъ Пафнутій, бывый разстриженъ и той дѣйствуетъ въ митрополіи вашей, ѣздя по всѣмъ Липованамъ. А нынѣ имѣется на Долгой Полянѣ и черный попъ Николай, который постриженъ отъ попа чернаго, неимущаго архіерейскаго благословенія и ставленныя грамоты, и священнодѣйствуетъ на Кроковѣ у вашего преосвященства. И еще попъ Авраамій имѣется на Долгой Полянѣ, такожде бывый бѣлый попъ и постригся отъ чернаго же попа, неимущаго епископскаго благословенія, и самъ не имѣетъ іеромонашескія грамоты, а священнодѣйствуетъ въ митрополіи вашея святыни. Сего попа они имѣютъ яко патріарха, старости ради. И сіи вышепоказанные неосвященніи священницы дѣйствуютъ во всѣхъ слободахъ въ митрополіи вашего преосвященства, не опасаяся никого, но надѣясь на гроши мужиковъ, а вашему преосвященству о семъ неизвѣстно что они какіе люди. И черные

ихъ попы дѣйствуютъ вся мірскія потребы безъ благословенія епископскаго, въ противность правиламъ святыхъ отецъ и всея восточныя церкви.

VII. А нынѣ вѣдомо учинилось нашему смиренію, что оные пустопопы между собой совѣтъ учинили, дабы поставить себѣ церковь въ митрополіи вашего преосвященства на Долгой Полянѣ, позволенія времене чрезъ мужиковъ, отъ великаго вашего государя. И вашему преосвященству о семъ извѣстно ли? Аще ли вѣдомо, то убо не подобаетъ о семъ вашему архипастырству не радѣть, дабы таковые своевольники церковь имѣли внутрь митрополіи вашего преосвященства, но подобаетъ всяко тщаніе имѣть и совѣтовать съ великимъ государемъ и не попущать церковь строить таковымъ прелестникомъ на утвержденіе прелести ихъ, дондеже приложити подъ паству или вашего преосвященства живущіе въ митрополіи вашей, или къ намъ, смиреннымъ, да имѣютъ покореніе братскія любве насъ, смиренныхъ, съ вашимъ преосвященствомъ, какъ и его преосвященство Даніилъ митрополитъ и его преосвященство Гедеонъ архіепископъ позволили, и благословили, и подписалися, дабы мнѣ имѣть власть и смотрѣніе надъ таковыми людьми, а не своеволіемъ и разбойническимъ правомъ, въ противность правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, яко же вышепоказанные своевольники безчинствомъ своимъ творятъ; ибо сіи ругатели восточныя церкви — откуда имѣютъ мѵро? Откуда антиминсы? И подъ паствою котораго архіерея хотятъ быть? Развѣ въ своеволіи церковь имѣть хотятъ сіи разстриги, яко же обычай имъ есть, да удобѣе свою прелесть и своеволіе утвердятъ и распространятъ? И о семъ вашему преосвященству не подобаетъ небрещи, но всяко тщаніе имѣть, дабы таковыя ереси покуль не имѣли растенія внутрь митрополіи вашего преосвященства и отъ братіи своея преосвященныхъ архіереовъ зазрѣнія не было, зане вамъ имѣется всяка власть и свобода ко возбраненію таковыя прелести во своей митрополіи.

VIII. Егда же сіи своевольники мужики просятъ что имѣть у вашего преосвященства или церковь поставить или о которомъ попѣ именно, то подобаетъ вашему преосвященству ихъ вопросить: съ вѣдома ли они просятъ о церкви нашего смиренія у вашего преосвященства, и имѣется ли отъ мене письменное прошеніё о томъ до вашего преосвященства, и попъ оный, о которомъ они просятъ, имѣетъ ли ставленную или правильную грамоту и за подписаніемъ ли руки нашего смиренія, понеже мы, смиренніи, имъ Липованамъ пастыри есми, аще они и чинятся непокорные отъ своеволія, обаче намъ, пастыремъ сущимъ, подобаетъ всякое имѣть разсужденіе, да братство и любовь будутъ и исполнится на насъ реченное Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ: «о семъ познаютъ вси, яко Моя есте ученицы, аще любовь имате между собою.» А не смотрѣть бы вашему преосвященству ни на какія ихъ мужиковъ оговорки, что будутъ клеветать на наше смиреніе, ибо наши люди весьма лукави и вашему преосвященству ихъ пронырства неудобь можетъ достижно уразумѣтися, ибо они не хотятъ никакимъ образомъ подъ паствою пастыря быть, но токмо въ самочиніи и въ отчужденіи восточныя церкви, о чемъ пространнѣе будемъ имѣть разговоръ о всемъ съ вашимъ преосвященствомъ, когда персонально видѣтися будемъ.

Того ради нынѣ ваше преосвященство прошу сіе мое доношеніе принять и о вышеписанномъ разсмотрѣніе учинить и такимъ своевольникамъ церковь строить не попущать безъ вѣдѣнія нашего смиренія и поповъ ихъ всѣхъ, освидѣтельствовать, а таковыхъ бы ересей имъ творить возбранить, что по дважды и по трижды крестить каждаго человѣка, такожде и вѣнчать по дважды, и постригать чернцовъ и черницъ по дважды, а не имущимъ самимъ власти ни единыя отъ преосвященныхъ архіереовъ, а быть бы подъ властію архіерейскою имъ попамъ, а не по своей волѣ, а съ нашимъ смиреніемъ вашему преосвященству союзъ любве и братства имѣть и

о всемъ къ намъ писать въ домъ нашего смиренія въ Хотинскую Раю въ село Вѣтрянку.

Преосвященнѣйшій владыко, прошу вашего архипастырства о семъ моемъ прошеніи благоразсудительное усмотрѣніе учинить 7264 году іюня 30 дня.

Smirennyi Anfim Archiepiskop Kubanskiy
i Chotinskiia Ray Липовенъ [1].

Это былъ чистѣйшій доносъ старообрядческаго архіерея на свою непокорную паству. Своенравному, властолюбивому Анѳиму хотѣлось наконецъ силою предержащей власти заставить Липованъ признавать его своимъ духовнымъ главой. Онъ представляетъ Липованъ людьми опасными и особенно обращаетъ вниманіе ясскаго митрополита на то, что они митрополитовъ и епископовъ ни во что вмѣняютъ, а это во всякомъ случаѣ не могло понравиться Фанаріоту Іакову, гордому божественностію своего права. Донося на старообрядцевъ, Анѳимъ подстрекаетъ молдавское правительство на крутыя мѣры, подобныя тѣмъ, какія были тогда во всей силѣ въ Россіи. Само собой разумѣется, что когда Липоване узнали о перепискѣ «архіепископа всего православія» съ православными греческими митрополитами и даже съ самимъ константинопольскимъ патріархомъ, они пуще прежняго возненавидѣли его и объявили еретикомъ. Молдавскій митрополитъ отвѣчалъ Анѳиму, но письмо его намъ неизвѣстно. [2] Изъ втораго

[1] *Дѣло святѣйшаго синода о раск. арх. Анѳимѣ*, 1757 г., по архивной описи № 337.

[2] Второе письмо Анѳимъ писалъ къ Іакову 12 декабря 1756 года. Оно начинается такъ: «*Получихъ вашего преос-*

Анѳимова посланія видно однакоже, что Іаковъ спрашивалъ его когда и кѣмъ онъ поставленъ въ архіереи, звалъ къ себѣ въ Яссы для свиданія и изъявлялъ готовность поручить подъ его паству всѣхъ старообрядцевъ, жившихъ въ его обширной Молдовлахійской епархіи. На это письмо Анѳимъ отвѣчалъ 12 декабря 1756 года. Разказавъ, что онъ посвященъ епископомъ Лукою переименовавшимъ себя въ Аѳиногена, что въ Драгомирнѣ онъ благословленъ митрополитомъ Мисаиломъ, и что въ хотинскомъ соборѣ митрополитъ Даніилъ благословилъ его съ руковозложеніемъ, объяснивъ всѣ бѣдствія и озлобленія, которыя испыталъ онъ отъ Кубанцевъ, римскихъ бискуповъ и Липованъ, представивъ славскую грамоту на санъ «архіепископа всего православія»,—Анѳимъ такъ заключаетъ свое посланіе къ Іакову: «Ваше преосвященство, про-

---

вященства писаніе, *посланное до насъ смиренныхъ*, и въ немъ познахъ братосоюзную, начальнѣйшую главизну Христовыхъ ученикъ, о ней же самъ Спаситель нашъ рѣче: «О семъ познаютъ вси, яко Моя есте ученицы, аще любовь имате между собою.» И вашего преосвященства сія главизна пребывающая въ васъ, до насъ простреся, желающая видѣти насъ и готовы суще всяко строеніе дѣла нашего званія намъ поручить, яко же и мы, смиренніи, ваше преосвященство, издавна имѣемъ желаніе видѣти васъ, но возбраняемся сатаною даже доселѣ, о которомъ возбраненіи вашему преосвященству объявили кратко, какъ и ваше преосвященство изволили уразумѣть отъ поданнаго вамъ доношенія нашу отважность въ противостояніи липованскихъ забобонъ.» *Дѣло святѣйшаго синода о раск. арх. Анѳимѣ* 1757 года № 337.

шу дать позволеніе моимъ священникамъ священнодѣйствовать въ митрополіи вашей, въ нашихъ липованскихъ людѣхъ, которые требуютъ благословенія нашего смиренія, а прочимъ баламутникамъ, попамъ и чернцамъ, и прочимъ своевольникамъ запретить, дабы они пакости отселѣ поставленнымъ отъ нашего смиренія священникомъ не творили, и добровольнѣ хотящихъ людей приходить до нашихъ священниковъ не ругали. Такожде прошу ваше преосвященство и о семъ: егда время будетъ и вещи зовущи, дать позволеніе входа намъ смиреннымъ до своихъ намъ людей въ митрополіи вашей, во еже осмотрѣти ихъ и поучити закону Божію и совершенству христіанства, и позволеніе испросити намъ о всемъ у сіятельнѣйшаго князя вашего, за что и за его сіятельство отъ насъ смиренныхъ Богъ (sic) молить будемъ, такожде и за ваше преосвященство [1].»

Между тѣмъ слухи объ Анѳимѣ дошли и до Петербурга. Въ ноябрѣ 1756 года канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ получилъ отъ нашего резидента въ Турціи донесеніе, что «живущіе на Кубани и въ Волощинѣ россійскіе люди, раскольники, имѣли стараніе о посвященіи къ нимъ епископа: вопервыхъ у живущаго въ Крыму митрополита да у волосскаго архіерея, живущаго въ монастырѣ называемомъ Гушахъ, но ими не посвященъ, напослѣдокъ живущимъ подъ Дунаемъ, въ турецкомъ владѣніи, въ монастырѣ, называемомъ Рени, грече-

---

[1] *Дѣло святѣйшаго синода о раск. арх. Анѳимѣ.*

скимъ митрополитомъ Даніиломъ желаемый тѣми раскольниками епископъ посвященъ, коему имя Анвтиногенъ, и жительство имѣетъ въ близости Хотина, въ монастырѣ Вѣтрянка, гдѣ тѣхъ раскольниковъ въ жительствѣ много имѣется, а на Кубани учреждена тѣмъ раскольническимъ епископомъ архимандрія и поставленъ отъ него архимадритъ, и по слободамъ многое число поповъ, и даны имъ отъ него универсалы, и имѣютъ они по своимъ обрядамъ церковное служеніе, и что для того съ Дону крымскою областію на Кубань, и отъ Смоленска Польшею, уходя къ тому епископу, приходятъ и поселяются на житье, по близости того монастыря гдѣ тотъ епископъ находится.» Графъ Бестужевъ-Рюминъ, передавъ такое извѣщеніе резидента въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, призналъ болѣе удобнымъ и полезнымъ поручить развѣдываніе о заднѣстровскомъ раскольническомъ архіереѣ кіевкому губернскому начальству. Кіевскій вице-губернаторъ, тайный совѣтникъ Костюринъ, получивъ указъ иностранной коллегіи, тотчасъ же отправилъ за границу надежныхъ людей въ Могилевъ на Днѣстрѣ, въ Хотинъ и въ Яссы. Они узнали, что Аѳиногена, о которомъ упоминалъ резидентъ, у старообрядцевъ уже нѣтъ, а вмѣсто него есть Анѳимъ, и что этого Анѳима старообрядцы за своего архіепископа больше не признаютъ, въ чемъ всячески увѣряли старообрядцы жившіе по торговымъ дѣламъ въ Могилевѣ и могилевскій комендантъ. Въ Могилевѣ же агентъ, посланный изъ Кіева, видѣлся съ Анѳимовыми служителями и съ

его живописцемъ, пріѣхавшими, по его приказанію, за покупками. Они сказали, что Анѳимъ живетъ въ Вѣтрянкѣ и въ церкви этой слободы служитъ по-архіерейски, что при немъ десять человѣкъ поповъ и дьяконовъ и что, сверхъ того, онъ посвящаетъ поповъ для старообрядцевъ... Ясскій митрополитъ, узнавъ отъ агента посланнаго Костюринымъ, что на Анѳима, находящагося съ нимъ въ перепискѣ, обращено вниманіе русскаго правительства, и что оно по собраніи предварительныхъ свѣдѣній намѣрено дипломатическимъ путемъ требовать его выдачи, тотчасъ измѣнилъ свои отношенія къ Анѳиму, и вмѣсто оказательства «братосоюзной» къ нему любви, разозлалъ по всей своей епархіи ордеры, чтобъ Анѳима, «гдѣ онъ явится, тотчасъ поймать и связавъ привесть въ Яссы съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ ему, лжеархіепископу, бороду обрить и въ ссылку, въ которыхъ мѣстахъ соль ледовую бьютъ, сослать.» Съ ордерами разосланы были и примѣты Анѳима. Выгораживая себя и митрополита браиловскаго Даніила изъ дѣла объ Анѳимѣ, ясскій митрополитъ умалчиваетъ однако о Мисаилѣ Редовуцкомъ и его отношеніяхъ къ лжеархіепископу; онъ передаетъ агенту два письма Анѳимовы и славскую грамоту на санъ «архіепископа всего православія», но копій съ своихъ писемъ къ Анѳиму не доставляетъ. Вообще Іаковъ велъ себя въ этомъ дѣлѣ довольно загадочно.

Получивъ такія свѣдѣнія объ Анѳимѣ, святѣйшій синодъ поручилъ кіевскому митрополиту Ти-

моѳеѳю войдти въ непосредственныя сношенія съ молдавскимъ митрополитомъ и самымъ энергическимъ образомъ требовать отъ него, чтобъ онъ прекратилъ возникшее въ его епархіи незаконное и ложное раскольническое архіерейство. За болѣзнью митрополита Тимоѳея, кіевская консисторія писала объ этомъ въ іюлѣ 1757 года къ Іакову Молдавскому, но былъ ли какой отвѣтъ отъ него, изъ дѣла не видно.

Положеніе Анѳима было самое непріятное; оно было не сравненно хуже, чѣмъ положеніе Аѳиногена передъ обращеніемъ его въ католическую вѣру. Съ одной стороны, отыскиваетъ его русское правительство, съ другой—люди ясскаго митрополита ищутъ, чтобъ обрить и отправить въ соляныя копи, съ третьей—Некрасовцы, самые сильные теперь враги его, стерегутъ Анѳима и во всѣ мѣста, гдѣ живутъ казаки, пишутъ, что если гдѣ появится «еретикъ Анѳимъ», тотчасъ же его—«въ куль, да въ воду». Находясь въ такомъ положеніи, онъ не смѣлъ никуда выглянуть изъ Вѣтрянки, гдѣ еще были у него немногіе приверженцы. Но и эти отстали, когда получено было посланіе отъ вѣтковскихъ отцовъ, къ которомъ они увѣряли своихъ одновѣрцевъ, что Анѳимъ сущій обманщикъ и никогда въ архіереи законнымъ образомъ посвященъ не былъ, что онъ даже и въ іеромонахи-то никогда посвященъ не былъ и сказался священникомъ ложно. Анѳимъ, видя что и въ Вѣтрянкѣ отъ него отступаются, бросился въ Чобурчи, но здѣсь ожидала его подготовленная Некрасовца-

ми бѣда. Войтъ слободы Чобурчей, Назаръ Алексѣевъ, получивъ отъ Некрасовцевъ требованіе утопить Анѳима, за то что онъ будучи у нихъ «много пакости учинилъ», давно поджидалъ несчастнаго лжеепископа. Какъ только онъ появился въ Чобурчахъ, Назаръ Алексѣевъ собралъ «кругъ» на мосту черезъ рѣку Днѣстръ и объявилъ вины Анѳима и требованіе Некрасовцевъ. «Въ куль да въ воду!» закричали слобожане. Молодые схватили Анѳима, связали ему руки и ноги, къ шеѣ привязали чувалъ и бросили съ мосту въ Днѣстръ [1].

Такъ кончилъ жизнь свою Анѳимъ, сначала пользовавшійся громаднымъ авторитетомъ у старообрядцевъ, а потомъ ненавидимый ими и пустившійся въ доносы къ православнымъ митрополитамъ и патріарху на своихъ одновѣрцевъ, которыхъ считалъ своею паствой. Не сохранилось о немъ доброй памяти ни въ одной раскольнической общинѣ. Остались вѣрными ему только—игуменья Елиза-

[1] Въ 1763 году, мая 30, въ астраханскую губернскую канцелярію присланъ былъ при отпискѣ отъ Волжскаго Войска: «писатель воровскихъ паспортовъ, дѣлатель печатей, раскольникъ, казачій сынъ, Семенъ Чижовъ», приговоренный къ отсѣченію головы, но по смягченіи приговора, отправленный въ нерчинскіе рудники на работу. Въ своихъ показаніяхъ онъ много разказалъ объ Анѳимѣ, котораго зналъ лично; онъ же подробно передалъ и о смерти его. (См. *дѣло о раскольнич. архіереѣ Анѳимѣ.)* О судьбѣ Анѳима Іона Курносый говоритъ: «прибывъ въ Польшу во своя и нѣкіими съ мосту рѣки утопленъ бысть, яко Фараонъ». Сравн. Андр. Іоанн. Журавлева *Историч. извѣстіе о раскол.*, стр. 305.

вета, діакониссы съ малолѣтными дѣтьми, да два попа Матвѣй и Іосифъ Буркины. Эта обѣднѣвшая семья несчастнаго лжеепископа не могла оставаться въ Вѣтрянкѣ: тамъ всѣ смѣялись надъ ними и нельзя было поручиться, чтобъ участь Анѳима не постигла рано или поздно и его приверженцевъ. Собравъ остатки расхищеннаго имѣнія, они уѣхали въ вѣтковскіе предѣлы и жили тамъ въ Боровицахъ [1]. Раскаялась ли Елизавета въ томъ, что растеряла все свое богатство на Анѳима, и долго ли горевали хорошенькія діакониссы по своемъ миломъ архіепископѣ—не знаемъ.

---

[1] Показаніе Семена Чижова.

Глава VII.

Исканіе архіерейства въ концѣ XVIII столѣтія.

Соблазнъ, произведенный между старообрядцами въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія лжеепископами Аѳиногеномъ и Анѳимомъ, не охладилъ ревнителей «древляго благочестія» въ исканіи архіерейства. Они попрежнему собирались на соборы, попрежнему толковали о необходимости имѣть своего епископа и попрежнему пытались добыть его. Иванъ Алексѣевъ говоритъ, что въ 1755 году, то-есть когда Анѳимъ еще былъ въ чести у Некрасовцевъ и принималъ санъ «архіепископа всего православія», вѣтковскіе и гомельскіе жители, вмѣстѣ съ старообрядцами стародубскихъ слободъ, послѣ долгихъ разсужденій о необходимости имѣть епископа, для поставленія поповъ и освященія мѵра и антиминсовъ, рѣшились подать просьбу о томъ, чтобы великороссійскіе архипастыри рукоположили имъ выборнаго отъ нихъ человѣка.[1] Алексѣевъ не знаетъ чѣмъ кончилось это дѣло,

[1] Ивана Алексѣева *Исторія о бѣгствующемъ священствѣ*, стр. 66.

что отвѣчали на челобитную старообрядцевъ. Мы тоже не знаемъ, ибо не встрѣтили въ архивныхъ дѣлахъ упоминанія объ этой просьбѣ. Безъ сомнѣнія, старообрядцамъ было отказано въ ихъ ходатайствѣ. Не такое было время.

Съ кончиною императрицы Елисаветы Петровны настали новыя, лучшія для старообрядцевъ времена. Ея преемникъ, Петръ III, тотчасъ по вступленіи на престолъ, издалъ относительно старообрядцевъ такое узаконеніе: «никакого въ содержаніи закона, по ихъ обыкновенію, возбраненія не чинить, ибо во всероссійской его императорскаго величества имперіи и иновѣрцы, яко магометане и идолопоклонники, состоятъ, а тѣ раскольники — христіане, точію во единомъ застарѣломъ суевѣріи и упрямствѣ состоятъ, что отвращать должно не принужденіемъ и огорченіемъ ихъ, отъ котораго они, бѣгая за границу, въ томъ же состояніи множественнымъ числомъ проживаютъ безполезно, и для того его императорское величество высочайше указать соизволилъ, о томъ сочиняя сенату обстоятельное учрежденіе предложить къ высочайшей апробаціи.»[1] Это было первое доброе слово, сказанное о раскольникахъ съ самаго начала раскола. Кратковременность царствованія Петра III была причиной, что этотъ государь не успѣлъ докончить задуманнаго имъ дѣла. При Екатеринѣ II послѣдовалъ цѣлый рядъ узаконеній, отмѣнявшихъ

---

[1] Первое *Полное Собраніе Законовъ Росссійской Имперіи* XV—№ 11.205.

прежнія, крутыя, Петровскія мѣры противъ раскольниковъ и постепенно расширявшихъ ихъ гражданскія права. Зарубежнымъ старообрядцамъ объявлено было прощеніе за ихъ бѣгство изъ отечества, они вызваны были въ Россію, имъ отведены были для поселенія плодородныя и обширныя земли въ Сибири и въ нынѣшней Самарской губерніи. При этомъ было предписано мѣстнымъ начальствомъ, чтобы «возвращавшимся изъ-за границы старообрядцамъ и слѣдовавшимъ въ мѣста избранныхъ ими поселеній не только въ пути ни малѣйшаго задержанія не было, но до опредѣленныхъ къ населенію ихъ мѣстъ свободно пропускаемы и квартиры имъ вездѣ безпрепятственно даваемы были, равно жь и по прибытіи въ опредѣленныя мѣста, въ поселеніи ни отъ кого никакого препятствія чинимо не было бъ, и не отбирая и не требуя изъ ихъ имѣній ничего, оказываны были имъ при томъ новомъ поселеніи всѣ удобовозможныя вспоможенія». [1] Вслѣдъ затѣмъ раскольническая контора, вѣдавшая дотолѣ дѣла старообрядцевъ, была уничтожена, и они были подчинены общимъ присутственнымъ мѣстамъ. Въ указѣ Екатерины 14 декабря 1762 года зарубежные раскольники призывались въ Россію вмѣстѣ съ иноземцами (колонисты). Замѣчательно, что самыя земли тѣмъ и другимъ были отведены въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ: въ саратовскомъ За-

---

[1] Первое *Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи* XVI—№ 11.738.

волжьѣ, а потомъ въ Новороссійскомъ краѣ. Число выселившихся изъ польскихъ владѣній старообрядцевъ было значительно, ибо вызывая ихъ въ отечество, правительство, кромѣ всепрощенія, кромѣ разрѣшенія носить бороду и ходить не въ указномъ платьѣ съ желтымъ козыремъ, освобождало ихъ на шесть лѣтъ отъ всякихъ пошлинъ и податей и предоставляло имъ избирать родъ жизни по ихъ желанію: или записываться за прежними помѣщиками или поступать въ государственные крестьяне и въ купечество (то-есть въ городское сословіе) по собственному ихъ желанію, «а противъ желанія, прибавлено было въ указѣ, никто инако приневоленъ быть имѣетъ». [1] Вскорѣ затѣмъ послѣдовали новыя узаконенія, имѣвшія цѣлію уже прямо успокоеніе умовъ старообрядцевъ посредствомъ возвращенія имъ гражданскихъ правъ, которыхъ со временъ Петра I и даже ранѣе они были лишены. Сюда относятся: указы 1764 и 1782 объ уничтоженіи двойнаго оклада, который платили они въ силу постановленій Петра I, 1769 года о дарованіи имъ права судебнаго свидѣтельства и 1785 о дозволеніи имъ вступать въ общественныя должности. Самымъ важнымъ послѣдствіемъ всѣхъ этихъ узаконеній было водвореніе старообрядцевъ въ городахъ, на что до тѣхъ поръ права ихъ были значительно стѣснены. Старообрядцы вообще и прежде были, и теперь остались плохими хлѣбопашцами; въ ихъ общинахъ всегда

---

[1] Тамъ же XVI—№ 11.725.

преимущественно развивались промышленная и торговая дѣятельность. Но въ купечество, то-есть въ городское сословіе, старообрядцамъ, принадлежавшимъ къ сельскимъ обществамъ, до указа 1764 года, приписаваться было почти невозможно; теперь они поселились въ городахъ, преимущественно въ большихъ и въ обѣихъ столицахъ. Быстро развились въ ихъ рукахъ капиталы, что слѣдуетъ отнести вообще къ отличающей ихъ домовитости и бережливости, а въ особенности, къ внутренней связи скрѣпляющей ихъ общества, въ которыхъ взаимное вспомоществованіе составляетъ едва ли не главнѣйшую основу. Достовѣрно извѣстно, что въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія значительная часть русскихъ капиталовъ оказалась у старообрядцевъ, принадлежавшихъ къ городскимъ сословіямъ.

Вслѣдствіе сказаннаго центры старообрядческихъ обществъ измѣнились; старые упали, возвысились дотолѣ незначительные, возникли новые. Вѣтка снова была опустошена. Такъ какъ тамошніе жители не послушались пригласительнаго указа Екатерины и притомъ производили разбои какъ въ польскихъ владѣніяхъ, такъ и, переходя границу, въ предѣлахъ Имперіи, то въ 1764 году посланъ былъ генералъ-майоръ Масловъ съ войскомъ, который раззорилъ слободу и 20 тысячъ старообрядцевъ вывелъ въ Россію. Ихъ водворили въ Сибири. За то возвысились стародубскія слободы, снора возникли и усилились опустошенные сначала Питиримомъ, а потомъ переселеніями старообрядцевъ

за границу [1], скиты керженскіе и чернораменскіе, явились большіе, богатые деньгами попами и монастыри на Иргизѣ, сдѣлавшіеся съ конца XVIII столѣтія митрополіей поповщины.

Явились монастыри и у казаковъ: на Уралѣ, на Дону и въ Гребеняхъ. Все это принадлежало поповщинѣ. Въ городахъ образовались обширныя общины, у нихъ явились церкви, священники и даже монастыри. Такъ на Волгѣ явился цѣлый рядъ сильныхъ общинъ поповщины: во Ржевѣ, Твери, Романовѣ, Городцѣ, Казани, Малыковкѣ (въ послѣдствіи Вольскъ) и Саратовѣ. Еще сильнѣе ихъ сдѣлалась община въ Москвѣ. Построивъ на костяхъ своихъ мучениковъ обширныя церкви и «палаты» извѣстныя подъ скромнымъ названіемъ Рогожскаго кладбища или богадѣленнаго дома, [2] московскіе старообрядцы поповщинскаго толка до того усилились, что ихъ община сдѣлалась главною не только во всей Россіи, но и за границей, особенно

---

[1] Съ 1719 по 1762 г. изъ керженскихъ и Чернораменскихъ скитовъ ушло за границу семь восьмыхъ всего населенія. *Полн. Собр. Зак. Росс. Имп.* XV—№ 11.435.

[2] Рогожское кладбище находится близь Покровскаго монастыря, основаннаго при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ «на убогихъ домахъ». Когда устроили этотъ монастырь, убогіе дома перенесли дальше. На мѣстѣ убогаго дома, въ которомъ хоронили запытанныхъ въ Преображенскомъ приказѣ старообрядцевъ (Срав. *Раскольническія дѣла* Г. В. Есипова т. I, стр. 608), при Екатеринѣ II во время чумы возникло кладбище для погребенія старообрядцевъ поповщинскаго толка, и тогда же построены на немъ церкви и палаты для богадѣленъ.

послѣ собора 1779 года, на которомъ утверждено было перемазываніе миромъ приходящихъ изъ нашей церкви (*софонтіевщина*). До тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія Рогожское кладбище уступало только Иргизу, но и самый Иргизъ былъ какъ бы колоніей Москвы. И тамъ все творилось по волѣ и приговору рогожскому. Многочисленность московской общины, огромныя богатства ея членовъ, ворочавшихъ милліонами и находившихся въ короткихъ связяхъ съ людьми вліятельными, занимавшими даже высшія государственныя должности, наконецъ самое имя *Москвы*, гдѣ были въ свое время патріархи Филаретъ и Іосифъ, столь уважаемые старообрядцами, все это взятое вмѣстѣ было причиною того, что прочія поповщинскія общины стали въ полную зависимость отъ рогожской. Сложились даже по этому поводу пословицы. Такъ въ керженскихъ и чернораменскихъ скитахъ и по заволжскимъ селамъ и деревнямъ говорили и доселѣ говорятъ: «что положатъ на Рогожѣ, на томъ станетъ Городецъ, а на чемъ Городецъ, на томъ и Керженецъ.» Въ Саратовской и Симбирской губерніяхъ и въ самой Москвѣ говорили: «на Рогожской дохнутъ, на Иргизѣ попа дадутъ.» Всѣ сколько-нибудь важныя дѣла поповщины стали рѣшаться на Рогожскомъ кладбищѣ. Естественно, что и самое исканіе архіерейства перешло въ московскую общину.

Въ 1765 году московская поповщина, послѣ долгихъ переговоровъ, согласилась съ московскою поморскою общиной слиться воедино, подъ духовною властію одного *архіерея*. Опыты прежнихъ лѣтъ до-

статочно вразумили ихъ, что отъ русскихъ епископовъ имъ не дождаться своего архіерея: ни одинъ изъ нихъ ни самъ не согласится къ нимъ перейти, ни рѣшится рукоположить имъ выборнаго изъ нихъ человѣка. На заграничную хиротонію также мало было надежды, притомъ же Греки были въ то время поголовно заподозрѣны въ обливательномъ крещеніи. Если быть можетъ нѣкоторые старообрядцы знали объ архіереяхъ на Кавказѣ, поставленныхъ Анеимомъ, то ни въ какомъ случаѣ не рѣшились бы искать у нихъ хиротоніи, ибо самозванство Анеима было имъ достовѣрно извѣстно. Созванъ соборъ для совѣщаній. Въ немъ приняли участіе знаменитѣйшіе по уму, начитанности и знаніямъ старообрядцы. Между ними были Никодимъ, изъ Стародубья, авторъ *Никодимовскихъ статей*, діаконовскаго согласія. Ему было въ то время еще только двадцать лѣтъ отъ роду, но несмотря на молодость, онъ пользовался уже громаднымъ вліяніемъ на одновѣрцевъ. Ему принадлежала первая мысль о соединеніи всѣхъ старообрядцевъ и поповскаго и безпоповскаго согласій воедино стадо подъ паствою одного пастыря; и послѣ первой неудачи, онъ семнадцать лѣтъ постоянно и съ полною энергіей отыскивалъ архіерейства. Никодимъ находился въ близкихъ отношеніяхъ съ Потемкинымъ, былъ извѣстенъ Екатеринѣ и пользовался большимъ вѣсомъ между своими. Поморцы, для совѣта и рѣшенія этого общаго для всего старообрядства дѣла, вызвали въ Москву изъ Выгорѣцкаго монастыря Андрея Борисова. Этотъ человѣкъ, тогда еще 31 года отъ

роду, былъ, по словамъ Павла Любопытнаго[1], строгій членъ поморской церкви и (въ послѣдствіи 1780—1791) главный киновіархъ Выгорѣцкой киновіи, авторъ пятнадцати сочиненій, знаменитый не только между старообрядцами, но и у владыкъ міра, поименованъ отъ послѣднихъ *патріархъ старообрядческой церкви*. Со многими вельможами находился онъ въ перепискѣ, многократно же писалъ посланія къ высокому, извѣстнѣйшему князю Потемкину, его благодѣтелю и другу. Имя этого человѣка доселѣ дорого для старообрядцевъ, потому что онъ, какъ человѣкъ умный и смѣлый, старался извлечь пользу для раскола изъ своихъ связей съ вельможами, особенно съ такимъ всесильнымъ, какъ Потемкинъ. По вліянію Андрея Борисова на Потемкина, были отмѣнены двойной окладъ платимый старообрядцами (1782 года) и наименованіе въ офиціальныхъ бумагахъ старообрядцевъ раскольниками[2]. Былъ на этомъ соборѣ казенный крестьянинъ, тридцатишестилѣтній Василій Емельяновъ, глава московской поморской общины, основатель и первый настоятель, такъ называемой, Монинской моленной, другъ Андрея Борисова. Былъ тутъ Иванъ Васильевъ, бывшій въ послѣдствіи чугуевскимъ монахомъ Венедиктомъ, ученый Поморецъ, авторъ замѣчательнаго сочиненія *Разговоръ Тарасія съ Трифилліемъ* или *Извѣще-*

[1] Павелъ Любопытный. *Каталогъ или библіотека старовѣрческой церкви*. Москва. 1861, стр. 42.

[2] Тамъ же, стр. 43.

ніе разглагольствія и написавшій кромѣ того 30 *поэмъ въ стихахъ*. Ему было въ то время только двадцать одинъ годъ, но по словамъ Павла Любопытнаго, «московскій ученый кругъ благочестивыхъ всегда поставлялъ его на степени мудрецовъ и давалъ ему особенное преимущество въ его витійствѣ и ловкости»[1]. Всѣ, какъ изъ этого видно, были люди молодые; нѣкоторые, какъ напримѣръ Никодимъ и Венедиктъ, еще юноши, но эта молодежь составляла цвѣтъ старообрядства, это молодое поколѣніе раскольниковъ отличалось энергіей, обширностію свѣдѣній и въ то же время фанатическимъ усердіемъ къ дѣлу отцовъ и дѣдовъ. Московскіе купцы также участвовали на соборѣ.

«Цѣлое, писали они въ своемъ соборномъ дѣяніи, — цѣлое миновало столѣтіе, какъ православная церковь постепеннаго священства лишилась, и мы остаемся безъ спасительныхъ таинствъ и безъ пастырей. Въ смутное Никоново время, хотя и оставался Павелъ епископъ, за древлее благочестіе изгнаніе претерпѣвшій, но преемниковъ по себѣ ни-

---

[1] Андрей Іоанн. Журавлевъ въ *Истор. изв. о раскол.*, стр. 197, и за нимъ преосвящ. *Макарій* въ *Исторіи русскаго раскола*, стр. 352, называютъ еще Ивана Ѳедоровича Ерша, саратовскаго поморца, но онъ умеръ за десять лѣтъ до этого собора, въ 1755 году. (П. Любопытнаго *Каталогъ*, стр. 95.) Журавлевъ, а за нимъ и преосвященный Макарій называютъ Венедикта вѣроятно ошибкою, Иваномъ Ивановымъ, а не Иваномъ Васильевымъ; Журавлевъ, притомъ — монахомъ чудовскимъ, а не чугуевскимъ.

кого намъ не оставилъ. Также при жизни его и послѣ, хотя и обрѣтались кое-гдѣ православные древніе священники, но и тѣ всѣ, Богу тако опредѣлившу, прешли въ вѣчные кровы. Мы же, хотя послѣдователи и ученики ихъ, но руковозложенія и освященія къ служенію въ Божіей перкви таинствъ ни единъ изъ насъ ничего не имѣемъ. И потому мы въ крайней нуждѣ и настоящемъ расточеніи находимся, нужда же всѣхъ средствъ, какія ведутъ къ точному исполненію всего въ законѣ, хранить и исполнять не обязана, но свободна. Слѣдовательно, мы теперь должны держать ту цѣль, которая единымъ предметомъ есть нашей нужды и нашего желанія.»

Стали искать въ церковныхъ правилахъ, нѣтъ ли тамъ какого-нибудь, хотя и не очень подходящаго дозволенія рукоположить епископа не рукою епископа; искали прилежно и не нашли. Обратились къ примѣрамъ церковной практики, но и въ ней такого примѣра не встрѣтили: ни въ старыхъ книгахъ, ни въ Чети-Минеяхъ, ни въ лѣтописяхъ ничего подобнаго не говорилось. Поморцы, менѣе старообрядцевъ поповщинскаго толка обращающіе вниманіе на правила и примѣры, были и редакторами соборнаго дѣянія, и главными дѣятелями собора Вполнѣ убѣжденные, что «нужда законныхъ правилъ исполнять не обязана, но совершенно свободна», они отыскали примѣръ въ лѣтописяхъ отечественной церкви и предложили собору примѣнить его къ настоящему случаю. Въ 1147 году великій князь Изяславъ велѣлъ русскимъ епископамъ

поставить ученаго затворника Климента Смолятича въ кіевскіе митрополиты, безъ патріарха константинопольскаго. Епископы отказались, говоря, что митрополита долженъ ставить патріархъ. Изяславъ настаивалъ. Тогда черниговскій владыка Онуфрій сказалъ: «азъ свѣде достоитъ ны поставити (митрополита), а глава у насъ есть святаго Климента, якоже ставятъ Греци рукою святаго Ивана. И тако сгадавше епископи, главою святаго Климента поставиша митрополитомъ»[1]. Приняли этотъ примѣръ къ подражанію. «Есть въ Успенскомъ соборѣ глава Св. Іоанна Златоустаго, говорили молодые поморцы, ею можно исполнить это дѣло». Другіе, а особенно Никодимъ, воспротивились и сказали: «Произведеніе Климентово было не по закону, а по волѣ великаго князя Изяслава, и притомъ какъ сія тайна называется хиротонія, то есть *руковозложеніе*, то лучше *рукою* Св. Іоны митрополита или другаго нѣкоего святителя сіе учинить, подведя къ мощамъ ставленника, и отъ мощей руку на главу его возложа, и читавши принадлежащія молитвы, облачить новопоставляемаго во вся архіерейская». Это мнѣніе было принято единогласно, причемъ въ главное основаніе брали то, что въ самомъ Цареградѣ патріархи не рукою архіерейскою, а рукою мощей Іоанна Златоустаго хиротонисаны бывали. Заготовили старообрядцы богатое архіерейское облаченіе и стали искать случая, посредствомъ де-

[1] Ипатьевская лѣтопись: *Пол. Собр. Русскихъ лѣтописей*, II, 30.

нить, попасть въ Успенскій соборъ въ такое время, когда не бываетъ службы. А еслибы не удалось поладить съ ивановскими звонарями и соборными сторожами, то положили на соборѣ — ѣхать въ Новгородъ, гдѣ не было въ то время архіерея, почему и надѣялись, что въ тамошній Софійскій соборъ попасть будетъ имъ легче чѣмъ въ оберегаемый ивановскими звонарями Успенскій соборъ. Всѣ были рады такому соглашенію, и хотя сознавали, что предположенное ими дѣйствіе не будетъ вполнѣ законно-правильно, но оправдывали себя нуждою и «тѣснымъ обстояніемъ», имѣя болѣе въ виду то, что хотя корень ихъ епископства будетъ и не совсѣмъ правиленъ, за то всѣ секты старообрядцевъ соединятся во едино стадо подъ паствою единаго святителя. Этимъ больше всего и оправдывали они свое начинаніе. «Мы будемъ правы, ежели не по закону, то по политикѣ, когда скитающійся и разсыпанный мѣстами и мыслями народъ соберемъ воедино», писали они въ своемъ дѣяніи. Уже намѣревались приступить къ избранію кандидата на каѳедру старообрядческаго архіерея, но вдругъ возникли недоразумѣнія, а за ними и несогласія. Кто-то изъ находившихся на соборѣ сказалъ: «Любезная братія! Когда будетъ рукополагатися нашъ избранникъ во епископа, и когда будемъ мы его облекать во священная; тогда рукополагаяй его, святый, коего руку мы будемъ держать надъ главою рукополагаемаго, безъ сомнѣнія, будетъ молчать устнами. А сіе молчаніе сильно привести насъ въ сомнѣніе, вопервыхъ потому что мы

не знаемъ, угодна ли будетъ наша выдумка святителю сему, и будетъ ли святый сей съ нами согласенъ на все то, что мы ни дѣлаемъ; второе, кто же изъ насъ долженъ руковозлагательныя молитвы вмѣсто архіерея читать, которыя, кромѣ его мы, простіи, никакъ не должны и не можемъ при толь великомъ дѣйствіи произносить?...» Всѣхъ поразило такое возраженіе, и произвело оно большое разгласіе между соборовавшими. Представители поповщины говорили, что молитвы хиротоніи можетъ читать ихъ попъ; поморцы, отвергая правильность ихняго попа, какъ взятаго отъ «смущенныя никоніанскія церкви», рѣшительно возстали противъ такого предложенія и въ свою очередь предлагали своего наставника, кончилось тѣмъ, что послѣ долгихъ споровъ ип ереговоровъ обѣ стороны разошлись далеко не въ такомъ дружелюбномъ согласіи, въ какомъ собрались. Замыселъ о соединеніи старообрядческихъ церквей воедино былъ оставленъ, какъ неосуществимый; оставлено было и предположеніе о «возстановленіи архіерейскаго чина»[1]. Поморцы съ поповщинцами разошлись. Первые остались при томъ мнѣніи, что возстановленіе пресѣкшагося архіерейства возможно лишь посредствомъ придуманнаго на соборѣ 1765 года дѣйствія, а о такъ названной ими «вѣчной хиротоніи»,

---

[1] Андрея Іоаннова Журавлева *Историческое извѣстіе о раскольникахъ*, стр. 197—201. Виталія *О церкви и о раскольникахъ* гл. 16, рукопись Макарія *Исторія русскаго раскола*, стр. 352, 353.

то есть о преемственной отъ апостоловъ и слышать не хотѣли, и никакъ не соглашались заимствовать архіерейство отъ православной іерархіи, выставляя въ числѣ прочихъ доказательствъ, что пресѣкалась же на цѣлыя столѣтія православная іерархія во времена аріанства, иконоборства, и потомъ возникала же вновь, когда на всей землѣ не было православныхъ епископовъ. Иванъ Васильевъ (Венедиктъ) вооружился сильнымъ словомъ противъ поповщины, признававшей «вѣчную хиротонію», неизсякшую въ великороссійской церкви. Кромѣ знаменитаго своего *Извѣщенія разглагольствія* (Тарасія съ Трифилліемъ), написалъ онъ 15 вопросовъ къ старообрядцамъ поповщинскаго толка «о ихъ суевѣрномъ заблужденіи по предметамъ хиротоніи и крещенія россійской церкви». Въ концѣ жизни своей онъ, однакоже, по извѣстію Павла Любопытнаго, «яко человѣкъ, впалъ въ пропасть зломудрія о вѣчномъ бытіи хиротоніи»[1]; то-есть призналъ необходимость преемственности отъ самихъ апостоловъ епископскаго сана.

Никодимъ, ученый юноша, бывшій однимъ изъ представителей діаконовщины на соборѣ 1765 года, сдѣлался послѣ него самымъ ревностнымъ искателемъ архіерейства; но не иначе хотѣлъ онъ возстановить старообрядческую іерархію, какъ заимствовавъ ее отъ православія. Много труда приложилъ этотъ замѣчательный человѣкъ для достиженія своей цѣли, семнадцать лѣтъ онъ преслѣдовалъ

---

[1] Павла Любопытнаго, *Каталогъ*, стр 97 и 98.

ее, поддерживая своимъ учительнымъ словомъ московскую и другія поповщинскія общины и сближая ихъ въ нѣкоторомъ отношеніи съ православною церковью. Сначала онъ жилъ въ Москвѣ, потомъ въ Стародубьѣ, гдѣ на земляхъ посада Злынки построилъ Троицкую пустынь, извѣстную болѣе подъ именемъ Никодимовой. Здѣсь-то ревностный искатель архіерейства, къ сожалѣнію такъ рано умершій[1], сдѣлался основателемъ, такъ сказать, *единовѣрія*. Самыми ревностными, самыми добросовѣстными пособниками Никодимову дѣлу явились купцы Иванъ Кузнецовъ и Бѣляевъ, а также монахъ Іоакимъ. Они не жалѣли ни трудовъ, ни издержекъ для осуществленія своего плана.

Вскорѣ послѣ того какъ, не сдѣлавъ ничего, разошелся соборъ 1765 года, московская община старообрядцевъ въ самой Москвѣ, приступила къ новому исканію архіерейства, при посредствѣ того же Никодима. Жилъ въ то время въ Москвѣ Аѳанасій, митрополитъ грузинскій, который служилъ при Архангельскомъ кремлевскомъ соборѣ, ради поминовенія покойныхъ царей и великихъ князей, въ немъ похороненныхъ. Къ нему въ 1766 году обратились старообрядцы, прося, чтобы рукоположилъ имъ епископа, и предполагая послѣ хиротоніи «исправить» его. Аѳанасій отвѣчалъ: «здѣсь, въ Москвѣ, и вообще въ областяхъ подчиненныхъ синоду, я этого для васъ сдѣлать не могу, безъ его благословенія; а вотъ мой совѣтъ — поѣзжайте вы

[1] Въ 1784 году 12 мая, 39 лѣтъ отъ роду.

къ намъ въ Грузію, она отъ русскаго синода не зависитъ, а тамъ есть у насъ свой автокефальный патріархъ, блаженнѣйшій католикосъ Антоній. Просите его: можетъ-быть, видя ваше усердіе и мольбу, онъ и согласится исполнить вашу просьбу.» Послушалось московское старообрядческое общество митрополита Аѳанасія, и нарядило посольство въ Тифлисъ. Не малое время продолжались сборы, наконецъ въ 1768 году поѣхали за Кавказъ монахи Никодимъ и Іоакимъ и купецъ Иванъ Кузнецовъ, чтобы просить царя Ираклія II и католикоса Антонія о поставленіи имъ епископа. Едва ли не Іоакима предполагали они возвести въ этотъ санъ. Но посольство московскихъ старообрядцевъ отъ предгорій Кавказа поворотило назадъ. Въ то время Екатерина II хотя и не начинала еще блистательной для русскаго оружія войны съ Турками, но 3-я армія, подъ командою генерала де-Медема, заняла уже предгорія Кавказа, съ цѣлію держать въ страхѣ подчиненныхъ султану и крымскому хану старообрядцевъ, живущихъ въ Гребенскихъ и въ Кубанскихъ станицахъ, а также Кабардинскую орду и горцевъ. Пропуска за Кавказъ никому изъ Россіи не было, Никодимъ съ товарищами возвратился ни съ чѣмъ.

Война съ Турками отрѣзала русскихъ старообрядцевъ отъ заграничныхъ православныхъ архіереевъ, у которыхъ бы можно было получить хиротонію: въ Грузію не было пропуска, въ Молдавіи стояли русскія войска, ясскій митрополитъ и подумать не смѣлъ сдѣлать что-либо несогласное съ

видами русскаго правительства. Путь къ сербскому патріарху и автокеѳальному болгарскому архіепископу былъ отрѣзанъ.

Между тѣмъ усиливались толки и споры въ поповщинскихъ общинахъ «о томъ, коимъ чиномъ пріимати приходящихъ отъ великороссійскія церкви поповъ и мірянъ». Въ однихъ мѣстахъ принимали ихъ вторымъ чиномъ, перемазывая во второй разъ мѵромъ (*вѣтковское согласіе, прежняя софонтіевщина*), въ другихъ — третьимъ чиномъ, по проклятіи ересей и «исправѣ», то-есть исповѣди у старообрядческаго попа (*діаконовщина или діаконово согласіе*)[1]. Чтобы положить конецъ раздорамъ и несогласіямъ изъ-за этого предмета собрался въ 1779 году въ Москвѣ соборъ. На этомъ соборѣ, открытомъ ноября 1-го, въ домѣ московскаго купца Ямщикова собрались представители поповщинскихъ общинъ и вѣтковскаго, и діаконова согласій изъ Москвы, Стародубья, Скопина, Керженца[2], Иргиза, Галича, и другихъ мѣстъ. Собранія происходили въ домахъ Ямщикова, Павлова и Мальцова до половины фев-

---

[1] Такъ называлось оно по имени Александра діакона, казненнаго Петромъ I въ 1720 году. Онъ училъ, что не слѣдуетъ мѵропомазывать приходящихъ отъ православія, четвероконечному кресту должно воздавать равную честь съ осмиконечнымъ, кадить какъ въ православной церкви, а не крестообразно, какъ у старообрядцевъ; по послѣднему пункту его ученія, діаконовщину зовутъ еще *кадильниками*.

[2] Съ Керженца былъ въ числѣ другихъ Іона Курносый изъ скита Комаровскаго.

раля. Большинство рѣшило «перемазывать», то-есть вѣтковское согласіе взяло верхъ. Къ этому пристало московское общество, представители Керженца, Иргиза и др. мѣстъ. Перемазываніе означало большее удаленіе отъ господствующей церкви. По каноническимъ правиламъ перемазываютъ схизматиковъ или раскольниковъ, а подцерковниковъ, то-есть не отдѣлившихся отъ церкви, а только уклонившихся отъ нея, принимаютъ лишь по проклятіи ересей. Меньшинство (діаконовщина), во главѣ котораго былъ Никодимъ, не соглашалось посредствомъ перемазыванія удалиться отъ господствующей церкви и признать ее такимъ образомъ расколомъ. Произошло раздѣленіе. Партія перемазанцевъ хотя и желала архіереевъ, но полагала, что «нужды ради» можно какъ-нибудь и безъ нихъ обойдтись. Мvра безъ архіерея сварить нельзя — такъ сварилъ его на Рогожскомъ кладбищѣ попъ Василій. Никодимъ съ своею партіей отвергалъ такое мvро и желалъ епископа.

Никодимъ уѣхалъ изъ Москвы въ свой монастырь, что въ Стародубьѣ, подлѣ Злынки; но единомышленники его остались и въ Москвѣ, и въ Торжкѣ, и даже на Керженцѣ и Иргизѣ, хотя и малочисленные. Между ними происходили частыя и дѣятельныя сношенія по предмету исканія архіерейства.

Еще до собора бывшаго въ Москвѣ, въ томъ же 1779 году, Никодимъ, попъ Михаилъ Калмыкъ, купецъ Кузнецовъ и другіе ревнители старообрядства, діаконова согласія, жившіе въ Стародубьѣ, рѣ-

шились, по прежнимъ примѣрамъ, искать себѣ архіерейской хиротоніи на Востокѣ. Война съ Турками кончилась, — проѣхать было можно. И снарядили они посольство въ Грецію и Палестину, чтобы пригласить кого-либо изъ греческихъ православныхъ епископовъ перейти въ старообрядство и поселиться въ Стародубьѣ. Мало сохранилось извѣстій объ этой посылкѣ, но по отрывочнымъ извѣстіямъ, до насъ дошедшимъ, видно, что она была задумана точно на такихъ же основаніяхъ, на какихъ лѣтъ двадцать тому назадъ московскіе старообрядцы снарядили посольство для отысканія архіерея и водворенія его въ Бѣлой Криницѣ. Монахъ Іоасафъ, принадлежавшій къ поповскому согласію, изъ главнаго стародубскаго монастыря Покровскаго, что въ слободѣ Климовой, и другой стародубскій инокъ по имени Рафаилъ, отправились на Востокъ. Современникъ этой посылки монахъ Виталій [1], въ своемъ сочиненіи *О церкви и раскольникахъ*, разсказываетъ, что Іоасафъ, завидуя богатству и славѣ попа Михаила Калмыка, бывшаго въ то время какъ бы патріархомъ старообрядства, обратился къ діаконовцамъ съ предложеніемъ ѣхать въ многотрудное путешествіе для отысканія какого-либо восточнаго архіерея, а самъ думалъ о томъ, какъ бы самому надѣть омофоръ. У Рафаила то же было на умѣ. Оба

[1] Виталій, сначала старообрядецъ, потомъ единовѣрецъ, написалъ замѣчательное сочиненіе *О церкви и раскольникахъ*, отрывки котораго напечатаны въ *Христіанскомъ Чтеніи* 1854 г.

посланцы, разъѣзжая по Востоку, не очень хлопотали о приглашеніи тамошнихъ архіереевъ въ Россію, въ среду старообрядцевъ, а больше искали хиротоніи собственно для себя. Не съ одною тысячей стародубскихъ червонцевъ отправились они въ Константинополь, но тутъ не нашли желаемаго.[1] Изъ Царьграда поѣхали на Аѳонъ; здѣсь, въ 1781 году, епископъ Герасимъ посвятилъ Іоасафа въ іеромонахи, но преподать ему архіерейскую хиротонію безъ патріарха не рѣшился. Изъ Аѳона стародубскіе паломники отправились въ Іерусалимъ. Видя, что ни одинъ митрополитъ или епископъ греческій не посвятитъ ихъ въ архіереи, рѣшились они обратиться къ самому патріарху. Въ Іерусалимѣ былъ тогда патріархъ антіохійскій Даніилъ. Не имѣя понятія о русскомъ расколѣ и желая побольше денегъ «на выкупъ христіянъ изъ турецкой неволи,» какъ объяснялъ онъ свою симонію, патріархъ Даніилъ посвятилъ Іоасафа въ архимандриты, но въ архіереи не посвятилъ. «Привезешь другую тысячу червонцевъ, говорилъ онъ, — посвящу и въ архіереи.» Столько денегъ у Іоасафа на лицо не было, и онъ воротился въ Россію за червонцами, въ ноябрѣ 1782 года, когда въ Стародубьѣ о заграничномъ епископствѣ ужь и думать перестали, по причинѣ совершенно измѣнившихся обстоятельствъ.[1] Виталій, изъ сочиненія котораго

[1] Іоасафъ остался у стародубскихъ старообрядцевъ, а по присоединеніи вмѣстѣ съ ними къ единовѣрію, призванъ былъ синодомъ въ званіи архимандрита и былъ настоятелемъ сначала Успенскаго Никодимова, что подлѣ

мы заимствуемъ этотъ разказъ, не говоритъ о дальнѣйшей судьбѣ Рафаила. Теперь извѣстно, что онъ, вѣроятно имѣя въ карманѣ не одну тысячу червонцевъ, получилъ отъ патріарха Даніила хиротонію, но возвращаясь въ Россію, умеръ гдѣ-то въ Турціи. [1]

Злынки, а потомъ Корсунскаго единовѣрческихъ монастырей. Умеръ около 1802 года.

[1] Лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ Оленевскомъ скитѣ, что на Керженцѣ, замѣтилъ я въ одномъ часовенномъ синодикѣ послѣ именъ московскихъ патріарховъ, рядъ которыхъ доведенъ до Іосифа включительно, слѣдующія имена: *«епископа Павла Коломенскаго, епископа Епифанія, епископа Рафаила.»* Скитницы на мои вопросы не объяснили кто такой этотъ Рафаилъ; по всей вѣроятности, сначала онѣ не хотѣли объяснить, отзываясь, невѣдѣніемъ. Обитель, въ которой былъ синодикъ (Никанорина), придерживалась діаконовщины и находилась въ связяхъ съ Малиновымъ островомъ. Потомъ въ синодикахъ старообрядцевъ разныхъ мѣстъ Нижегородской, Владимірской и Костромской губерній тоже случалось мнѣ встрѣчать вслѣдъ за именами Павла и Епифанія имя епископа *Рафаила.* Стало-быть онъ былъ послѣ Епифанія. Въ послѣдствіи оленевскія матери,—келейницы, болѣе сблизившись со мной, говаривали, что Рафаилъ былъ епископъ «по древлему благочестію», посланный въ Россію къ стародубскимъ отцамъ отъ антіохійскаго патріарха, котораго, вѣроятно на основаніи приведенныхъ въ первой главѣ этого сочиненія сказаній, онѣ считали старообрядцемъ. На основаніи этихъ свѣдѣній въ своей *Запискѣ о русскомъ расколѣ* написанной въ 1857 г. для Великаго Князя Константина Николаевича, и напечатанной г. Кельсіевымъ въ Лондонѣ я сказалъ: «въ помянникахъ нижегородскихъ, владимірскихъ

Въ то время, когда Іоасафъ и Рафаилъ странствовали по Востоку и, безъ согласія Стародублянъ, добывали для себя въ Іерусалимѣ архимандричьи шапки и архіерейскіе омофоры, попъ Михаилъ

и костромскихъ раскольниковъ встрѣчается рядомъ съ именемъ Епифанія еще имя *какого-то* епископа Рафаила». Послѣ составленія этой записки я встрѣчалъ имя Рафаила, также вслѣдъ за именами Павла Коломенскаго и Епифанія, въ нѣкоторыхъ синодикахъ старообрядцевъ Черниговской губерніи, а затѣмъ недавно получилъ старообрядческую рукопись новаго письма въ которой находится полное объясненіе загадочной личности Рафаила, которое съ тѣмъ вмѣстѣ согласуется и съ неясными намеками оленевскихъ матерей. Вотъ эта рукопись:

«Сказаніе вкратцѣ о православныхъ епископахъ въ гонительное время бывшихъ.

«Бѣгствующая и бѣдствующая, отъ лѣтъ Никона патріарха московскаго и отъ послѣдующихъ ему, церковь, епископовъ, къ намъ приходящимъ въ православіе, имѣетъ: 1) Епископа *Павла Коломенскаго*, пострадавшаго тогда за благочестіе, въ Палеостровскомъ монастырѣ, повелѣніемъ россійскаго царя Алексія. 2) Епископа *Епифанія Чигиринскаго*, пріемшаго хиротонію отъ господина Георгія, митрополита ясскаго и пострадавшаго за благочестіе въ Соловецкомъ монастырѣ и паки въ Кіевѣ, повелѣніемъ россійской царицы Анны. 3) Епископа *Рафаила Злынскаго*, пріемшаго хиротонію отъ Даніила, патріарха антіохійскаго. Той епископъ области своея не достиже, но, волею Господа, въ Туречинѣ на пути животъ свой скончa. 4) Архіепископа *Амвросія Бѣлокриницкаго* и митрополита всѣхъ православныхъ христіянъ, бываго митрополита босанскаго, познавшаго тщету вѣры греческія и возвратившагося въ лоно единыя, соборныя, апостольскія церкви, пострадавшаго же за благочестіе въ градѣ Цил-

Калмыкъ и Никодимъ, думавшіе уже, что посланцы ихъ гдѣ-нибудь запропали, получили изъ Вѣтки, тогда уже вошедшей въ предѣлы Имперіи,

---

лѣ, повелѣніемъ австрійскаго царя Фердинанда (въ подлинникѣ Фердина). 5) Архіепископа *Кирилла Бѣлокриницкаго,* митрополита всѣхъ православныхъ христіянъ, бывaго епископа майносскаго, пріемшаго хиротонію отъ высоко преосвященнаго Амвросія, митрополита. 6) Архіепископа *Аркадія Славскаго и Россійскаго* (?) пріемшаго святую хиротонію отъ руки высокопреосвященнаго Амвросія митрополита, пострадавшаго за благочестіе во градѣ Суждалѣ. (Здѣсь подъ словомъ *пострадавшаго* разумѣть должно Аркадія, а не Амвросія). 7) Епископа *Онуфрія Браиловскаго,* пріемшаго святую хиротонію отъ руки высокопреосвященнаго Амвросія, митрополита всѣхъ православныхъ христіянъ. 8) Епископа *Софронія Симбирскаго*, пріемшаго святую хиротонію отъ высокопреосвященнаго господина митрополита Кирилла. 9) Архіепископа *Аркадія Задунайскаго*, пріемшаго святую хиротонію отъ господина Кирилла митрополита всѣхъ православныхъ христіянъ. 10) Епископа *Олимпія Тульчинскаго*, пріемшаго святую хиротонію отъ руки преосвященнаго Аркадія архіепископа славскаго и россійскаго, Онуфрія, епископа браиловскаго. Скончa животъ въ нуждѣ и заточеніи во градѣ Суждалѣ. 11) Архіепископа *Антонія Владимірскаго и всея Россіи,* пріемшаго святую хиротонію отъ высокопреосвященнаго митрополита Кирилла. 12) Епископа *Израиля Уральскаго*. 13) Епископа *Виталія* отъ того святителя (Антонія) хиротонію пріемшихъ. 14) Епископа *Конона Новозыбковскаго*, во градѣ Суждалѣ пострадавшаго. 15) Епископа *Аѳанасія Саратовскаго.* 16) Епископа *Геннадія Екатеринбургскаго*, нынѣ пострадавшаго. 17) Епископа *Пафнутія Московскаго.* 18) Епископа *Варлаама Балтовскаго.* 19) Епископа *Іустина.* 20) Епископа *Іова Кавказскаго.* 21) Епископа *Пафнутія Казанскаго.* 22) Епископа *Константина Оренбургскаго.*

извѣстіе, что въ Подоліи [1], въ мѣстечкѣ Немировѣ, временно проживаетъ греческій митрополитъ Евсевій, который не прочь посвятить для старообрядцевъ епископа. Рядомъ съ Немировымъ расположены по берегу Буга старообрядческія слободы: Борская, въ которой нѣкогда проживалъ Аѳиногенъ, Курникъ, Перепеличье и другія. Онѣ находились еще подъ владычествомъ Польши. Вѣтковскіе отцы изъ монастырей Лаврентьева, Пахоміева и Макаріева писали въ Злынку къ попу Михаилу Калмыку и Никодиму, чтобъ они вошли въ сношенія съ Евсевіемъ и уговорили его, за извѣстную плату, посвятить какого-либо старообрядца въ епископы. Никодимъ, съ свойственною ему

---

23) Епископа *Савватія Тобольскаго*. 24) Епископа *Сергія Тульскаго*. И иніи на епархіяхъ во Австріи, Молдавіи, Турціи же, и Египтѣ, въ Сиріи же и Палестинѣ поставлены высокопреосвященнымъ архіепископомъ бѣлокриницкимъ и митрополитомъ всего православія.»

Въ послѣднее время получили мы извѣстіе еще о двухъ епископахъ—*Варсанофіи* и *Викентіи Екатеринбургскомъ*. Послѣдній посвященъ въ Москвѣ лѣтомъ 1863 года изъ діаконовъ Оренбургскаго епископа Константина.

Вотъ кстати и синодикъ Рогожскаго кладбища, найденный въ августѣ 1855. Онъ начинается такъ: «За здравіе. Помяни Господи, *митрополитовъ*: Амвросія, Кирилла; *архіепископовъ*: Аркадія, Антонія, Аркадія; *епископовъ*: Онуфрія, Олимпія, Софронія, Виталія; *архимандритовъ*: Геронтія, Аѳанасія, Аркадія» и т. д. Затѣмъ слѣдуютъ имена священниковъ, иноковъ и инокинь.

[1] А не на Волыни, какъ сказано у преосвященнаго *Макарія* въ *Исторіи русскаго раскола*, стр. 354. Немировъ, въ Брацлавскомъ уѣздѣ Подольской губерніи.

энергіей, схватился за этотъ нежданный, негаданный случай. Богъ знаетъ, воротятся ли Іоасафъ съ Рафаиломъ, думалъ онъ, а если и привезутъ они епископа, лишній не помѣшаетъ. И начались въ стародубскихъ и вѣтковскихъ слободахъ совѣщанія, кого бы послать къ Евсевію въ Немировъ для полученія хиротоніи. Въ совѣщаніяхъ прошло не мало времени. Наконецъ избрали находившагося въ Малиново-островскомъ монастырѣ, что неподалеку отъ Злынки[1] и близь монастыря Никодимова, бѣглаго іеромонаха Іосифа и послали его въ Немировъ. Но онъ не засталъ Евсевія въ этомъ мѣстечкѣ; за десять дней до его пріѣзда митрополитъ уѣхалъ въ Грецію.

Въ 1781 году Никодимъ и попъ Михаилъ Калмыкъ были въ Вишенкахъ, имѣніи графа Румянцева-Задунайскаго, тогда главнаго начальника Малороссіи, къ которой причислялось и Стародубье. Разговаривая съ ними о старообрядствѣ, герой Кагула коснулся необходимости для церкви архіерейскаго сана и подалъ собесѣдникамъ мысль искать епископа не крадучись, а *путемъ законнымъ, то-есть просить императрицу и синодъ о назначеніи особаго для нихъ архіерея и такимъ*

---

[1] Малиновоостровскій Рождественскій монастырь при рѣкѣ Ипути, впадающей въ Сожъ, находится въ Новозыбковскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи, близь самой границы Бѣлоруссіи. Церковь въ немъ освящена въ 1771 году бѣглымъ іеромонахомъ Киромъ. Это былъ въ послѣдствіи главный монастырь всей діаконовщины, не перешедшей въ единовѣріе. Онъ уничтоженъ въ 1849 году.

образомъ возсоединиться съ православною церковью. Никодимъ и Михаилъ сомнѣвались въ успѣхѣ, но Румянцевъ обнадежилъ ихъ, обѣщая и съ своей стороны ходатайство предъ государыней и синодомъ. Начались у стародубской діаконовщины совѣщанія объ этомъ предложеніи Румянцева, начались частыя и дѣятельныя сношенія съ одновѣрцами, не принявшими въ 1779 году московскаго догмата о «перемазаніи» и жившими въ Москвѣ, Торжкѣ, на Керженцѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ и другихъ мѣстахъ. Въ сентябрѣ 1781 года Никодимъ писалъ уже о намѣреніи своемъ къ знавшему его лично и любившему входить съ нимъ въ богословскіе споры, всесильному князю Потемкину. Потемкинъ также, какъ и Румянцевъ, обѣщалъ старообрядцамъ свое ходатайство и обнадеживалъ, что императрица и митрополитъ петербургскій Гавріилъ непремѣнно согласятся дать имъ особаго епископа, для служенія по старому обряду. Въ началѣ 1782 года Никодимъ былъ въ Петербургѣ; Потемкинъ представилъ его Екатеринѣ. Она также обнадежила его, что имъ дадутъ законныхъ священниковъ и архіерея для служенія по обрядамъ до-никоновскимъ, если на этомъ условіи они согласятся возсоединиться съ православіемъ. Никодимъ, вмѣстѣ съ другими старообрядцами, былъ не разъ и у митрополита Гавріила и много говорилъ съ нимъ объ этомъ предметѣ. Наконецъ рѣшились подать просьбу о епископѣ.

По возвращеніи изъ Петербурга, въ томъ же 1782 году, Никодимъ и другіе согласные съ нимъ

искали по Россіи законнаго архіерейства. Они ѣздили въ Новгородъ, въ Новый Іерусалимъ, въ Задонскъ, въ Нижній Новгородъ, приглашать къ себѣ жившихъ тамъ на покоѣ, оставившихъ свои епархіи, русскихъ архіереевъ. Прежде всего обратились они къ епископу воронежскому Тихону, жившему съ 1767 года на покоѣ въ Задонскомъ монастырѣ. Благочестивая, истинно христіянская жизнь этого святителя, его учительное слово, были извѣстны и старообрядцамъ. Вообще нерасположенные къ православному духовенству, особенно къ высшему, не могли они не отдавать полной справедливости святой жизни Тихона, и теперь Никодиму и его единомысленникамъ особенно хотѣлось, чтобы во главѣ ихъ сталъ такой благочестивый святитель. Къ нему въ Задонскъ пріѣзжалъ изъ Москвы одинъ саратовскій купецъ, и говоря, что уже императрица согласна дозволить имъ имѣть особаго епископа для служенія по старому обряду, просилъ дать свое согласіе на поступленіе къ нимъ. Святитель Тихонъ не далъ прямаго отвѣта, но сказалъ: «Къ чему же я приступлю? Пока, вы сами еще пусты!»

Другіе старообрядцы ѣздили изъ Москвы въ Новый Іерусалимъ, гдѣ въ то время жилъ на покоѣ бывшій крутицкій епископъ Сильвестръ, но и отъ него не получили прямаго отвѣта. Нижегородскіе старообрядцы обращались къ проживавшему съ 1778 года въ тамошнемъ Печерскомъ монастырѣ, бывшему рязанскому епископу Палладію. Этотъ также не далъ рѣшительнаго отвѣта, но

сказалъ: «подумаю». Наконецъ, изъ Торжка ѣздили старообрядцы въ Новгородъ, гдѣ въ Юрьевѣ монастырѣ жилъ Іоанникій, бывшій викарій новгородскаго митрополита, епископъ олонецкій и корсгольмскій. Что отвѣчалъ имъ Іоанникій—не знаемъ, хотя Новоторы и увѣряли своихъ одновѣрцевъ, что онъ ужъ согласился перейти къ нимъ. [1]

Не найдя такимъ образомъ русскаго епископа, который бы изъявилъ рѣшительное согласіе служить по до-никоновскому обряду, старообрядцы подали просьбу, не поименовывая архіерея, но прося прислать изъ синода, при указѣ ея императорскаго величества, какого угодно епископа, но только родомъ Великорусса. Всѣ боялись обливанства Малороссіянъ. Вотъ этотъ пунктъ просьбы.

«3-й пунктъ. Прислать, при указѣ ея императорскаго величества, изъ святѣйшаго правительствующаго синода поставленнаго изъ великороссійской породы хорепископа [2], то-есть сельскаго или

---

[1] О приглашеніи Тихона и Іоанникія см. Андр. Іоаннова Журавлева *Историческое извѣстіе о раскольникахъ*, стр. 362 и 363. О приглашеніи Сильвестра и Палладія сохранились преданія у нижегородскихъ и московскихъ старообрядцевъ.

[2] *Хорепископъ* — санъ высшій іерейскаго, но низшій епископскаго, существовалъ въ древней православной церкви, но съ теченіемъ времени упразднился. Теперешніе викарные архіереи—нѣчто въ родѣ древнихъ хорепископовъ. Въ *Кормчей Книгѣ* есть посланіе Св. Василія Великаго къ *хорепископамъ*, изъ котораго видно что въ его время въ каждомъ селеніи былъ свой хорепископъ, которому было поручено мѣстное духовенство. Никодимъ съ

слободскаго, которому быть не относительну до епархіальнаго архіерея, а подлежать святѣйшему правительствующему синоду.»

Прошеніе подалъ Никодимъ въ апрѣлѣ 1783 года всесильному тогда князю Потемкину-Таврическому[1] въ слободѣ Добрянкѣ. Началось дѣло о присоединеніи старообрядцевъ къ господствующей церкви. Мы не будемъ теперь распространяться о томъ, какъ оно шло. Скажемъ одно, что и Румянцевъ, и Потемкинъ усердно хлопотали, чтобы сдѣлано было все согласно данному ими обѣщанію... Но измѣнились обстоятельства.

Никодимъ въ маѣ 1784 года умеръ. Дѣло затянулось. Затѣмъ одинъ за другимъ умерли и Потемкинъ, и Румянцевъ. Скончалась и Екатерина. Митрополитъ Гавріилъ былъ въ немилости у Павла I — дѣло передали учителю этого императора, московскому митрополиту Платону. Оно продолжалось, но объ особенномъ архіереѣ для старообрядцевъ, о просимомъ ими хорепископѣ, не было и рѣчи. Составлены были Платономъ и въ октябрѣ 1800 года утверждены Павломъ I *«правила единовѣрія»*. Они не удовлетворили ожиданіямъ старообрядцевъ. О хорепископѣ пройдено молчаніемъ и, сверхъ того, Платонъ не согласился простить бѣглыхъ поповъ, бывшихъ у старообрядцевъ. «Прежнихъ ихъ поповъ,

---

другими просили помѣстить хорепископа въ слободской Успенскій монастырь (Никодимову пустынь), что между посадами Зыбкой (городъ Новозыбковъ) и Злынкой.

[1] Прошеніе это напечатано въ *Чтеніяхъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей*, 1859 г. № 4.

яко бѣглецовъ и предателей сана своего, къ таковой (единовѣрческой) церкви не допускать», написалъ онъ на второй пунктъ просьбы старообрядцевъ, желавшихъ оставить у себя бывшихъ у нихъ священниковъ, къ которымъ они привыкли, которымъ вручили свою совѣсть. Такимъ образомъ мѣра, инициатива которой принадлежитъ Румянцеву-Задунайскому, не состоялась вполнѣ, и потому не были удовлетворены ожиданія ни той, ни другой стороны. Успѣхи единовѣрія были слабы. Поповщинцы діаконовскаго согласія, отвергнувшіе постановленіе московскаго перемазанскаго собора 1779 года, теперь отдалились отъ церкви болѣе, перейдя почти всѣ въ согласіе «перемазанцевъ», иначе называвшееся «вѣтковскимъ», «иргизскимъ», «рогожскимъ». Діаконовщина, бывшая столь близкою къ господствующей церкви, вслѣдствіе воздвигнутаго на нее гоненія со стороны Рогожескаго кладбища за инициативу единовѣрія, пала. Слабые остатки ея удержались въ Малиновоостровскомъ монастырѣ, который бѣднѣлъ съ каждымъ годомъ, въ Орлѣ, и немного въ Оленевскомъ скитѣ, на Керженцѣ. [1]

Появилось много полемическихъ сочиненій, направленныхъ противъ единовѣрческой церкви. Изъ нихъ особенно замѣчательны были: Андреяна Сергѣева — *Два отвѣта петропольскимъ уніатамъ на ихъ вопросы о причинѣ, не позволяющей съ ними быть во единой вѣрѣ и богослуженіи,* Гаврилы Скоч-

[1] Въ 1848 г. въ этомъ скитѣ было только 12 человѣкъ діаконовщины.

кова — *Критическое показаніе въ стихахъ и прозѣ о бытіи въ Россіи трехъ церквей: никоновой, уніатской и старообрядческой или поповщины*; Павла Онуфріева Любопытнаго — *Отвѣтъ петропольскимъ уніатамъ о несовмѣстности соединенія съ ними въ вѣрѣ Христовой церкви.* Явились даже сатиры въ стихахъ, писанныя старообрядцами. Единовѣрцы не отвѣчали. [1]

---

[1] Андрей Іоанновъ Журавлевъ въ *Историческомъ извѣстіи о раскольникахъ*, стр. 362, 363, говоритъ: «Жившіе за границею по сю сторону рѣки Днѣпра старообрядцы отправили отъ себя къ крымскому митрополиту, чтобы поставилъ имъ епископа, но онъ, безъ благословенія константинопольскаго патріарха не хотѣлъ того сдѣлать, а произвелъ имъ только игумена Іоанна, попа Ѳеодота, да одного дьякона.» О. Журавлевъ не упоминаетъ когда это было, но полагать надобно до 1768 года. Въ 1772 г. уже не было болѣе старообрядцевъ «за границею по сю» (по лѣвую, сторону Днѣпра). По первому раздѣлу Польши весь Днѣпръ принадлежалъ Россіи. А между 1768 и 1772 годами вѣтковскіе старообрядцы (рѣчь идетъ, безъ сомнѣнія, о нихъ) не могли пробраться въ Крымъ, по той причинѣ, что русскими войсками дорога была отрѣзана. Но въ 1768 году вѣтковскія слободы едва ли еще возникли послѣ раззоренія 1764 года. Въ нашихъ источникахъ нѣтъ ничего объ этой посылкѣ Вѣтковцевъ въ Крымъ, но думаемъ, что извѣстіе о. Журавлева относится еще ко временамъ царствованія Елизаветы, по всей вѣроятности, къ періоду времени между 1758 и 1762 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЦѢНА 1 р. 50 к.